

Станислав Гроф

Надличностное видение

Целительные возможности необычных состояний сознания

1. Необычные состояния сознания

Данные, о которых рассказывается в книге «Надличностное видение», берут начало в исследовательской области, которую академическая психиатрия именует «измененными» или «необычными» состояниями сознания». Но ваше внимание здесь я постараюсь сосредоточить прежде всего на таких переживаниях, которые предоставляют новые, необычные сведения о человеческой психике, а также на тех переживаниях, что проявляют способность исцелять, преображать и развивать человека. Однако название «необычные состояния сознания» оказывается слишком общим для этого, ибо включает в себя ряд состояний, которые явно не соответствуют данным требованиям.

Сознание может глубоко изменяться под воздействием самых разнообразных патологических процессов: мозговой травмы, поражения химическими отравляющими веществами или инфекцией, нарушением мозгового кровообращения или злокачественной опухолью, развивающейся в мозге. Подобные состояния могут приводить к глубоким переменам в умственной деятельности, из-за которых их можно было бы отнести к разряду «необычных состояний сознания». Ведь они вызывают «обыкновенный бред», или «органические психозы» — состояния, связанные с утратой способности ориентироваться, с нарушением умственной деятельности и последующей амнезией. Но хотя эти процессы с клинической точки зрения, безусловно, являются важными, однако для исследователей сознания они не представляют особого интереса.

Для той большой и очень важной подгруппы необычных состояний сознания, на которой основана книга «Надличностное видение», в современной психиатрии нет особого названия. Но я полагаю, что из-за своих совершенно уникальных черт эти состояния заслуживают того, чтобы быть выделенными из всех остальных и определенными в качестве особой категории. Чтобы их описать, я и придумал для них наименование *холотропных*. Это сложное слово буквально означает «обращенный к цельности» или «движущийся в направлении целостности» (от греч. *holos* — «целый», «весь», и *trepein* — «движущийся к чему-либо или в направлении чего-либо»)*. Таким образом, понятие «холотропный» предполагает, что в своем повседневном состоянии сознания мы отождествляемся только с одним очень маленьким фрагментом того, что мы есть в действительности.

В холотропных состояниях сознание очень глубоко и качественно видоизменяется в своей основе, но не оказывается поврежденным, как при органических психозах (таких, как отравление, заражение и т.д.). И в них мы переживаем вторжение других измерений сущего, которые могут оказываться очень напряженными и даже всепоглощающими. Но в то же самое время, как правило, мы полностью ориентируемся и в пространстве, и во времени, совершенно не утрачивая связи с повседневной

действительностью. Холотропные состояния характеризуются каким-то особым преображением сознания, связанным с волнующими изменениями восприятия во всех чувственных сферах, с чрезвычайно сильными и зачастую необыкновенными чувствами и с глубокими переменами в ходе мыслительной деятельности. Обычно они сопровождаются также широким набором ярких психосоматических проявлений и необычным поведением.

* Буквально *trepw* означает «поворачивать, вращать, обращать», речь идет об обращении, о возврате к целому, к изначально единому, к полноте. Между прочим, корень *врат* тот же, что и в слове «врач», и на древнерусском языке *врачатися* означало «поворачиваться», а о духовном исцелении так и говорили — *врачество*. Почти в каждой духовной традиции, в том числе и в православии, есть понятия, описывающие такое событие и именующие его подобным образом, но в каждом отдельном случае они обозначают точные и конкретные практики и являются техническими терминами, употребляемыми исключительно в контексте данного метода. Поэтому мы посчитали возможным оставить слово «холотропный» без перевода, хотя наиболее подходящим переводом могло бы стать слово «всецелообращающий». — *Прим. пер.*

Содержание холотропных состояний оказывается подчас мистическим или духовным. Мы можем пережить череду психологической смерти и возрождения и широкий спектр надличностных явлений, таких, как чувства единения и отождествления с другими людьми, с природой, Вселенной, Богом, обнаружить нечто такое, что кажется нам воспоминаниями из других воплощений, встретиться с яркими архетипическими образами, общаться с бесплотными существами и посещать бесчисленные мифические края. Наше сознание может отделяться от тела и сохранять, тем не менее, свою способность воспринимать как ближайшее окружение, так и места самые что ни на есть, отдаленные.

Древние и туземные культуры тратили необычайно много времени и усилий на выработку действенных техник, которые могли бы вызывать подобные состояния. Подобные «технологии священного» используют различные сочетания пения, дыхания, барабанного боя, ритмичной пляски, а также пост, уединение, чувственное голодание, причинение сильной физической боли и т.д. Многие культуры достигали холотропных состояний, используя психodelические растения. Самыми известными примерами среди них могут служить некоторые сорта конопли, психоактивные грибы, мексиканский кактус пейот, южно-американские и карибские сорта табака, кустарник ибоба, а также лиана амазонских джунглей (*Banisteriopsis caapi*) — источник яхе, или айяуаски.

Другими важными возбудителями холотропных переживаний являются различные виды целенаправленной духовной деятельности, включающей в себя медитацию, сосредоточение, дыхание и разного рода подвижные упражнения. Они используются в различных школах йоги, в випашьяне, или в дзэн-буддизме, в тибетской ваджраяне, в даосизме, в христианской мистике, в суфизме и кабале. Изменяющие ум техники также применялись в таких древних таинствах смерти и возрождения, как храмовые посвящения Изиды и Осириса в Древнем Египте, древнегреческие вакханалии, богослужения Аттиса и Адониса и элевсинские мистерии. Особые приемы, включавшиеся в эти тайные обряды, по большей части так и остались

никому не известными, хотя похоже, что значительную роль в них играли психоделические снадобья.

Среди современных средств достижения холотропных состояний сознания есть чистые активные начала, выделенные из растений (мескалин, псилоцибин, производные трип-тамина, хармалин, ибogaин, тетрагидроканнабинолы и другие) или синтезированные в лаборатории (ЛСД, производные амфетамина и кетамин), а также сильнодействующие виды переживательной психотерапии, такие, как гипноз, неорай-хианские подходы, первичная терапия и рибёфинг. Вместе с моей женой Кристиной мы разработали методику холотроп-ного дыхания — мощнейший метод, который способствует возникновению глубоких холотропных состояний такими необычайно простыми средствами, как осознанное дыхание, побуждающая музыка и целенаправленная телесная работа.

Для изменения сознания существуют также действенные лабораторные методики. Одной из них является сенсорная изоляция, которая вызывает значительное уменьшение значимых чувственных раздражителей. В ее крайнем виде у индивида отключаются чувственные сигналы посредством погружения в темный и звуконепроницаемый водоем с водой, имеющей температуру человеческого тела. Другой хорошо известный метод изменения сознания — это клинический мониторинг, при котором индивид электронными сигналами отрицательной обратной связи вводится в необычное состояние сознания, характеризующееся определенными частотами мозговых волн. Можно упомянуть также о техниках лишения сна и сновидений или о ясных снах.

Важно также подчеркнуть, что эпизоды холотропных состояний разной длительности могут возникать сами собой, без какой-либо устанавливаемой причины и часто против воли людей. А поскольку современная психиатрия не проводит различия между мистическими или духовными переживаниями и душевными болезнями, люди, переживающие такие состояния, получают ярлык психотиков, госпитализируются и подвергаются предписанному подавляющему психофармакологическому воздействию. Мы же с моей женой Кристиной относимся к этим состояниям как к «духовно-душевному кризису» или «духовным обострениям». Мы полагаем, что при обеспечении поддержки и необходимого ухода они могут приводить к эмоциональному и душевно-телесному исцелению, к благоприятному преображению личности и к эволюции сознания.

Западная психиатрия и психология рассматривают холотропные состояния (за исключением сновидений, которые не являются повторяющимися или кошмарными) преимущественно как явления патологические, нежели как возможные источники исцеления или достоверных сведений о человеческой психике. Когда бы и каким бы образом не происходили произвольно возникающие необычные состояния сознания, традиционно ориентированные врачи-клиницисты без разбора склонны наклеивать этим пациентам патологические ярлыки и применять медикаментозное подавление. Майкл Харнер, антрополог с прекрасной академической репутацией, во время полевой работы в амазонской сельве прошедший шаманское посвящение и занимающийся шаманизмом, полагает, что западная психиатрия серьезно искажена, по крайней мере, двояко:

— она этноцентрична, это означает, что она рассматривает собственное видение человеческой души и действительности как единственно

правильное и наивысшее по отношению ко всем остальным;

— она когницентрична (быть может, более точное слово прагмацентрична), это означает, что она принимает к сведению переживания и наблюдения, имеющие место исключительно в обычных состояниях сознания.

Отсутствие интереса психиатрии к холотропным состояниям сознания и пренебрежение по отношению к ним повлекли за собой культурную установку на невосприимчивость и склонность паталогизировать любой вид деятельности, который нельзя было бы представить в узком контексте материалистической монистической парадигмы, не делая при этом исключения ни для обрядовой и духовной жизни древних и доиндустриальных культур, ни для всей духовной истории человечества в целом.

Но если мы последовательно исследуем переживания и наблюдения, связанные с холотропными состояниями, то с неизбежностью придем к коренному пересмотру наших основополагающих представлений о сознании и душе человека, что повлечет за собой совершенно новый подход к психиатрии, психологии и психотерапии. И перемены, которые нам придется претерпеть в нашем мышлении, распадаются на шесть ниже перечисленных больших разрядов.

Природа человеческой психики и различные измерения сознания

Традиционные академические психиатрия и психология пользуются моделью, ограничивающейся биологией, послеродовой биографией и фрейдовским индивидуальным бессознательным. Но для того, чтобы объяснить все феномены, происходящие в холотропных состояниях, мы должны коренным образом пересмотреть наше представление об измерениях человеческой психики. Ибо кроме послеродового биографического уровня, новая расширенная ее картография включает две дополнительные области: околородовую (относящуюся к травме рождения) и надличностную (охватывающую все виды наследственной, расовой, коллективной и психогенетической памяти, кармические переживания и архетипические движущие силы).

Природа и архитектоника эмоциональных и психосоматических нарушений

Чтобы объяснить разнообразные нарушения, которые не имеют под собой органической основы (так называемая «психогенная психопатология»), традиционная психиатрия применяет модель, ограничивающуюся изучением травм биографических, происходящих уже после родов, в младенческом и детском возрасте и на протяжении последующей жизни. Новое же понимание предполагает, что корни подобных нарушений залегают намного глубже и имеют в своем составе доли, происходящие и из дородового уровня (травма рождения), и из надличностных областей психики (как они были определены выше).

Действенные терапевтические механизмы

Традиционная психотерапия признает терапевтические механизмы, действующие только на уровне биографического материала, такие, как воспоминание забытых событий, раскапывание того, что было вытеснено из

сознания, воссоздание прошлого, на основе сновидений и невротических симптомов, повторное проживание травматических воспоминаний и анализ переноса. Холотропные исследования открывают множество иных важных механизмов исцеления и преобразования личности, которые становятся доступными, когда наше сознание достигает околородового и надличностного уровней.

Стратегия психотерапии и самоосвоение

Цель традиционных видов психотерапии состояла в том, чтобы получить понятийное представление о том, как действует психика, почему развиваются симптомы и что они означают. А уж затем подобное понимание становится основанием для развития техники, которую терапевты могут задействовать для лечения своих пациентов. Но большим затруднением, связанным с подобной стратегией, оказывается поразительное отсутствие согласия между психологами и психиатрами даже в том случае, когда речь заходит о самых существенных теоретических вопросах, и отсюда же происходит невероятное количество школ, существующих в психотерапии. Работа же с холотропными состояниями предоставляет нам неожиданную радикальную альтернативу — привлечение глубинного внутреннего разума пациентов, которая правит всем ходом исцеления и преобразования.

Природа духовности

Западная материалистическая наука не оставляет никакого места ни единому виду духовности и рассматривает духовность как несовместимую с научным мировоззрением. Современные исследования сознания показывают, что духовное начало является исконным и естественным измерением человеческой психики и мироустройства. Но в этой связи очень важно отличать духовность от религиозности.

Природа действительности

Вопросы, связанные с необходимыми переменами, обсуждавшиеся вплоть до этого момента, касались в основном теории и практики психиатрии, психологии и психотерапии.

Однако работа с холотропными состояниями выдвигает опровержения и несравнимо более основополагающего характера. Данные многих опытов и наблюдений, поступивших в ходе этой работы, являлись настолько необычными, что просто не могли быть поняты в контексте материалистического монистического подхода к действительности. Оказалось, что их мировоззренческое воздействие заходит настолько далеко, что подрывает самые основополагающие исходные метафизические положения западной науки, в частности положения, касающиеся природы сознания и его отношения к материи.

Новая картография человеческой психики

Изучение холотропных состояний приводит к неоспоримому выводу: измерения человеческой психики неизмеримо более широки по сравнению с тем, во что хотелось бы верить академической психологии. Для того чтобы дать объяснение переживаниям и наблюдениям, исходящим из исследований холотропных состояний, я предлагаю некую новую картографию, или модель психики. В дополнение к обычному

биографическому уровню эта модель содержит две внебиографические области: околородовую область, связанную с травмой биологического рождения, и надличност-ную область, которая отвечает за такие феномены, как происходящее в переживании отождествление себя с другими людьми, животными и растениями; видения архетипических и мифологических существ и царств; наследственные, этнические и кармические переживания, отождествление со Вселенским Умом или Пустотой. Эти переживания на протяжении эпох описывались в религиозной, мистической и оккультной литературе.

Послеродовая биография и индивидуальное бессознательное

Биографическая уровень психики не требует подробных обсуждений, так как он известен по официальной профессиональной литературе. По сути дела, это то, чем все время занимаются традиционная психиатрия, психология и психотерапия. Однако когда мы исследуем эту область посредством методов, использующих холотропные состояния, а не просто словесную психотерапию, появляется несколько важных отличий. Во-первых, эмоционально значимые события не просто вспоминаются или косвенно воссоздаются из сновидений, оговорок или из искажений переноса — во всей полноте переживаются исходные эмоции, физические ощущения и даже особенности чувственного восприятия того возраста, в который происходит регрессия. Это значит, что во время переживания какого-то значимого травмирующего события детства или младенчества, человек действительно имеет телесный образ, наивное восприятие мира, чувства и ощущения, соответствующие тому возрасту, в котором он был в это время.

Второе отличие, которое мы отмечаем, когда работаем над биографическим материалом в холотропных состояниях, по сравнению с видами словесной психотерапии, заключается в том, что кроме столкновения с обычными психическими травмами в холотропных состояниях людям часто приходится снова проживать травмы, которые по своей природе были прежде всего травмами физическими. Многим людям пришлось пройти через переживания, связанные с утоплением, с хирургическими операциями, с несчастными случаями и с детскими болезнями, особенно с теми, что связаны с удушьем, такими, как дифтерия, коклюш, или со случаями удушения или попадания в дыхательные пути инородных предметов.

Все это проявляется само собой без, малейшего предварительного программирования. И когда все это выходит на поверхность, люди осознают, что такие физические травмы играют важную роль в психогенезисе их эмоциональных и психосоматических трудностей, таких, как астма, мигрень, разнообразные психосоматические боли, фобии, садомазохистские или суицидальные наклонности и депрессии. Повторное проживание подобного рода травматических воспоминаний и их приятие может иметь далеко идущие терапевтические последствия. И данное обстоятельство находится в остром противоречии с установками академической психиатрии и психологии, которые не признают психотравматического воздействия физических поражений.

Совокупности конденсированного опыта (СКО)

Другим новым представлением относительно биографического, или припоминающегося, уровня психики, появившимся в результате моих исследований, было открытие того, что эмоционально значимые воспоминания отлагаются в бессознательном не как мозаика отдельных впечатлений, а в виде сложных взаиморасположений движущих сил. Я дал им название «совокупности конденсированного опыта» (СКО). СКО включают в себя эмоционально нагруженные воспоминания из разных периодов жизни, схожих друг с другом по качеству чувства или физического ощущения, которое для них оказывается общим. Каждая СКО имеет основную тему, которая проходит сквозь все ее слои и представляет собой их общий знаменатель. Таким образом, оказывается, что индивидуальные слои содержат в себе вариации на эту основную тему, которые имели место в разные периоды жизни индивида.

Пример мощной СКО, лежащей в основе психогенной астмы

Природа этой главной темы значительно отличается одной СКО от другой. Слои отдельной СКО могут, например, содержать в себе все основные воспоминания об унижительных, оскорбительных и позорящих переживаниях, которые когда-то нанесли ущерб нашей самооценке. В другой же СКО общим знаменателем может выступать тревога, пережитая в разнообразных скандальных и пугающих положениях, или же чувства клаустрофобии и удушения, вызываемые гнетущими и ограничивающими обстоятельствами. Иным общим мотивом является отторжение или эмоциональное отключение, нарушающее способность доверять мужчинам, женщинам или людям вообще. Положения, которые породили в нас глубокое чувство вины или несостоятельности, события, которые привели к убеждению, что половые отношения опасны и омерзительны, встречи с немотивированной враждебностью и насилием также могут быть добавлены к вышеприведенному списку в качестве характерных примеров. Особенно важными являются СКО, содержащие воспоминания о встречах с обстоятельствами, угрожающими жизни, здоровью и целостности тела.

На ранних стадиях моих психоделических исследований, когда я впервые описывал СКО, я думал, что они правят взаимодействием сил на биографическом уровне бессознательного. Но по мере того как мои знания о холотропных состояниях становились все более богатыми и обширными, я

начал понимать, что корни СКО проникают гораздо глубже. Видимо, каждый из комплексов СКО укоренен в какой-то отдельной стороне травмы рождения. Однако типичная СКО проникает гораздо дальше и ее глубочайшие корни охватывают различные виды надличностных явлений, таких как переживания прошлой жизни, юнговские архетипы и происходящее в сознании отождествление с различными животными. Сегодня я рассматриваю СКО как главные организующие начала человеческой психики. Общее представление о СКО до некоторой степени напоминает идеи К.Г.Юнга о «психологических комплексах» и понятие Ханса-Карла Лёй-нера «трансфеноменальная динамическая система», но существует также множество черт, которые отличают их от обоих понятий.

СКО играют важную роль в нашей психической жизни. Ведь они могут влиять и на тот способ, каким мы воспринимаем себя, других людей и мир, и на то, как мы все это чувствуем. Они являются движущими силами, лежащими позади наших эмоциональных и психосоматических симптомов, трудностей в отношениях с другими людьми и иррационального поведения. Существует определенное взаимодействие движущих сил между СКО и внешним миром. Внешние события в нашей жизни могут избирательно приводить в действие соответствующие СКО, и, наоборот, действующие СКО вынуждают нас чувствовать и вести себя таким образом, чтобы мы воспроизводили их сердцевинные темы в нашей нынешней жизни.

«Внутренний радар» холотропных состояний

Перед тем как продолжить обсуждение новой, расширенной картографии человеческой психики, важно коротко упомянуть об одной очень значимой и необычной черте холотропных состояний, которая сыграла важную роль в картографировании территорий психических переживаний и оказалась неоценимым подспорьем для психотерапии. Ведь холотропные состояния имеют свойство вовлекать нечто подобное «внутреннему радару», который автоматически выносит из бессознательного в сознание то содержание, которое имеет самую сильную эмоциональную нагрузку, а по времени является самым насущным относительно их побудительных сил.

Это дает большое преимущество по сравнению со словесной психотерапией, в которой пациент приносит с собой длинный шлейф разного рода сведений и где именно терапевт должен решать, что является значимым, а что не имеет отношения к лечению и где у пациента имеются блокировки. Но так как между различными школами нет согласия по поводу этих основополагающих теоретических вопросов, то подобные суждения всегда отражают личную склонность терапевта, так же как и особые взгляды его школы.

Холотропные состояния предохраняют терапевта от вынесения столь трудных решений и по большей части исключают субъективность и профессиональную идиосинкразию словесных направлений. Сам собой происходящий отбор насущного содержания столь же самодвижно распространяется за пределы биографического уровня и направляет ход самоосвоения на околородовой и надличностный уровни психики. Эти надбиографические области не осознаются и не признаются академической психиатрией и психологией. Явления, происходящие в этих укромных уголках психики, были, однако, хорошо известны и признаваемы в древних и до-индустриальных культурах любой эпохи. Но в западной цивилизации,

они по заблуждению приписывались патологии неизвестного происхождения и рассматривались как бессмысленные странные плоды нарушений в деятельности мозга.

Околородовой уровень психики

Когда в ходе нашего глубинного самоосвоения через переживание мы прорываемся сквозь уровень воспоминаний младенчества и детства и доходим до нашего рождения, мы сталкиваемся с чрезвычайно сильными чувствами и физическими ощущениями, подчас превосходящими все, что, как мы прежде считали, могло бы происходить с человеком. В этот момент переживания превращаются в странное смешение тем рождения и смерти. Они включают в себя ощущение жестокого, угрожающего жизни стеснения и заточения и непреклонную, отчаянную борьбу зато, чтобы освободиться и выжить.

Очень тесная связь между рождением и смертью на околородовом уровне отражает то обстоятельство, что рождение по своей возможности — угрожающее жизни событие. Ведь и мать, и ребенок во время родов могут погибнуть. А некоторые дети рождаются синими от асфиксии или уже мертвыми и нуждаются в реанимации. Воспроизведение в памяти различных сторон биологического рождения может быть необычайно достоверным и убедительным, зачастую с фотографическими подробностями перепроигрывая весь ход родов. Это явление происходит даже с людьми, кто не имел никаких знаний о своем рождении и у кого не было никаких, даже самых общих, акушерских сведений об этом.

Например, мы можем обнаружить через непосредственное переживание, что родились ногами вперед, что во время наших родов использовались щипцы или что родились с пуповиной, обвившейся вокруг шеи. И мы чувствуем ту тревогу, биологическое неистовство, физическую боль и удушье, связанные с этим ужасным событием, и даже правильно распознаем тот тип анестезии, который использовался при нашем рождении. Подчас это переживание сопровождается различными положениями и движениями головы и тела, которые в точности воссоздают механику данного вида родов. И все эти подробности могут быть подтверждены, если доступны записи о рождении или надежные свидетельства персонала.

То, что в нашей психике столь сильно представлены смерть и рождение и их сокровенная связь, может поразить настроенных по старинке психологов и психиатров, но на самом деле она логична и совершенно понятна. Ведь роды жестко прерывают внутриутробное существование эмбриона. Он «умирает» как водный организм и рождается как воздуходышащий, физиологически и даже анатомически отличный вид жизни. И более того, проход по родовым путям сам по себе является трудным и даже угрожающим жизни событием.

Сексуальные переживания в околородовой области

Но не так легко понять, почему же движущие силы околородовой области также всегда содержат и сексуальную составляющую. И тем не менее, когда мы переживаем конечные стадии родов в роли плода, возникает необыкновенно сильное половое возбуждение. То же самое верно и для матери, которая во время родов может переживать какую-то смесь страха смерти и сильнейшее сексуальное наслаждение. Эта связь

кажется странной и загадочной, особенно по части того, что касается плода, и, конечно же, требует пояснения.

По-видимому, в человеческом организме существует некий механизм, обращающий чрезмерное страдание, особенно когда оно связано с удушением, в особый вид полового возбуждения. Эта связь на уровне переживания может наблюдаться в различных обстоятельствах, с рождением не связанных. Люди, которые пытались повеситься и были спасены в последнее мгновение, часто рассказывают, что при сильном удушье они ощущали почти непереносимое половое возбуждение. Известно, что у мужчин, казненных через повешение, как правило, наблюдается эрекция и даже семяизвержение. Литература о пытках открывает, что нечеловеческое физическое страдание зачастую вызывает состояния полового иступления.

В своем менее жестоком виде этот же механизм действует в разнообразных садомазохистских практиках, включающих в себя удувливание и удушение. В сектах, где постоянно применяется самоистязание, и у религиозных мучеников, подвергавшихся невообразимым пыткам, чрезвычайная физическая боль, достигнув определенной точки, переходила в половое возбуждение и иногда приводила к иступленному восторгу и неземным переживаниям.

Рождение как проход к превосходящему

Переживания околородовой области бессознательного не ограничиваются чувствами и физическими ощущениями, связанными с биологическим деторождением. Они также вовлекают символическую образность из надличностных областей. Околородовая область — это важный стык между биографическим и надличностным уровнями психики. Она представляет собой проход к историческим и архетипическим сторонам коллективного бессознательного в юнговском смысле. Конкретная символика этих переживаний берет начало в коллективном бессознательном, а вовсе не в наших индивидуальных банках памяти. Поэтому она может прийти из любой географической и исторической среды, также как и из любой духовной традиции мира, совершенно вне зависимости от наших этнических, культурных корней, или светского или религиозного воспитания.

Отождествление с ребенком, переживающим испытание родов, кажется, предоставляет нам доступ к переживаниям людей из иных времен и культур, различных животных и даже мифических героев. Как будто проникнув в переживания бьющегося за рождение дитя, мы достигаем сокровенной, почти мистической связи с сознанием представителей человеческого вида и других чувствующих существ, которые когда-то были в подобном затруднении.

Столкновение в переживании с рождением и смертью, кажется, само собой приводит к духовному раскрытию, которое ведет к открытию мистических измерений психики и встрече с тайной самого сущего. И, по-видимому, нет никакой разницы, происходила ли данная встреча в действительных жизненных обстоятельствах (таких, как женские роды или околосмертные переживания), или была чисто символической. Впечатляющие эпизоды, связанные с рождением, переживаемые в психоделических или холотропных сеансах, либо в ходе произвольных духовно-психических кризисов («духовных обострений»), кажется,

обладают таким же действием.

Стадии рождения

Биологическое рождение имеет три стадии. На первой стадии маточные схватки периодически сжимают плод и выхода из этого положения у него нет, так как шейка матки еще не раскрыта. Каждая схватка вызывает сдавливание маточных артерий, и плоду грозит нехватка кислорода. Продолжительные схватки растягивают шейку матки над головкой плода до тех пор, пока та не станет достаточно большой, чтобы позволить ему пройти по родовым путям. Полное раскрытие шейки матки знаменует переход от первой стадии родов ко второй, когда голова плода входит в малый таз, и плод начинает свое постепенное трудное продвижение по родовым путям. И третья стадия — это когда плод выходит из родовых путей и после перерезания пуповины становится анатомически независимым организмом.

Данные холотропных состояний показывают, что на каждой из этих стадий дитя переживает особый однотипный набор сильных чувств и физических ощущений. Эти переживания оставляют глубокие бессознательные отпечатки в психике, которые в жизни индивида в последующем будут играть важную роль. Усиленные эмоционально важными младенческими и детскими переживаниями, воспоминания рождения могут оформлять наше восприятие мира, глубоко влиять на повседневное поведение и вносить свою лепту в развитие различных эмоциональных и психосоматических нарушений.

В этом бессознательном материале все может всплывать на поверхность и полностью переживаться в холотропных состояниях. Когда ход нашего глубинного самоосвоения возвращает нас к рождению, мы обнаруживаем, что проживание каждой стадии родов связано с отдельным переживательным образцом. Каждый из подобных образцов характеризуется особым сочетанием чувств, физических ощущений и символических образов. Я называю эти образцы переживаний «базовые перинатальные матрицы (БПМ)».

Первая перинатальная матрица (БПМ-1) связана с внутриутробным существованием, непосредственно предшествующим рождению. Остальные три матрицы (БПМ-2, 3, 4) связаны с тремя клиническими стадиями родов: сдавливанием во время маточных схваток, проходом через родовые пути и появлением на свет в качестве физически самостоятельного организма. Каждая базовая перинатальная матрица, в дополнение к тому что служит отражением изначального положения плода на каждой из стадий рождения, также включает различные темы из жизни природы, человеческой истории и мифологии, сопровождаемые особым качеством переживаний, заимствованных из надличностных областей.

Взаимосвязи между переживаниями последовательных стадий биологического рождения и разнообразными символическими образами, с ними связанными, являются совершенно конкретными и согласованными. Но причина, почему они проявляются вместе, не постижима в терминах общепринятой логики. Однако это не означает, что такие соединения возникают произвольно или беспорядочно. Они обладают собственным глубинным строем, который лучше всего может быть описан как «логика переживаний». Это означает, что связь между переживаниями, характерными для различных стадий рождения, и сопутствующие им

символические темы основываются не на каком-то видовом внешнем подобии, а на том, что в них вовлечены те же самые чувства и физические ощущения.

Первая базовая перинатальная матрица (БПМ-1). В ту пору, когда мы переживаем события ненарушенного эмбрионального существования, мы часто сталкиваемся с образами обширнейших пространств, не имеющих ни пределов, ни границ. Иногда отождествляем себя с галактиками, межзвездным пространством или целой Вселенной. А иногда — переживаем плавание в океане и превращаемся в рыбок, дельфинов или китов. Ненарушенное внутриутробное переживание может также разворачиваться в видения Матери-Природы — безопасной, прекрасной и безусловно питающей, подобно доброй матке. Мы представляем себе плодоносящие сады, созревшие нивы, террасы полей в Андах или еще не загрязненные острова Полинезии. Переживание доброй матки также может открыть отдельный вход в архетипическую область коллективного бессознательного и раскрываться в образы небесных сфер или рая, как они описываются в мифологиях различных культур.

Когда же мы повторно проживаем события внутриматочных нарушений, воспоминания о «злой матке», у нас возникает чувство темной и зловещей угрозы, и мы часто ощущаем, что нас чем-то травят. Мы видим картины, изображающие грязные воды или свалки ядовитых отходов. И это отражает то обстоятельство, что многие родовые нарушения вызываются интоксикацией, происходящей в теле беременной матери. Переживание отравленной матки может связываться с видениями ужасных демонических существ из архетипических сфер коллективного бессознательного. Воскрешение в памяти более жесткого вмешательства в родовое существование, такого, как надвигающийся выкидыш или попытка аборта, обычно связано с ощущением грозящей вселенской беды или кровавыми апокалипсическими видениями конца света.

Вторая базовая перинатальная матрица (БПМ-2). Когда в переживании мы достигаем начала биологического рождения, мы, как правило, чувствуем, что нас как бы всасывает в гигантский водоворот или заглатывает какой-то мифический зверь. Мы можем также переживать, что весь мир или даже весь космос поглощается целиком. Что соединяется с образами архетипических чудищ, пожирающих или удушающих нас в своих лапах, таких, как левиафаны, драконы, киты, гигантские змеи, тарантулы или спруты. Всепоглощающее ощущение угрозы жизни приводит к сильной тревоге и такому недоверию ко всему окружающему, которое граничит с паранойей. Мы можем также переживать схождение в глубины подземного мира, царства мертвых или ада. Мифолог Джозеф Кемпбелл красноречиво изобразил это как общий мотив мифологических повествований о странствиях героя.

Повторное проживание полного развертывания первой стадии биологического рождения (когда матка сжимается, но шейка матки все еще не раскрыта — БПМ-2) — одно из худших переживаний, которое может случиться с человеком. Мы заперты в чудовищном кошмаре клаустрофобии, страдаем от мучительной эмоциональной и физической боли, нас пронизывает ощущение крайней беспомощности и безнадежности. Чувства одиночества, вины, бессмысленности жизни и экзистенциального отчаяния

достигают метафизических размеров. Мы утрачиваем связь с ходом линейного времени и оказываемся полностью убежденными, что подобное состояние не кончится никогда и что вообще никакого выхода нет. В нашем уме не возникает никакого сомнения, что религии описывают происходящее как ад — невыносимые эмоциональные и физические мучения без надежды на искупление. И в самом деле, подобное переживание может сопровождаться архетипическими образами чертей, демонов, адскими картинами из различных культур.

Когда мы сталкиваемся с бедственным состоянием безысходности в тисках маточных сокращений, мы переживаем это как картины коллективного бессознательного, в которые вовлечены люди, животные и даже мифологические существа, находящиеся в подобных болезненных и безнадежных положениях. Мы отождествляем себя с узниками в подземельях, с заключенными концентрационных лагерей или психиатрических лечебниц, с животными, пойманными в ловушки. Мы можем переживать невыносимые мучения грешников в аду или муки Сизифа, вкатывающего камень на гору, в глубочайшей яме Аида. Наша боль превращается в муки Христа, возопившего ко Господу, почему же тот его оставил. Нам кажется, что мы столкнулись с неминуемой бедой вечного проклятия.

Это состояние мрака и бездонного отчаяния известно в духовной литературе как «Великая Ночь Души». Но при более открытом взоре, несмотря на то, что это состояние связано с крайней безнадежностью, оно является важной стадией духовного раскрытия, и если оно переживается во всей своей глубине, на тех, кто прошел через него, оно может оказывать невероятное очищающее и освобождающее воздействие.

Третья базовая перинатальная матрица (БПМ-3). Переживание второй стадии родов, связанное с этой матрицей, — проталкивание плода через родовые пути уже после раскрытия шейки матки и нисхождения головы в малый таз — необыкновенно яркое и переменчивое. Сталкиваясь с беспорядочными воздействиями и водным давлением во время родов, мы переполняемся образами коллективного бессознательного, рисующего картины исполинских битв и сцены кровавого насилия и истязаний. И как раз во время этой стадии родов мы сталкиваемся с половыми влечениями и энергиями необычайной силы и неведомой природы.

Как уже было сказано ранее, половое возбуждение — важнейшая часть переживания рождения. Все это погружает нашу первую встречу с полем в чрезвычайно непредсказуемую среду — в положение, в котором наша жизнь находится под угрозой, где мы одновременно и страдаем, и причиняем боль, и где у нас нет возможности даже дышать. В то же время, мы переживаем какую-то смесь тревоги за жизнь и первичной биологической ярости, ибо последняя является вполне понятным ответом эмбриона на столь болезненное и угрожающее жизни переживание. На конечной стадии рождения мы также сталкиваемся с различными видами биологических веществ: кровью, слизью, мочой и даже фекалиями.

Из-за отягощенное™ подобными связями переживания и образы, с которыми мы встречаемся в то время, пока проживаем вновь эту стадию, как правило, представляют секс в его чрезвычайно извращенном виде. Странное смешение полового возбуждения с физической болью,

враждебностью, тревогой за жизнь и биологическими выделениями приводит к картинам порнографического, ненормального, садомазохистского, скатологического и даже сатанинского свойства. Нас переполняют буйные видения полового насилия, извращений, совращения и эротически мотивированных убийств.

Иногда эти переживания могут принимать вид соучастия в ритуалах, совершаемых ведьмами и сатанистами. По видимому, это связано с тем, что повторное проживание этой стадии рождения вовлекает в себя то же самое сочетание эмоций, ощущений и стихий, которые определяют архетипические картины черной мессы и шабаша ведьм (Вальпургиевой ночи). Это странная смесь полового возбуждения, буйства, угрозы жизни, боли, жертвы и столкновения с отвратительными в обычных условиях биологическими выделениями. Данный причудливый сплав переживаний связан чувством священного или чудесного, отражающим то обстоятельство, что все это разворачивается в близком соседстве с духовным раскрытием.

Эта стадия рождения так же связана с неисчислимыми образами коллективного бессознательного, рисующими картины неумного буйства, такие, как жестокие сражения, кровопролитные революции, яростные бунты, кровавая резня и геноцид. Причем во всех насильственных и сексуальных картинах, с которыми мы встречаемся на этой стадии, мы поочередно принимаем роль то насильника, то жертвы. Это пора главной встречи с темной стороной нашей личности, с юнговской «тенью». Но когда эта перинатальная фаза достигает своей вершины и близится к разрешению, многие люди видят Иисуса, Крестный путь и распятие и даже на самом деле могут переживать полное отождествление со страданиями Иисуса. Архетипическая же область коллективного бессознательного представляет мифических героев и божества, и, как правило, эти образы изображают смерть и возрождение вроде египетского Осириса, греческих Диониса и Персефоны и шумерской богини Инанны.

Четвертая базовая перинатальная матрица (БПМ-4). При повторном проживании третьей стадии рождения, когда задействуется лежащий в его основе образец переживания (действительное появление на свет), как правило, возникает мотив огня. Нас переполняют чувства, что тело наше пожирает палящий жар, охватывают видения горящих городов и лесов или мы представляем себя жертвами на заклании. Архетипические версии этого огня могут принимать вид очистительного пламени чистилища или сказочной птицы-феникс, погибающей в жаре своего горящего гнезда и возникающей из пепла возрожденной и юной. Кажется, что очистительный огонь уничтожает в нас все порочное и готовит нас к духовному возрождению. Когда же мы вновь проживаем момент рождения, мы переживаем его как полное исчезновение, за которым следуют возрождение и восстановление.

Чтобы понять, почему же мы переживаем повторное проживание биологического рождения как смерть и возрождение, нужно представлять, что происходящее с нами — нечто намного большее, чем просто отклик на первичное событие деторождения. Во время родов мы полностью зажаты в родовых путях и не имеем никакого способа выразить свои необычные чувства и ощущения. Стало быть, наша память о подобном событии остается психологически не переваренной и не принятой. Многое из нашего последующего самоопределения и установок по отношению к миру сильно

поражено тем глубоким напоминанием о той уязвимости, беспомощности и слабости, которые мы пережили при рождении. В каком-то смысле мы были рождены анатомически, но в действительности не наверстали это эмоционально просто лишь тем, что появились на свет и оставили опасность позади.

«Умирание» и мучения во время борьбы за рождение отражают настоящую боль и действительную угрозу жизни в ходе биологического рождения. Тем не менее, это другой вид смерти Я, которая предшествует возрождению. Это «смерть» наших старых представлений о том, кто мы есть, и о том, чему же подобен мир, который был высечен для нас (как были высечены наши физические впечатления) травматическим запечатлением рождения.

По мере того как мы вычищаем эти старые программы из нашего тела тем, что допускаем их проявление в сознании, они теряют свою эмоциональную нагрузку и сокращают свое разрушительное воздействие на нашу жизнь. При более широком охвате это событие в действительности является необычайно целительным и преображающим. Однако в то время как мы приближаемся к окончательному освобождению, у нас парадоксальным образом появляется чувство, что когда старые отпечатки покинут наш организм, то мы умрем вместе с ними. Временами мы переживаем не только чувство нашего личного устранения, но также и разрушение того мира, который мы знаем.

И тогда, когда от переживания изначального освобождения нас отделяет лишь один-единственный шаг, у нас внезапно возникает ощущение всепронизывающей тревоги и надвигающейся катастрофы необычайных размеров. В духовном странствии на стадии смерти Я впечатление неизбежного рока бывает абсолютно убедительным и всепоглощающим. В этот миг нам может потребоваться ободрение и психологическая поддержка. Главное чувство: мы теряем все, что нам известно, и все, что есть мы. И в тот миг у нас нет никаких представлений о том, что находится с другой стороны, и даже есть ли там вообще что-нибудь. И подобный страх — причина, почему люди отчаянно сопротивляются тому, что происходит на этой стадии. А в итоге они оказываются психологически застрявшими на этой труднопреодолимой территории на бесконечное время.

Непосредственно сразу же за этим переживанием полного уничтожения — падением на «космическое дно» — мы переполняемся видениями лучезарного прекрасного света, который представляется нам священным. Божественная эпи-фания также рождает и изумительные проявления в великолепии всех цветов радуги: дивных переливчатых узоров, видений небесных сфер и архетипических существ, осиянных божественным светом. Именно в такой миг мы переживаем впечатляющую встречу с архитипическим образом Великой Богини-Матери, либо же с одним из ее конкретных культурных обликов.

Переживание духовно-душевной смерти и возрождения — главный шаг на пути к ослаблению нашего отождествления с телом и Я и к воссоединению с надличностной областью. Мы чувствуем себя спасенными, освобожденными, благословленными, у нас появляется новое сознание своей божественной природы и положения во Вселенной. Как правило, мы

переживаем огромный наплыв благодатных чувств по отношению к себе, к другим, к природе, Богу и сущему вообще. Мы исполнены оптимизма, душевного и телесного благополучия.

Важно подчеркнуть, что только что описанное благоприятное переживание свойственно биологическому рождению, чья конечная стадия проходила более или менее естественно. Но если роды были очень тяжелыми или сопровождались глубокой анестезией, переживание возрождения не сопровождается подобным победным появлением на свет. Оно больше напоминает пробуждение в похмелье: дурман, тошнота и умственное помутнение. При возникающих затруднениях может потребоваться большая психологическая работа для того, чтобы окончательный результат был несколько менее неожиданным.

Околородовая область психики представляет собой чрезвычайно важный перекресток переживаний. Это не только встреча с тремя безусловно важными сторонами человеческой жизни — рождением, полом и смертью, но также разделительная линия между жизнью и смертью, индивидом и видом, душой и духом. Полное сознательное переживание этой области с достаточным последующим освоением, может иметь далеко идущие последствия и приводить к духовному раскрытию и глубокому личному преображению.

Надличностная область психики

Вторая важная область холотропных исследований, которая доступна при картографии человеческой психики, называется надличностной, или трансперсональной, что буквально означает «простирающаяся за личное» или «превосходящая персональное»*. Переживания, которые берут начало на этом уровне, влекут за собой превосхождение границ тела и Я и ограничений трехмерного пространства и линейного времени. Надличностные переживания лучше всего могут определяться посредством сопоставления с нашим повседневным опытом самих себя и мира или, точнее говоря, с тем способом, каковым нам надлежит переживать себя самих и окружающую обстановку, чтобы сходить за «нормальных» в соответствии со стандартами нашей собственной культуры и ньютоно-картезианской психиатрии, т.е. модели человеческой души, ограниченной конвенционально измеримыми феноменами.

* Мы предпочитаем термин *надличностный* термину *трансперсональный* по двум причинам. Во-первых, состояние личности не является здесь ни исходным, ни определяющим. Личность (для сравнения лат. *persona*— маска актера, личина), определяемая всеми современными философиями и социологиями в общем как «совокупность общественных отношений», т.е. опять же как маска, сама является конструктом, продуктом конкретных властных технологий. Будучи вторичной и производной и, более того, результатом уже осуществленной репрессии, она, очевидно, не вполне способна служить отправной точкой для определения иных состояний, которые ей предшествуют. Во вторых, для достижения надличностных состояний не требуется никакого преодоления личностного уровня, так как они сосуществуют наряду с ним и рядом с ним, подобно сосуществованию мира сновидений и мира бодрствования. Приставка *над-* и передает факт этого простого соположения. Термин же *трансперсональный* мы сохраняем только за названием школы психологии и психиатрии и того мира идей и

движений, который она породила. — Прим. пер.

В обычном, или «нормальном», состоянии сознания мы переживаем себя как ньютоновы объекты, существующие в границах своей кожи. Наше восприятие окружающего ограничивается физиологическими пределами наших органов чувств и физическими характеристиками среды. Писатель и философ Алан Уотте говорил о подобном переживании себя как об отождествлении с «эго в оболочке из кожи».

Ведь мы не можем видеть предметы, от которых нас отделяет толстая стена, не можем видеть корабли, находящиеся за горизонтом, или обратную сторону Луны. Если мы сейчас в Праге, то нам не слышать, что же говорят о нас друзья в Сан-Франциско. Не почувствовать нам и мягкость каракуля, пока поверхность нашего тела не придет в непосредственное соприкосновение с ним. Мы можем припоминать прошлые и предвосхищать будущие события или же воображать их, и, тем не менее, все это переживания совершенно отличные от прямого и непосредственного переживания настоящего момента. Но в надличностных состояниях сознания ни одно из приведенных выше ограничений не является безусловным, любое из них может быть преодолено.

Три категории надличностных переживаний

Надличностные переживания могут быть подразделены на три больших категории. Первая из них предполагает главным образом превосхождение обычных пространственных и временных барьеров «эго в оболочке из кожи». Подобные переживания включают в себя слияние с другой личностью в состоянии, которое можно было бы назвать «двуедин-ством»: принятие в себя самобытных свойств другой личности, отождествление с сознанием целой группы людей, такой, как все матери мира, все население Индии или все узники концлагерей, либо даже переживание такого расширения сознания, которое, кажется, способно объять все человечество. И переживания такого рода описывались в мировой духовной литературе неоднократно.

Подобным же образом мы можем превосходить пределы опыта исключительно человеческого и отождествляться с сознанием различных животных или растений. В крайних случаях возможно переживать сознание биосферы, нашей планеты или же всей материальной Вселенной. Эти переживания, столь нелепые и невероятные, как могло бы показаться какому-нибудь приверженному монистическому материализму западнику, наводят на мысль, что все то, что мы переживаем в повседневном состоянии сознания как предмет, в необычных состояниях обладает соответствующей субъективной представленностью. Как будто бы все во Вселенной может быть одновременно описано и как объективное, и как субъективное, подобно тому, как это описывают великие духовные философии Востока. В индуизме, к примеру, все, что существует, видится как проявление Брахмы, а даосы описывают то же явление как преображение Дао.

Вторая категория надличностных переживаний характеризуется скорее преодолением по преимуществу границ временных — превосхождением линейного времени. Мы уже говорили о возможности достоверного повторного проживания значимых воспоминаний младенчества и травмы рождения. Но та же самая историческая регрессия может идти еще дальше

и вовлекать в себя достоверные зародышевые и эмбриональные воспоминания из разных периодов внутриутробной жизни. Также ничем из ряда вон выходящим не является и переживание на уровне клеточного сознания полного отождествления со сперматозоидом и яйцеклеткой в момент зачатия.

Но исторически регрессия на этом не останавливается. Ибо можно иметь переживания из жизни наших человеческих и животных предков или даже такие, что, по всей видимости, идут из того расового и коллективного бессознательного, как оно описано у К.Г. Юнга. Очень часто бывает, что переживания событий, которые, как представляется, происходили в других культурах и в иные исторические периоды, сопровождаются ощущением личного воспоминания. Тогда люди говорят о воскрешении памяти предыдущих воплощений.

Описываемое до сих пор содержание надличностных переживаний включает явления известной нам обыденной действительности: других людей, животных, растения, вещества и события из прошлого. Удивительно здесь не содержание переживаний, но то обстоятельство, что мы являемся свидетелями чего-то, либо полностью отождествляемся с чем-то, что обычно не доступно нашему опыту. Например, мы знаем, что в мире существуют беременные киты, но нам не свойственна способность доподлинно пережить то, что мы и есть такой беременный кит. Мы признаем то, что когда-то была Французская революция, но способность наяву переживать, что нас ранили на парижских баррикадах, нам не свойственна. Мы знаем, что в мире, в тех местах, где мы не присутствуем, происходит множество вещей, но обычно считаем невозможным переживать эти события, за исключением их лицезрения по телевизору. Другой удивительной стороной надличностных переживаний является способность обнаруживать сознание, связанное с низшими животными, растениями и с неорганической природой.

Однако третья категория надличностных переживаний еще более странная. Здесь сознание, оказывается, простирается до сфер и измерений, которые западная индустриальная культура не принимает за «реальные». В этой области возникают многочисленные видения архетипических существ и мифических краев, происходят встречи и даже отождествления с божествами и демонами различных культур. Общение с бесплотными и сверхчеловеческими сущностями, с духами-хранителями, с внеземными существами или обитателями параллельных миров также свойственно этой категории.

На своих же самых дальних горизонтах индивидуальное сознание может отождествляться с космическим сознанием или Мировым Умом, известным под многими разными именами: Брахман, Будда, Космический Христос, Кетер, Аллах, Дао, Великий Дух и множество других. Пределом всех переживаний оказывается отождествление со сверхкосмической и метакосмической Пустотой — непостижимым и изначальным небытием, которое сознает самого себя и является исконной колыбелью всего сущего. У этой Пустоты нет конкретного содержания, и все же она содержит в себе все в зачаточном и не проявленном виде.

Превосхождение границ себя

Надличностные переживания имеют множество странных

характеристик, вдребезги разбивающих основополагающие метафизические предпосылки материалистического мировоззрения и ньютоново-картезианской парадигмы. Те из исследователей, кто изучал или лично переживал эти захватывающие феномены, понимают, что попытки конформистской науки отбросить их как бесполезные плоды человеческого воображения или галлюцинации — странные патологические процессы в больном мозге, наивны и неполноценны. Любое непредвзятое изучение надличностной области психики непременно подтверждает то, что феномены, с которыми здесь сталкиваются, представляют собою решительное опровержение не только психиатрии и психологии, но и всей западной философии в целом.

Хотя надличностные переживания случаются в ходе глубокого индивидуального самоосвоения, невозможно толковать их просто как внутриспихические явления в общепринятом смысле. С одной стороны, они появляются в той же самой индивидуальной психике, что привносит личные сведения о чьих-либо биографических или околородовых переживаниях. С другой же стороны, они, кажется, прямо, без посредства наших органов чувств, подключаются к источникам сведений, которые, несомненно, располагаются далеко за пределами того, что, как общепризнанно, могло бы быть доступно для данного индивида. Где-то на околородовом уровне психики, по всей видимости, происходит странное переключение: то, что было до этого момента глубоким внутриспихическим зондированием, превращается в сверхчувственное переживание различных сторон мира в целом.

Эти наблюдения показывают, что мы можем получать сведения о мире двумя совершенно разными путями. За общепризнанным процессом научения посредством восприятия, анализа и синтеза чувственных данных мы также раскрываем разные стороны мира через прямое отождествление с ним в необычных состояниях сознания. Таким образом, каждый из нас оказывается микрокосмом, гологра-фически (т.е. отражающим все в его целостности) содержащим сведения о макрокосме. В мистических традициях это выражалось такими фразами, как «что вверху, то и внизу» или «что снаружи, то и внутри».

Люди, которые рассказывали о переживаниях эмбрионального существования, о миге зачатия и о составляющих сознания клетки, ткани или какого-то органа постоянно давали медицински точное понимание анатомической, психологической и биохимической стороны происходящего. Подобным же образом наследственные, расовые и коллективные воспоминания и переживания прошлых воплощений зачастую предоставляют нам необычайно конкретные подробности об архитектуре, нарядах, оружии, художественных образах, общественном устройстве, религиозных и обрядовых действиях в соответствующих культурах и исторических периодах или даже о конкретных исторических событиях, проникая в данную культуру или исторический период.

Люди, испытавшие филогенетические переживания отождествления с существующими или прошлыми видами жизни, не только считают их необычайно достоверными и убедительными, но часто получают через них необыкновенное понимание относительно психологии, этологии и особых повадок животных или необычных особенностей их размножения. В некоторых случаях это сопровождается не характерными для людей архаическими мышечными возбуждениями или даже такими сложными

видами поведения, как исполнение брачного танца.

Философское опровержение, связанное с описанными наблюдениями, само по себе и так уже слишком внушительно, но еще более вызывающим является то обстоятельство, что надличностные переживания, столь достоверно отражающие материальный мир, подобные вышеописанным, зачастую взаимопереплетаются с совершенно иными переживаниями, содержащими в себе составляющие, которые западным индустриальным миром считаются «нереальными». К ним, к примеру, относятся переживания, включающие богов и демонов различных культур, а также такие мифические области, как небеса и райские земли, легендарные или сказочные картины.

Например, у нас может быть переживание небес Шивы, рая ацтекского бога дождя Тлалока, шумерского подземного мира или одного из буддийских горячих адов. Также возможно и общаться с Иисусом, испытать разрушительную встречу с индийской богиней Кали или отождествиться с танцующим Шивой. Но даже такие явно воображаемые картины могут давать новые достоверные сведения о религиозном символизме и мифических мотивах, которые вовлеченной в них личности прежде не были известны. Такого рода наблюдения подтверждают идею К.Г. Юнга о том, что, помимо фрейдовского индивидуального бессознательного, мы также можем получать доступ к коллективному бессознательному, содержащему в себе культурное наследие всего человечества.

Само существование и природа надличностных переживаний попирают некоторые самые основные исходные положения механистической науки. Они предполагают такие на первый взгляд нелепые представления, как относительная и произвольная природа всех физических границ, нелокальные связи во Вселенной, сообщение неведомыми средствами и путями, память без материальной подкладки, нелинейность времени и то, что все живые организмы и даже неорганическая материя проявляют свойства сознания. Многие надличностные переживания вовлекают события из микрокосма и макрокосма, сфер, обычно не достижимых невооруженными органами чувств человека, или исторических периодов, предшествующих происхождению Солнечной системы, образованию нашей планеты, появлению живых организмов, развитию нервной системы и появлению человека разумного.

Таким образом, исследования холотропных состояний обнажают загадочный парадокс относительно природы людей. Он явно показывает, что каким-то таинственным и пока еще необъяснимым способом каждый из нас несет в себе сведения обо всем мире и обо всем существующем и обладает возможным в переживании доступом ко всем его частям. И в таком случае каждый из нас в некотором смысле является всей космической сетью, хотя мы являемся только ее микроскопической частью, лишь отдельным и не значимым биологическим существом. Новая картография трансперсональной парадигмы отражает это обстоятельство и изображает индивидуальную человеческую психику как соразмерную в своем существе со всем космосом и всей полнотой сущего. И насколько бы нелепой и неприемлемой ни показалась эта идея ученому, вышколенному в соответствии со своими традициями, а также нашему здравому смыслу, все же, быть может, ее гораздо легче примирить с теми новыми революционными разработками в различных научных дисциплинах, о которых обычно говорят как о «новой парадигме».

Расширенная картография психики, мною предлагаемая, обладает решающим значением для любого серьезного подхода к таким явлениям, как шаманизм, ритуалы перехода, мистицизм, религия, мифология, парапсихология, околосмертные переживания и психоделические состояния. Эта новая модель психики — предмет не только академического интереса. Она влечет за собой глубокие и революционные последствия для понимания эмоциональных и психосоматических нарушений, включая психозы, и предоставляет радикально новые терапевтические возможности.

2. АРХИТЕКТОНИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ

Традиционные попытки объяснения эмоциональных и психосоматических нарушений подпадают под две больших категории: — биологическую, — психологическую.

Те теоретики и клиницисты, которые усматривают корни психопатологии в биологических причинах, полагают, что поскольку психика является продуктом материальных процессов, происходящих в головном мозге, то и последние ответы на вопросы психиатрии должны прийти из нейропсихологии, биохимии, генетики и молекулярной биологии. С их точки зрения, эти дисциплины когда-нибудь окажутся способными обеспечить как достоверные объяснения, так и практические решения.

Психологическое объяснение психических нарушений выдвигает такие причины, как роль травмирующих влияний в младенчестве, в детстве или на протяжении последующей жизни на патогенные возможности внутреннего противоречия, на значение межличностных и внутрисемейных взаимоотношений или воздействие общественного окружения.

И хотя многие профессионалы избирают собственный эклектический подход, признающий сложное взаимодействие природы и воспитания (биологии и психологии) различие между этими двумя направлениями в современной психиатрии играет значительную роль.

Краткое обозрение истории психиатрических установок

В своем сложном историческом развитии психиатрия создавалась как подвид медицины, что и придало ей сильный биологический уклон. Традиционное понятийное мышление в психиатрии, подход к индивидам с эмоциональными расстройствами и с нарушениями в поведении, стратегия исследований, основное образование и обучение, судебные меры — надо всем этим господствовала модель медицины. Подобное положение объясняется двумя важными обстоятельствами. Во-первых, медицина имела успех в случае установления этиологии и разработки действенных методов лечения для особой, относительно маленькой группы умственных отклонений, имеющих органическое происхождение. И во-вторых, она продемонстрировала собственную способность в подавлении симптомов многих расстройств, для которых не была найдена конкретная органическая этиология.

Но первоначальные успехи в распутывании биологических причин душевных расстройств, в общем-то, сами по себе впечатляющие, на самом деле были четко обособлены и ограничены лишь маленькой частью случаев, с которыми имела дело психиатрия. Ведь медицинский подход в психиатрии потерпел явную неудачу в обнаружении особой органической этиологии для случаев, от которых страдает большинство ее пациентов:

депрессий, психоневрозов, психосоматических нарушений и функциональных психозов.

Психологический подход

Психологическое направление в психиатрии вдохновлялось новаторскими исследованиями Зигмунда Фрейда и его последователей. В течение XX столетия подобные усилия вылились в создание огромного числа школ «глубинной психологии». Эти подходы значительно отличались друг от друга в своем понимании человеческой психики, природы эмоциональных расстройств, а также используемых ими терапевтических приемов. Тем не менее, большинство из этих подходов не имели никакого влияния или оказали очень слабое воздействие на основное направление в психиатрической мысли. Некоторые из основателей подобных школ, как К.Г. Юнг, Отто Ранк и Альфред Адлер, оставили психоаналитическое движение или были из него изгнаны. Как и о некоторых других исследователях, о них лишь изредка в виде примечаний упоминается на страницах академических книг. И только ранние работы самого Фрейда да работы нескольких его учеников, а также некоторые современные разработки в психоанализе, известные под названием «эго психологии», оказали значительное воздействие на психиатров.

Фрейд и его сотрудники разработали функциональную классификацию эмоциональных и психосоматических нарушений, основанную на изначальной привязке их к определенным стадиям развития либидо; эта система была окончательно оформлена психоаналитиком Карлом Абрахамом. Одним из основных вкладов Фрейда было открытие того, что либидинальные влечения ребенка последовательно смещаются с оральной зоны (во время вскармливания) на зоны анальную и уретральную (в период приучения к туалету) и, наконец, на зону фаллическую, или генитальную (в момент развития комплексов Эдипа и Электры). И в эти моменты травмирование или, наоборот, чрезмерное возбуждение может вызывать конкретное закрепление либидо на одной из названных зон, что и предрасполагает индивида в будущем, когда он сталкивается с серьезными трудностями, к психологической регрессии именно в эту область.

Согласно Абрахаму, закрепление на пассивной оральной стадии (перед появлением зубов) предрасполагает индивида к шизофрении, а закрепление на активной оральной стадии (после появления зубов) может приводить к маниакально-депрессивным расстройствам и суицидальному поведению. Также решающую роль оральная стадия играет в развитии алкоголизма и пристрастия к наркотикам.

В развитии навязчивого невроза первичное закрепление располагается на анальном уровне. Уретральная фиксация связывается с боязнью ошибки, а также стремлением компенсировать это чрезмерными амбициями и перфекционизмом. Тревожная истерия (различные фобии) и превращенная истерия (параличи, потери чувствительности, слепота, потеря голоса и истерические кризы) проистекают из-за фиксации на фаллической стадии.

Современные эго-психологи Рене Шпиц, Маргарет Малер, Эдит Якобсон, Хайнц Кохут, Отто Кёрнберг и другие перенесли внимание на значимость объектных отношений и раннего развития Я в генезисе психопатологии. К списку нарушений Карла Абрахама они добавили симбиотические детские психозы, нарциссические расстройства личности, нарушения границ

личности и другие. Нет ни малейшего сомнения, что эгопсихологи усовершенствовали и переосмыслили психоаналитическое понимание психопатологии. Однако они, подобно своим предшественникам, придерживались узкого понимания психического развития, ограниченного послеродовой биографией и индивидуальным бессознательным.

Данные наблюдений из области исследования холот-ропных состояний сознания показывают, что многие эмоциональные и психосоматические нарушения, включая и состояния, на сегодняшний день все еще получающие диагноз психотических, не могут быть поняты должным образом, исходя только из послеродового развития. Ни либидо, ни теории предметных отношений не дают настоящего понимания подобных расстройств. Но та расширенная картография, которая описывается в «Надличностном видении», предполагает, что эти состояния имеют многоуровневую, многомерную структуру, в значительной степени уходящую своими корнями в околородовую и надличностный уровни. И если мы включим эти уровни в свое рассмотрение, то это даст нам совершенно новую, намного более полную и сложную картину психопатологии, открывающую новые удивительные возможности для лечения.

Однако само по себе признание околородовых и надличностных корней эмоциональных расстройств отнюдь не обязательно делают незначимой роль причин биологических, которую описывает психоанализ. Конечно же, во всеобъемлющей картине события младенчества и детства продолжают играть важную роль, однако они не являются самыми глубокими источниками эмоциональных расстройств. Вместо этого они создают условия для проявления материала с более глубоких уровней бессознательного.

Запись переживаний, связанных с нашим рождением, представляет собою всеобщее хранилище тяжелых эмоциональных переживаний и физических ощущений, из которого могут возникать разнообразные виды психопатологии. И в таком случае, разовьется ли психопатология на самом деле и какой вид она примет, зависит от усиливающего или смягчающего воздействия среды уже после рождения. Различные надличностные причины, такие, как кармические, архетипические или филогенетические составляющие, также могут оказывать воздействие на окончательный вид симптоматики. Таким образом, эмоциональная и психосоматическая симптоматика является плодом сложных взаимодействий между биографическими, околородовыми и надличностными причинами.

В целом холотропная модель показывает, что фрейдовские объяснения по сути правильны, но не полны. Таким образом, трансперсональное воззрение использует многие общепризнанные психоаналитические воззрения, но идет гораздо дальше в исследовании основных околородовых и надличностных корней некоторых обычных психологических состояний.

Истоки и движущие силы совокупности конденсированного опыта

Взаиморасположения СКО объемлют биографические слои, перинатальные матрицы и надличностные составляющие. Интересно порассуждать над тем, как эти различные слои возникают и соотносятся друг с другом при развитии психики.

Некоторые послеродовые травмы могут напоминать друг друга и определенные стороны взаимодействия сил на околородовом уровне, что,

конечно же, может быть приписано случаю. В разные времена жизнь некоторых индивидов может ввергать их в невыносимо тяжелые обстоятельства, напоминающие БПМ-2, случайно приводить к ситуациям, включающим в себя удушье и т.п. Но ведь, если какая-то СКО уже установилась однажды, то уже тем самым она обладает предрасположенностью к самовоспроизведению и может вынуждать индивида к воспроизведению подобного рода жизненных обстоятельств и добавлять к уже имеющемуся комплексу воспоминаний все новые и новые слои.

Многие из вовлеченных в глубинное самоосвоение людей рассказывают также о некоторых интересных озарениях, касающихся надличностных составляющих данной СКО, в частности, о переживаниях прошлых жизней. Они обнаруживают, что на способ, каким мы переживаем свое рождение, как в общем, так и в частности, глубоко влияет наша карма. Обстоятельства удушья в прошлой жизни могут быть превращены в удушье во время рождения, боли, причиненные острыми предметами в событиях, относящихся к кармическому наследию, могут возникать вновь как боли, причиняемые схватками и маточными сокращениями, и т.д. И некоторым образом кармические образцы могут лежать в основе травматических событий послеродовой биографии и даже создавать их.

Вклад астрологии

Наблюдения психоделической терапии, холотропного дыхания индивидов в моменты духовных обострений дают иное озадачивающее объяснение структуры и движущих сил СКО. Они включают в себя завораживающую и в высшей степени спорную область астрологии. Темы различных СКО, кажется, как правило, отражают определенные аспекты катальной карты субъекта. Это также показывает тот факт, что события, создающие различные слои расположений СКО, происходят в то время, когда мощные транзиты планет высвечивают эти особые аспекты в гороскопе рождения.

Так например, тяжелые аспекты Сатурна в катальной карте, по всей видимости, соответствуют особенно сильной роли БПМ-2 в жизни индивида. И соотносящиеся слои СКО личности, которые вовлекают всеподавляющую тему мучения, возникающей в то время, когда неблагоприятные аспекты Сатурна в натальной карте были высвечены и в дальнейшем усилены неблагоприятным, особенно когда в этом участвует одна из высших планет.

Астрология, и особенно астрология транзитов планет — неоценимое подспорье для работы с необычными состояниями сознания и для понимания действия сил при эмоциональных и психосоматических нарушениях. В последние двадцать лет мне выпала удача изучать вместе с Ричардом Тарнасом поразительные взаимосвязи между холотропными состояниями, психопатологией и планетными транзитами. Но эта столь сложная тема в данной работе не может быть представлена во всей полноте. Если же вы захотите далее изучать эту тему, то в библиографии, помещенной в конце книги, найдете нужную литературу.

Новые озарения из области холотропных исследований

Наше психологическое понимание психопатологии менялось по мере того, как мы наблюдали холотропные состояния сознания. При изложении этих новых воззрений мы сосредоточимся на роли психологических

составляющих в образовании симптомов. Нарушения, имеющие очевидную связь с органической природой и потому принадлежащие к сфере медицины, не будут включаться в поле нашего изложения. Также не будет и положений, выдвигаемых биологически направленными теоретиками и клиницистами, которые полагают, что в психологическом анализе вообще нет ничего или почти ничего, что могло бы внести какой-либо вклад в психиатрию.

Тревога и фобии

Большинство психиатров согласится, что тревога, будь то в своей свободно протекающей разновидности или связанная с определенными людьми, животными или обстоятельствами, представляет собой один из самых распространенных и основополагающих и одновременно трудных вопросов психиатрии. А поскольку по своей природе тревога является ответом на обстоятельства, угрожающие жизни или целостности тела, то вполне разумно предположить, что одним из первичных источников клинической тревоги выступает травма рождения, которое в своей возможности или действительности несет угрозу для жизни. Сам Фрейд некоторое время придерживался мнения, что, возможно, устрашающее переживание рождения может выступать прототипом всех будущих тревог. Тем не менее, когда позднее его ученик Отто Ранк выдвинул подобную теорию в своей книге «Травма рождения», его буквально вышвырнули из психоаналитического движения.

Околородовой уровень бессознательного играет решающую роль в генезисе фобий. И связь с травмой рождения наиболее очевидна в случае клаустрофобии — боязни закрытых или слишком тесных мест. Она проявляется в стесненных обстоятельствах, таких, как лифты, метро, маленькие комнатухи без окон. Ведь люди, страдающие клаустрофобией, находятся под исключительным влиянием СКО, связанной с начальной стадией БПМ-2, когда маточные сокращения начинают со всех сторон сжимать плод. Однако биографические составляющие, вносящие свой вклад в подобные нарушения, включают в себя память о неудобных стесняющих обстоятельствах жизни уже после рождения. А на надличностном уровне наиболее значимыми для этой фобии составляющими являются кармические воспоминания, включающие в себя пленение, заточение и удушение.

Агорафобия — страх перед открытыми пространствами или боязнь перехода из закрытого места на широкий простор — кажется, на первый взгляд, полной противоположностью клаустрофобии. На самом же деле страдающие агорафобией также подвержены и клаустрофобии, но переход из закрытого пространства на открытое место оказывает для них более сильное воздействие, нежели пребывание в самом закрытом пространстве. Ведь на околородовом уровне агорафобия связана с самой последней стадией БПМ-3, когда внезапное освобождение после многих часов крайней стесненности сопровождается страхом потерять всякие границы, лопнуть или быть разорванным на части и вообще прекратить существовать (смерть Я).

Танатофобия, или патологический страх смерти, характеризуется приступами тревоги за свою жизнь, что страдающие ею люди истолковывают как предвестие угрожающего жизни сердечного приступа,

удара или удушья. Подобная фобия имеет глубокие корни в чрезвычайном физическом стеснении и ощущении неминуемой катастрофы, также связанных с травмой рождения. Вовлеченные в это СКО, как правило, соотносятся с такими угрожающими жизни обстоятельствами, как хирургические операции, болезни и повреждения, в особенности теми, которые связаны с затруднением дыхания.

Нозофобия — патологический страх заболевания, от которого пациент якобы уже страдает или опасается заразиться, тесно связан с танатофобией, а также с ипохондрией — безосновательной мнимой уверенностью, что тяжело болен. Пациенты, страдающие от подобного расстройства, испытывают разнообразные странные телесные ощущения: боли, сжатия и судороги в различных частях тела, тошноту, внезапные истечения энергии, парестезию и другие необычные явления, которые они не могут объяснить и склонны истолковывать как действительные физические заболевания. У них могут проявляться и различные признаки нарушения работы отдельных органов, такие, как затрудненное дыхание, расстройство пищеварения, тошнота и рвота, запор и понос, мышечные судороги, общее недомогание, слабость и быстрая утомляемость.

Однако даже при помощи неоднократных медицинских обследований, как правило, не удается определить никаких органических нарушений, которые объясняли бы подобные субъективные жалобы. И это потому, что беспокоящие чувства и ощущения связаны не с каким-либо происходящим физиологическим процессом, а с памятью о прошлых физических травмах. Люди, страдающие от подобных трудностей, часто вновь и вновь требуют различных клинических и лабораторных обследований и могут серьезно осложнять работу участковых или стационарных врачей. И для многих походы к врачу заканчиваются тем, что они попадают в руки психиатров, где часто отнюдь не встречают того сочувственного приема, какого заслуживают. Несмотря на отрицательные медицинские заключения, жалобы таких пациентов на физические недомогания безусловно реальны. Ибо, хотя они и не отражают известного медицине заболевания, вызываются они выходящей на поверхность памятью о серьезных физиологических невзгодах в прошлом. Их источником являются различные болезни, хирургические операции, повреждения и особенно травма рождения.

Три четко различающиеся вида нозофобии заслуживают особого внимания: канцерофобия — патологический страх развития злокачественного заболевания, бациллофобия — боязнь микроорганизмов и инфекционного заражения, и мизофобия — боязнь грязи и загрязнения. Все эти случаи имеют глубокие околородовые корни, хотя на их конкретный вид могут влиять и биографические события.

Рак, инфекция и грязь

При канцерофобии важнейшей составляющей оказывается сходство между раком и беременностью. Из литературы по психоанализу хорошо известно, что рост злокачественной опухоли бессознательно отождествляется с развитием эмбриона. И сходство это проникает гораздо дальше, чем простая наиболее очевидная параллель между двумя быстро растущими инородными предметами внутри тела. Оно действительно может быть подтверждено анатомическими, физиологическими и биохимическими данными. Во многих отношениях раковые клетки на самом деле

напоминают недостаточно дифференцированные клетки на ранних стадиях эмбрионального развития.

При бациллофобии и мизофобии патологический страх сосредотачивается на биологическом веществе, телесных запахах и нечистотах. Среди того, что предопределяет подобные нарушения биографически, обычно выделяются воспоминания из времени приучения к туалету, но корни их проникают намного глубже, к скатологической составляющей рождения. И ключом к пониманию этих фобий является связь, существующая в пределах БПМ-3, между смертью, враждебностью, половым возбуждением и биологическими выделениями. Пациенты, страдающие от подобных расстройств, бояться не только того, что они заразятся сами, но подчас озабочены тем, что могут заразить других. А стало быть, их боязнь биологических веществ тесно связана с враждебностью, направленной как во внутрь, так и наружу, что в точности напоминает положение, характерное для последних стадий рождения. На самом поверхностном уровне страх инфекционного заражения или размножения бактерий бессознательно связан также со спермой и зачатием и, тем самым, опять же с беременностью и рождением.

Наиболее значимые СКО, относящиеся к вышеперечисленным фобиям, включают в себя соответствующие воспоминания из анально-садистской стадии развития полового влечения и о конфликтах из времени приучения к туалету и опрятности. Дополнительные же биографические данные представлены воспоминаниями, в которых пол и беременность изображаются как грязные и опасные.

Глубинная взаимосвязь и отождествление с биологическими загрязнениями лежит также в основе той особого рода низкой самооценки, которая включает самоуничтожение и отвращение к себе, о чем на бытовом уровне говорят как о «дерьмовой самооценке». И часто она связана с определенными видами поведения, характерными для навязчивых неврозов, таких, как ритуалы, направленные на то, чтобы избежать биологического загрязнения или его обезвредить. Самым очевидным из этих ритуалов является обязательное мытье рук и других частей тела, которое бывает столь чрезмерным, что влечет за собой серьезные повреждения кожи и даже кровотечение.

Боязнь иметь ребенка

Те женщины, чья память об окolorодовых событиях залегает близко к поверхности, могут страдать фобией беременности, родов и материнства. Ведь если женщина находится в соприкосновении с памятью о родовых муках, то это сильно затрудняет для нее признание собственной женственности и принятие репродуктивной роли из-за того, что материнство для нее означает боль и страдания. Сама мысль о том, что она окажется беременной и столкнется с тяжелыми испытаниями родов, может при таких обстоятельствах вызывать ужас.

Фобия материнства, которая начинается сразу после рождения ребенка, обычно включает в себя яростные порывы матери, направленные против ребенка, перемежающиеся паническим страхом, что она на самом деле его ненавидит. Как правило, они связываются с избыточно покровительственным поведением и беспричинной озабоченностью тем, что с ребенком может что-то случиться. Тем не менее, какими бы ни были биографические основания для подобных случаев, их более глубокие корни

в конечном счете приводят к самому деторождению.

И пассивная, и активная стороны деторождения внутренне связаны с бессознательным. Женщины, повторно проживающие свое собственное рождение, как правило, одновременно или попеременно переживают и самих себя как рождающих. Подобным же образом, воспоминания о пребывании в матке в качестве плода характерным образом соединяются с переживанием того, что они беременны, а переживания самих себя как грудных младенцев соединяются с тем, что они находятся в положении кормящих.

Состояния симбиотического единства между матерью и ребенком также представляют собой состояния переживания единства. Глубокие корни фобии материнства заложены в первой клинической стадии родов (БПМ-2), когда мать и дитя оказываются в состоянии биологического противоборства, причиняя друг другу боль и передавая друг другу невероятное количество разрушительной энергии. Подобное положение склонно приводить в действие память матери о ее собственном рождении, давать волю связанным с ним агрессивным силам и направлять враждебность на ребенка.

Поэтому только что родившая женщина обладает большой возможностью проделать необыкновенно глубокую психологическую работу. Но, с другой стороны, и неблагоприятной возможностью: если ее переживание не связано с действием глубокого постижения, то оно может быть ответственным за послеродовые депрессии, неврозы или даже психозы.

Фобии, связанные с поездками и высотой

Фобия поездок на поездах и в метро основана, по всей видимости, на определенном сходстве между переживанием рождения и путешествия на этих средствах передвижения. Ибо наиболее важными общими чертами этих двух положений оказываются ощущения захваченности, зажатости и переживание чудовищных сил, приведенных в движение безо всякой возможности как-либо сдержать их действие. Дополнительными же составляющими становятся прохождение по туннелям и подземным переходам и встреча с темнотой. Во времена старых паровых машин сочетание огня, выбросов пара, пронзительных гудков, очевидно, являлись дополнительными составляющими. Особое значение имеет недостаток способности к управлению. Скажем, у пациентов, страдающих от фобии поездок на автомобиле, не возникает никаких затруднений, если они сами ведут машину и могут по своей воле изменить направление движения или остановиться.

Тесно связана с предыдущей фобией боязнь путешествия на самолетах. Интересно отметить, что воздушная и морская болезни в некоторых случаях связаны с взаимодействием сил на околородовом уровне. Они имеют тенденцию полностью исчезать после того как индивид завершит переживание смерти и возрождения. Существенной чертой здесь, по-видимому, является готовность отказаться от необходимости управлять и способность отдаться потоку событий вне зависимости от того, к чему они приведут. Трудности же возникают, когда индивид пытается навязать свое руководство процессам, имеющим собственную двигательную инерцию.

Акрофобия, или боязнь высоты, на самом деле связана с непреодолимым влечением броситься с высоты. А ощущение падения в

сочетании с одновременной боязнью разбиться является характерным проявлением последних стадий БПМ-3. Происхождение такого соединения не вполне ясно, ведь оно может включать в себя и филогенетическую составляющую, ибо женщины в некоторых культурах и многие животные рожают стоя; возможно, также, что оно отражает первую встречу с силой тяжести.

Во всяком случае, часто бывает так, что у людей, находящихся под влиянием этой матрицы, в холотропных состояниях возникают переживания падения, акробатических прыжков с вышки или с парашютом. Неодолимая тяга к видам спорта, которые включают падение (прыжки с парашютом, прыжки на тарзанке, фигурные полеты), отражают потребность выразить вовне ощущения надвигающейся беды в обстоятельствах, допускающих некоторую степень управления или включающих какие-либо иные виды безопасности (когда окончательное падение приходится в воду). И СКО, связанные с этой конкретной гранью травмы рождения, включают в себя воспоминания людей о том, как в детстве взрослые, играя, подбрасывали их в воздух, либо о связанных с падением несчастных случаях.

Зоофобия

Предположение о взаимосвязи зоофобии (боязни различных животных) с травмой рождения впервые выдвинул Отто Ранк. Если предметом фобии выступает какое-то большое животное, то важнейшими составляющими, по всей видимости, выступают либо боязнь быть проглоченным им и воплощенным в него (волк), либо его связь с беременностью (корова). Ранее уже отмечалось, что архетипическая символика начала БПМ-2 связана с переживанием того, что вас проглатывают или включают в себя.

Некоторые животные имеют конкретную символическую связь с процессом рождения. Так образы огромных пауков часто появляются на начальной стадии БПМ-2 как символы всепожирающего женского начала. Вероятно, это отражает то обстоятельство, что пауки ловят в свои сети свободно летающих насекомых, затем их обездвиживают, закутывают в кокон и убивают. В такой последовательности событий нетрудно заметить глубокое сходство с переживаниями ребенка во время биологического рождения. И, по всей видимости, как раз такая связь существенна для развития арахнофобии (боязни пауков).

Другой зоофобией, имеющей важную околородовую составляющую, является серпентофобия, или страх змей. На первый взгляд, образы змей выступают как явно фаллические. Однако на более глубоком уровне они, в общем, представляют муки рождения и тем самым уничтожающее и пожирающее женское начало. Ядовитые гадюки обычно символизируют угрозу неминуемой смерти, тогда как огромные удавы представляют собой неумолимое сдавливание и удушение, присутствующие в ходе рождения. А то, что заглотивший свою добычу удав выглядит как беременный, еще больше усиливает их родовую значимость. Но символика змеи, как правило, распространяется глубже, в надличностную область, где может иметь множество разных конкретных культурных значений: кундалини, Ананты, Кетцалькоатль, змея из райского сада, Змея-Радуги аборигенов Австралии и множество других.

Фобии мелких насекомых также часто могут прослеживаться вплоть до взаимодействующих сил перинатальных матриц. Так, пчелы связываются с принесением потомства и беременностью из-за их значения для переноса

пыльцы и опыления растений, а еще и из-за их способности укусом вызывать опухоли. Мухи связываются со скатологической стороной рождения из-за их близости к экскрементам и предрасположенности к переносу инфекции.

Навязчивый невроз

Пациенты, страдающие от обсессивно-компульсивных расстройств, мучимы навязчивыми безрассудными мыслями, от которых они не могут отделаться. Они также чувствуют себя вынужденными исполнять какие-то нелепые и бессмысленные, без конца повторяющиеся ритуалы. И если они отказываются подчиняться таким странным побуждениям, то их переполняет смутная тревога. В психоаналитической литературе существует общее мнение относительно того, что основу подобного расстройства образуют противоречия, связанные с гомосексуальностью, агрессивностью и биологическими выделениями наряду с подавлением половой сферы и резкой выделенностью прегенитальных влечений, в особенности тех, что являются по своей природе анальными.

Эти стороны навязчивого невроза указывают на сильную околородовую составляющую, в особенности на скато-логическую сторону БПМ-3. Другой характерной чертой этого невроза является чрезвычайная двойственность по отношению к религии. Многие люди, страдающие навязчивым неврозом, живут в постоянном жестком противоречии с Богом и вероучением. От бунтарства или богохульства и отвратительных наклонностей они переходят к раскаянию, искуплению и отказу от своих проступков. Этот вид противоречия между восстанием против неодолимой высшей силы и желанием отдаться и подчиниться ей характерен для последних стадий события смерти и возрождения.

Те люди, что переживают эту высшую силу в более образном архетипическом виде описывают ее как взыскательного, наказующего и жестокого бога, наподобие ветхозаветного Иеговы, или даже в виде требующих кровавой человеческой жертвы божеств доколумбовой Америки. Биологическим же соответствием такому наказующему божеству выступает сдавливающее воздействие родовых путей. Ведь само протекание родов вызывает инстинктивные сексуальные и агрессивные энергии природы и одновременно предотвращает всякое внешнее выражение этих сил. В то же время оно причиняет рождающемуся ребенку чрезвычайные, угрожающие жизни страдания.

И после рождения эта ограничивающая сила принимает более тонкий вид предписаний и запретов, исходящих от власти родителей, учреждений уголовного наказания или религиозных заповедей. Таким образом, эта ограничивающая сила родовых путей представляет собой естественную основу для той части Сверх-я, которую Фрейд рассматривал как производную от Оно. Он характеризовал эту внутреннюю силу как первобытную составляющую психики, которая может толкнуть индивида на членовредительство и даже на самоубийство.

СКО, которые психогенетически связаны с навязчивым неврозом, вовлекают в себя травматические переживания, имеющие отношение к анальной зоне и к биологическим выделениям, такие, как история жестокого приучения к туалету, болезненные клизмы и желудочно-кишечные заболевания. Другой относящийся к ним биографический материал включает в себя различные обстоятельства, представляющие

угрозу для полового строения, в частности фрейдовские угрозы кастрирования. Довольно часто при этом расстройстве важную роль играют также надличностные составляющие со сходными темами.

Депрессия и мания

В психоанализе депрессия и мания рассматриваются как расстройства, связанные с серьезными затруднениями, возникающими в активный оральный период, такими, как помехи во время кормления, эмоциональное отторжение и отчуждение, а также сложности в ранних взаимоотношениях мать-ребенок. И соответственно суицидальные стремления истолковываются как враждебные действия против спроецированного вовнутрь объекта, образа «злой матери» и, прежде всего ее груди. Тем не менее, подобная картина на самом деле несколько не объясняет какие-либо относящиеся к депрессиям основные клинические наблюдения. И в свете наблюдений над холотропными состояниями она должна быть пересмотрена и существенно расширена.

К примеру, почему существуют два коренным образом отличающиеся вида депрессии, ее заторможенная и возбужденная разновидности? Отчего у подавленных людей, как правило, имеются биоэнергетические преграды, что подтверждают головные боли, сдавливание в груди и задержка жидких выделений, и физиологическая заторможенность: потеря аппетита, нарушение работы желудочно-кишечного тракта, запор, импотенция и отсутствие месячных? Почему у тех индивидов, которые находятся в состоянии подавленности, включая и тех, у кого наблюдается заторможенная депрессия, обследования выявляют высокий уровень биохимического напряжения? Почему они чувствуют безысходность и часто говорят, что «чувствуют себя застрявшими»?

На эти вопросы психотерапевтические школы, мировоззренчески ограниченные послеродовой биографией и фрейдовским индивидуальным бессознательным, ответить не могут. В этом отношении еще менее состоятельными выглядят теории, которые пытаются объяснить депрессивные расстройства как последствия химических отклонений, происходящих в организме. Но наше понимание полностью меняется, как только мы осознаем, что эти расстройства имеют важные окolorодовые и надличност-ные составляющие.

Заторможенная депрессия

Заторможенные депрессии, как правило, прослеживаются до второй перинатальной матрицы. Субъекты, переживающие БПМ-2 в холотропных или психоделических сеансах, выказывают все существенные признаки глубокой депрессии. Под воздействием БПМ-2 человек переживает мучительную душевную и эмоциональную боль, отчаяние, непреодолимое чувство вины и ощущение неполноценности, глубочайшую тоску, отсутствие желания что-либо делать, потерю интереса ко всему на свете и неспособность радоваться жизни. В таком состоянии жизнь кажется бессмысленной, эмоционально пустой и нелепой. И если сеанс не завершился как следует, различные степени подавленного состояния могут длиться до бесконечности.

Несмотря на невероятное страдание, заторможенная депрессия не сопровождается плачем или иными внешними драматическими проявлениями — она характеризуется только всеобщим двигательным

торможением. Весь мир и собственная жизнь видятся как бы сквозь черные очки, с избирательным первичным вниманием лишь к болезненным, дурным и трагическим сторонам жизни и полнейшей слепотой по отношению к чему-либо благоприятному. Положение это кажется чрезвычайно нестерпимым, неотвратимым и безнадежным. Иногда оно сопровождается утратой способности видеть цвета, превращая весь мир в черно-белое киноизображение. Кажется, лучше всего описывают подобное переживание жизни экзистенциальная философия и театр абсурда.

Сильное торможение главных физиологических функций тела, связанное с заторможенной депрессией вполне согласуется с объяснением БПМ-2. Ибо, как правило, заторможенная депрессия сопровождается чувством угнетенности, стеснения и ограничения, ощущением удушья, напряжений и зажимов в различных частях тела, а также головными болями, задержкой жидких выделений, в том числе мочи, запорами, сердечными болями, утратой интереса к еде и половым отношениям, склонностью к ипохондрии. И парадоксальные биохимические свидетельства показывают, что у людей, страдающих заторможенной депрессией, как правило, оказывается повышенное содержание катехоламинов (составляющие, связанные с настроением) и стероидных гормонов, что указывает на высокую степень психологического напряжения. Это соответствует переживанию БПМ-2: чрезвычайно напряженное внутреннее положение, при котором нет никакой возможности для внешнего действия или проявления («сидение снаружи — бегство внутри»).

Как ранее упоминалось, психоаналитическая теория увязывает депрессию с трудностями на ранней оральной стадии и эмоциональным отчуждением. СКО, связанные с заторможенной депрессией, включают в себя биографические составляющие, соотносящиеся с фрейдовской психоаналитической моделью. Связь этого биографического материала с БПМ-2 выражает глубинную логику переживания. Биологические роды включают в себя прерывание симбиотической связи с материнским организмом, вызванное маточными сокращениями и связанным ими сдавливанием артерий. Это означает разрыв всех жизненно значимых соединений, прекращение поступления питания и тепла, накопление вредных выделений и ввергание в опасное состояние без всякой защиты. Следовательно, имеется определенный смысл в том, что типичные составляющие СКО, функционально связанные с заторможенной депрессией, включают в себя отделение, отчуждение от матери либо отсутствие матери и чувства одиночества, холода, голода и страха в период младенчества или раннего детства.

Другими важными биографическими составляющими являются семейные положения, в которые подавление и наказание не допускало какого-либо неповиновения или уклонения, что усиливает и увековечивает роль жертвы, находящейся в безвыходном положении, характерную для БПМ-2. Важной составляющей СКО, связанной с этим видом депрессии, являются воспоминания о событиях, которые представляли угрозу жизни или телесной целостности индивида и в которых он играл роль беспомощной жертвы. Подобные события включают в себя серьезные заболевания, повреждения, хирургические операции и случаи утопления. Эти наблюдения обнаруживают совершенно новый элемент в этиологии депрессий, поскольку психоанализ и психотерапевтически

ориентированная академическая психиатрия не обращают внимания на психические травмы, происходящие от физических повреждений.

Возбужденная депрессия

Этот вид депрессии по своим движущим силам связана с БГТМ-3. Характерными чертами возбужденной депрессии являются высокая степень напряжения и беспокойства, чрезмерное количество психомоторного возбуждения и неугомонность. Люди, переживающие состояние возбужденной депрессии, очень подвижны. Они могут кататься по полу, метаться из стороны в сторону и биться головой о стену. Они громко кричат и плачут, могут царапать себе лицо, рвать на себе 'волосы и одежду. Физическими симптомами, часто связанными с этим состоянием, являются напряжения в мышцах, дрожь, болезненные судороги, головные боли, маточные и кишечные спазмы, тошнота и затрудненное дыхание.

В СКО, связанных с этой матрицей, присутствуют агрессия и насилие, разного рода жестокости, сексуальное совращение или нападки, болезненные медицинские вмешательства и болезни, вызывающие удушье, и борьба за то, чтобы иметь возможность дышать. В противоположность СКО, относящимся к БПМ-2, субъекты в них не являются пассивными жертвами: они предпринимают активные попытки отбиваться, защищаться, устранять препятствия либо бежать. Как правило, они переживают воспоминания о яростных столкновениях с родителями или родными братьями и сестрами, первых драках со сверстниками, случаях сексуального совращения и изнасилования, эпизодах военных действий.

Мания

Большинство психоаналитиков понимает, что психодинамическая интерпретация намного больше годится для депрессии, чем для мании. Тем не менее, существует общее мнение о том, что мания представляет собой отторжение причиняющей боль внутренней действительности (т.е. депрессии) и побег во внешний мир. Она отражает победу Я над Сверх-я, насильственное искоренение запретов и ограничений, завышение самооценки и развитие чувственных и агрессивных влечений.

Несмотря на все это, мания отнюдь не дает впечатления подлинной свободы. Психологические теории маниакально-депрессивных расстройств выделяют напряженную раздвоенность пациентов, страдающих манией, и то, что одновременные чувства любви и ненависти вредят их способности устанавливать отношения с другими людьми. Типичная маниакальная страсть к вещам обычно рассматривается как проявление сильной оральной фиксации, а периодичность мании и депрессии считается указанием на ее связь с чередованием голода и сытости.

Многие из обескураживающих черт, проявляющихся в случаях маниакальных расстройств, станут легко объяснимыми, если посмотреть на их связь с движущими силами перинатальных матриц. Мания психогенетически сопряжена в переживании с переходом от БПМ-3 к БПМ-4. Индивид частично находится под влиянием четвертой перинатальной матрицы, но, несмотря на это, все еще соприкасается с третьей. Здесь оральные влечения скорее указывают на состояние, к которому маниакальный пациент стремится, но которого еще не достиг, нежели представляют собою регрессию на оральный уровень. А в триаде желаний, типичной для мании, — быть в покое, спать и есть, естественные

потребности организма переводятся на конечную стадию рождения. Эти желания удовлетворяются в БПМ-4, состоянии, следующем за биологическим рождением.

В психотерапии переживания время от времени можно наблюдать преходящие случаи мании, наводящие на мысль о неполном возрождении. Это обычно происходит, когда индивиды уже прошли тяжелое переживание борьбы смерти и возрождения и испытали чувство освобождения от родовых мук. Тем не менее, в то же время они еще не готовы и не способны встретиться с травмой БПМ-3, которая так и осталась неразрешенной. И как следствие беспокойного цепляния за эту неуверенную и призрачную победу, новые положительные чувства оказываются усугубленными до степени карикатурности. Образ «подбадривающего насвистывания в темноте», по всей видимости, как нельзя более верно подходит для передачи подобного состояния. Преувеличенная и вынужденная природа маниакальных эмоций и поведения явно выдает то, что они являются не выражениями подлинной радости и свободы, а образованиями, отвечающими на страх и враждебность.

Субъекты, принимавшие ЛСД, чьи сеансы подходили к концу в состоянии незавершенного возрождения, проявляли все типичные симптомы мании. Они были сверхдеятельны, расхаживали лихорадочными шагами, пытались завязать отношения и побрататься со всеми, кто находился рядом с ними, и не переставая говорили о своем ощущении победы и благостности, о чудесных чувствах и о том величайшем переживании, которое у них только что было. Они были склонны превозносить чудеса врачевания при помощи ЛСД и с ходу составляли мессианские и другие грандиозные проекты, как преобразить мир, дав возможность каждому человеку испытать такое же переживание. Чрезвычайная жажда стимулов, знакомств и общественных связей были соединены с возросшей живостью, самолюбием, самооценкой, так же как и с потаканием своим желаниям в различных житейских обстоятельствах. А распад сдерживающих начал Сверх-я приводил к совратительству, стремлению к половым связям и непристойным разговорам.

Отто Феникел, чья ставшая широко известной книга «Психоаналитическая теория неврозов» подытожила классическое психоаналитическое понимание психопатологии, подчеркивал, что многие важные стороны мании сближают ее с психологией карнавалов: разрешенного обществом высвобождения влечений, во всех других случаях запрещенных. Это дополнительно подтверждает глубокую связь мании с движением перехода от БПМ-3 к БПМ-4. Здесь потребность в возбуждении, а также поиски драматических событий и деятельности, которые характерны для маниакальных пациентов, служат двойной цели: они дают выход высвобожденным побуждениям в то время, когда вызванные внешние бурные обстоятельства по силе и по качеству подстать внутреннему смятению.

Если индивидов, переживающих такое состояние, убедить обернуться внутрь себя, посмотреть в лицо тяжелым чувствам, которые остались неразрешенными, и позволить совершиться событию рождения, то из их настроения и поведения исчезнут маниакальные признаки. И переживание БПМ-4 в своем чистом виде характеризуется излучением радости, возросшей восприимчивостью, глубоким расслаблением, спокойствием и

отрешенностью. В таком состоянии ума люди обладают ощущением внутреннего покоя и полной внутренней удовлетворенности. У них нет признаков вынужденности и вычурности, склонности к гротескному преувеличению, характерных для маниакальных состояний.

Околородовые составляющие СКО, связанной с манией, кажутся содержащими воспоминания о случаях удовлетворения, но в которых удовольствие было пережито в обстоятельствах, внушающих сомнение и неуверенность в подлинности и длительности удовлетворения. И в равной степени надежды или притязания на демонстративно счастливое поведение в положениях, отнюдь этого не оправдывающих, по-видимому, также подпитываются из маниакального образца. Кроме того, маниакальные пациенты зачастую пережили ущерб их самооценки: гиперкритическое и подрывающее веру в себя отношение со стороны одного из родителей, сочетающееся с переоценкой, психологическим восхвалением и нагнетанием нереальных ожиданий, исходящими от другого. Наконец, у некоторых из моих маниакальных пациентов была история пеленания — перемежающегося переживания всеобщей скованности и полной свободы в младенчестве, каковые создаются, когда закутывают или меняют пеленки.

Все приведенные выше наблюдения, заимствованные из работы с переживаниями, кажется, имеют связь с конечной стадией рождения. Внезапный переход от мучений к ощущению поразительного облегчения, по-видимому, представляет собой естественную основу для сменяющих друг друга образцов маниакально-депрессивных расстройств. Этот вывод, конечно же, никоим образом не исключает участия в клинической картине биохимических составляющих как важных механизмов при изменениях, характерных для этих психологических состояний. Однако даже при нахождении важных и существенных биохимических изменений сами по себе химические факторы никак не способны объяснить особые черты этих расстройств.

Трудно и вообразить себе положение, более явно predetermined химически, чем лечебный сеанс ЛСД. И все-таки наши познания относительно точного химического состава стимулятора и назначаемых дозировок очень мало помогут в объяснении психологического содержания переживания. В зависимости от обстоятельств субъект, принявший ЛСД, может пережить либо иступленный восторг, либо депрессивное, маниакальное или параноидальное состояние. Подобным же образом мы не можем объяснить все сложности естественно протекающей депрессии или мании какой-то простой химической формулой. Ибо все время встает вопрос: являются ли биологические составляющие причинами расстройства или только сопутствующими симптомами. С точки зрения холотропных состояний, многие физиологические и биохимические изменения, связанные с маниакально-депрессивным расстройством могут просто отражать условия, пережитые родившимся ребенком.

Новое понимание самоубийства

Представление о базовых перинатальных матрицах также предлагает новое завораживающее проникновение в движущие силы суицида — явления, которое в прошлом представляло собой серьезное теоретическое затруднение для психоанализа. Все виды враждебности, направленные вовнутрь, и в частности суицид, оказываются психогенетически связанными с затрудненным рождением. И согласно статье, опубликованной в журнале «Ланцет», реанимация при родах коррелирует с высоким риском

самоубийства в период после полового созревания.

Ибо всякая теория, пытающаяся объяснить явление самоубийства, должна была ответить на два важных вопроса.

Первый: почему отдельный индивид стремится совершить самоубийство — действие, очевидно нарушающее непреложное во всем ином веление могущественного, эволюционно необходимого инстинкта самосохранения.

Второй вопрос, в меньшей степени обескураживающий: почему человек, замышляющий самоубийство, стремится при его совершении к определенному, индивидуальному способу. Таким образом, это не просто побуждение покончить с собственной жизнью, но желание сделать это каким-то особым образом. Может казаться вполне естественным, что тот, кто принимает смертельную дозу успокоительных или барбитуратов, не прыгает со скалы и не бросается под поезд. Однако подобная «привередливость» действует и в совершенно противоположном случае: тот, кто решил совершить кровопролитное самоубийство, не воспользуется таблетками, даже если они лежат под рукой. Данные психоделических исследований и других видов работы с переживаниями проливают новый свет как на глубокие мотивы суицида, так и на озадачивающий вопрос об избирательности его способов.

Скандинавский исследователь Бертиль Якобсен обнаружил строгое соответствие между видом саморазрушительного поведения и природой рождения (Jacobsen et al. 1987). Самоубийство, включающее удушение, было связано с удушьем при рождении, насильственные самоубийства — с механическими родовыми травмами, а влечение к наркотикам, приводящее к самоубийству, — с назначением опиатов или барбитуратов при родовспоможении.

Суицидальное воображение и суицидальная направленность время от времени могут наблюдаться на любой стадии работы с холотропными состояниями. Однако особенно частыми и навязчивыми они являются в моменты, когда субъект сталкивается с неразрешенным окolorодовым материалом. Наблюдения над психоделическими сеансами открывают, что суицидальные стремления распадаются на две категории — ненасильственные и насильственные, которые имеют совершенно определенные связи с родовыми событиями.

Мы уже видели, что переживание заторможенной депрессии функционально связано с БПМ-2, а возбужденная депрессия производна от БПМ-3. В таком случае, различные ниды суицидальных фантазий, стремлений и действий могут пониматься как бессознательно побуждаемые попытки избежать этих невыносимых психологических состояний, используя два пути, отражающих биологическую историю индивида.

Ненасильственный суицид

Самоубийство первого типа, или ненасильственный суицид, основывается на бессознательной памяти о том, что безысходному положению БПМ-2 предшествовало внутри-маточное существование. Индивид, стремящийся избежать неудобства второй перинатальной матрицы, таким образом, избирает путь, который был легче всего доступен в этом положении — путь возврата в первоначальное нераздельное единство дородового состояния (БПМ-1). Уровень бессознательного, на котором принимается это решение, обычно не достижим на опыте, и поэтому субъект «мистически» в обыденной жизни тянется к таким

положениям и состояниям, которые, как кажется, имеют некоторые сходные составляющие.

Основное намерение при ненасильственном суициде — снизить силу болезненных раздражителей и в конечном счете от них избавиться. И конечная цель — утратить болезненное сознание собственной отдельности, индивидуальности через достижение нераздельного эмбрионального состояния «океанического сознания». Мягкие виды такого рода суицидальных намерений проявляются в виде желания не существовать или впасть в глубокий сон, забыть все и уже никогда не пробуждаться. Действительные же планы и попытки из этой группы самоубийств включают в себя использование больших доз снотворного или успокоительного, утопление или удушение углекислым газом. Зимой суицидальная фантазия может состоять в том, чтобы лечь на землю и дать себя засыпать снегом. Самоубийство путем вскрытия вен в ванной, наполненной теплой водой, модное в Древнем Риме, также относится к этой категории. Петроний и Сенека были среди тех, кто закончил жизнь подобным способом. Здесь психологическое средоточие направлено на растворение границ и погружение в водную среду, а не на кровавое разрушение тела, характерное для самоубийства, связанного с БПМ-3.

Конкретное же избрание средств при самоубийстве ненасильственной категории (лекарство, удушение газом и т.д.) очевидно, определяется биографическими или надличност-ными составляющими.

Насильственный суицид

Самоубийство второго типа, или насильственный суицид, тесно связан с возбужденным видом депрессии и исходит из БПМ-3. Для человека, находящегося под влиянием этой матрицы, возвращение в океаническое состояние матки — решение невыполнимое, потому что он должен был бы пройти через адскую безвыходную стадию БПМ-2, которая психологически намного хуже, чем БПМ-3.

Здесь путь психологического бегства — память о том, что однажды, в момент биологического рождения, подобное состояние уже завершалось взрывоподобным избавлением от него и последующим освобождением. И чтобы понять этот вид самоубийства, мы должны осознать, что хотя наше биологическое рождение анатомически завершилось, мы сами не приняли в себя это ошеломляющее событие на эмоциональном и физическом уровне. Индивид, замышляющий разрушительное самоубийство, использует память о своем биологическом рождении как готовый рецепт для повторного рождения во взрослом состоянии, которое при должных обстоятельствах могло бы привести к духовно-психическому преображению.

Как и в случае ненасильственного суицида, индивиды в этом состоянии не имеют выхода через переживание к околородовому уровню бессознательного. Если бы он у них был, то они могли бы понять, что психологическое решение кроется в повторном переживании собственного рождения, внутреннем завершении события смерти-возрождения и связывании его в переживании со своими послеродовыми обстоятельствами. Но, не имея доступа к подобному пониманию, они переносят событие вовне, разыгрывая его во внешних обстоятельствах, которые включали бы те же самые элементы и обладали бы в переживании схожими составляющими.

И биологическое рождение, и насильственный суицид включают

внезапное завершение чрезмерного физического и чувственного напряжения, мгновенную разрядку невероятных энергий, нанесение обширных повреждений тканям и присутствие органических составляющих: крови, фекалий и внутренностей. Сопоставление фотоснимков, запечатлевших биологическое рождение, и тех, на которых изображены жертвы насильственного самоубийства, ясно указывает на внешнее сходство между этими двумя положениями.

И основной образец здесь — усиление напряжения и чувственных страданий до критической точки и затем достижение взрывоподобного разрешения разрушительных влечений посреди различных видов биологических выделений. Суицидальные фантазии и действия, принадлежащие к этой категории, как правило, включают смерть под колесами поезда, в турбинах гидроэлектростанций или в автомобильных авариях. Другие примеры включают перерезание собственного горла, выстрел с вышибанием собственных мозгов, закалывание себя ножом или прыжок из окна, с крыши или с обрыва. Некоторые экзотические самоубийства, такие, как харакири, камикадзе и впадение в безудержное желание убивать — амок, также принадлежат этой категории. По всей видимости, самоубийство посредством повешения принадлежит более ранней фазе БПМ-3, характеризующейся чувствами сдавливания, удушья и сильного полового возбуждения.

Я неоднократно наблюдал, что индивиды, замышляющие насильственное самоубийство уже переживали те физические ощущения и чувства, которые будут задействованы при конкретных деталях его действительного исполнения. Таким образом, те, кого влекли поезда и турбины гидроэлектростанций уже страдали от сильных ощущений, того, как их раздирает на части. Те индивиды, у кого есть склонность себя резать или прокалывать, часто жалуются на нестерпимую боль именно в тех частях тела, которые они намерены повредить. Подобным же образом стремление повеситься основывается на сильных и глубоких уже сложившихся ощущениях удушья и давления. И переживания болей, и переживания удушья легко опознать как составляющие БПМ-3. В условиях лечения и при обеспечении необходимым руководством усиление подобной симптоматики может привести на самом деле к пониманию и преображению. А стало быть, эти саморазрушительные стремления могут рассматриваться как бессознательные, неверно направленные и искаженные усилия самоисцеления.

Насильственное самоубийство требует относительно четкой памяти о внезапном переходе от борьбы в родовых путях во внешний мир и о последующем взрывоподобном освобождении. Если же этот переход был затемнен сильной анестезией, индивид почти на клеточном уровне в будущем будет запрограммирован на то, чтобы уходить от тяжелых напряжений в наркотическое состояние. Это создаст в личности, находящейся под господством БПМ-3, несколько нетипичную предрасположенность к алкоголизму и наркомании. А в чрезвычайных обстоятельствах это приведет к самоубийству при помощи наркотиков. Послеродовые события могут, со своей стороны, в значительной степени определить и перекрасить образчик самоубийства. Поэтому при исследовании индивидуальных случаев суицидального поведения подробное изучение хода рождения должно дополняться биографическим анализом.

Когда же индивиды со склонностью к суициду проходят психоделическую или холотропную терапию и переживают событие смерти и возрождения, они взглядом, обращенным в прошлое, видят самоубийство как трагическую ошибку, коренящуюся в недостаточном понимании себя. Но обычный человек не знает о том, что освобождение от невыносимого эмоционального и физического напряжения можно благополучно пережить через символическую смерть и возрождение или через восстановление связи с околородовым состоянием. И как следствие, силой своих невзгод и страданий он может быть подвигнут на поиски какого-то положения в материальном мире, которое включало бы сходные составляющие. И крайний исход этих поисков подчас необратим и трагичен.

Самоубийство и преображение

Рассмотрение самоубийства было бы неполным без упоминания взаимосвязи между саморазрушительным поведением и превосхождением. Как мы уже видели ранее, переживания БПМ-1 и БПМ-4 не только представляют собою возвращения к симбиотическим биологическим состояниям, но также обладают полностью отличающимися духовными измерениями. Ведь для БПМ-1 оно заключается в переживании океанического экстаза и космического единства, а переживание БПМ-4 завершается духовно-душевым возрождением и божественной эпифанией.

С этой точки зрения суицидальные склонности обеих типов оказываются искаженной и неосознанной страстной жадой превосхождения — то есть переживание мистического единения, смерти Я и возрождения. Они представляют собой основополагающее заблуждение: смешение самоубийства с убийством эго. И поэтому лучшим лекарством для саморазрушительных стремлений и тяги к самоубийству оказывается переживание смерти Я, возрождения и космического единения. В ходе духовно-душевой смерти и возрождения поглощаются и уничтожаются не только агрессивные и саморазрушительные энергии и побуждения, но в переживании индивид устанавливает связь с надличностным, в свете коего самоубийство уже больше не кажется ему приемлемым выходом. Подобное же ощущение несерьезности самоубийства связано с проблескивающим осознанием того, что биологическая кончина не завершает продолжающиеся круговороты смерти и повторного рождения сознания. И, говоря на языке западных философий, приходит понимание невозможности убежать от собственных карми-ческих следов.

Алкоголизм и наркомания

Алкоголики и наркоманы переживают очень много эмоциональных страданий, исходящих из СКО и по большей части из негативных перинатальных матриц. Их страдания обычно включают подавленность, общую напряженность, чувство тревоги, вины, низкую самооценку. Большинство психоаналитиков согласится, что алкоголизм и пристрастие к наркотическим средствам тесно связаны с депрессией и суицидом. Ведь главной характерной чертой алкоголиков и наркоманов и их самым глубоким побуждением к принятию опьяняющих средств, по видимому, является всепоглощающая страстная жажда пережить блаженное безраздельное единство. Такого рода чувства связаны с временами безмятежной внутриутробной жизни и хорошего вскармливания. И как мы уже видели ранее, оба этих состояния имеют внутренние сверхчувственные

измерения.

Зачастую алкоголизм и наркомания описывались как замедленный и растянутый во времени вид самоубийства. Основной механизм, характерный для этих пациентов, таков же, как и в случае ненасильственного суицида. Он отражает бессознательную потребность отменить событие рождения и вернуться в матку. Ибо алкоголь и наркотики имеют свойство подавлять разнообразные болезненные эмоции и ощущения, и вызывать состояние рассеянного сознания и безразличия по отношению к своим прошлым и грядущим невзгодам.

Однако сходство вовсе не означает тождества, так как между алкогольным и наркотическим опьянением и состояниями превосходящего имеются и некие основополагающие различия. Ибо алкоголь и наркотики притупляют ощущения, затуманивают сознание, нарушают умственную деятельность и вызывают эмоциональную анестезию. А состояния превосходящего, напротив, характеризуются сильным повышением чувственного восприятия, отрешенностью, ясностью мышления, обилием философских и духовных озарений и необычайным богатством чувств. Поэтому опьянение алкоголем и тяжелыми наркотиками представляет лишь жалкое подобие мистического состояния, несмотря на некоторые общие с ним черты. Но все же и этого столь смутного сходства, по всей видимости, достаточно, чтобы соблазнить наркоманов на саморазрушительное злоупотребление наркотиками.

Стремление через попытку воспроизведения внутриутробного положения избежать болезненных эмоций, связанных с БПМ-2 и соответствующими СКО, кажется наиболее общераспространенным побудительным механизмом, лежащим в основе алкоголизма и наркомании. Однако я работал с алкоголиками и наркоманами, чьи симптомы указывали на то, что они, находясь под влиянием БПМ-3, все же пытались найти для своих невзгод фармакологическое решение. Стало ясно, что эти случаи вовлекали какой-то иной механизм и требовали иного объяснения. И оказалось, что все эти люди были рождены при сильной анестезии, причем, у некоторых из них независимо друг от друга происходили убедительные озарения, в которых именно это обстоятельство связывалось с их наркоманией или алкоголизмом.

И конечно же, подобное объяснение имело огромный смысл. Ведь, как правило, рождение — это первая значительная трудность, с которой мы сталкиваемся в своей жизни, и первое значительное болезненное и напряженное состояние. Быть может, единственным исключением из этой закономерности могут оказаться состояния, когда серьезные кризисы происходят уже во время эмбрионального существования. Чрезвычайное влияние ранних событий в жизни на последующее поведение было неоднократно экспериментально засвидетельствовано этологами-исследователями, которые изучали инстинктивное поведение животных, известное как запечатление — «импринтинг» (Lorenz, 1963, Tinbergen, 1965).

Следовательно, характер родов и тот способ, каким они проводятся, оказывают мощное воздействие на всю нашу дальнейшую жизнь. Если роды средней трудности и продолжительности, и мы являемся на свет, успешно пройдя через них, все это придает нам ощущение благоприятствования и уверенности по отношению к трудностям, с которыми мы столкнемся в будущем. И наоборот, продолжительные и истощающие роды зарождают в

нас ощущение пессимизма и пораженчества. Мир кажется нам слишком трудным, чтобы мы могли жить в нем успешно, а сами себе мы кажемся беспомощными и неспособными.

Когда пациенты, пристрастившиеся к алкоголю и наркотикам, в своих психоделических сеансах переживали состояния космического единства, они рассказывали об озарениях, очень похожих на те, что бывают и у пациентов со склонностью к самоубийству. Они осознавали, что жаждали превосходящего, а не наркотического опьянения. А их ошибка основывалась на некотором поверхностном сходстве между действиями алкоголя и наркотиков и переживанием космического единства. Тем не менее, сходство не означает тождества. Алкоголь и наркотики притупляют чувства, затемняют сознание, препятствуют умственной деятельности и вызывают эмоциональную анестезию. А состояния превосходящего характеризуются, наоборот, улучшением чувственного восприятия, отрешенностью, ясностью мышления, изобилием философских и духовных озарений и необычайным богатством чувств.

Расстройства в половой сфере и сексуальные отклонения

Классический психоанализ толкует половые затруднения в связи с несколькими основными представлениями Фрейда. Из них первое представление о том, что сексуальность проявляется не в период полового созревания, а уже во младенчестве. И так как половое влечение развивается через несколько последовательных стадий (оральную, анальную, уретральную и фаллическую), то на любой из них неудовлетворение или чрезмерное перевозбуждение могут приводить к задержке в развитии, фиксации. Причем в зрелой сексуальности преобладающая направленность является генитальной, и догенитальные составляющие играют второстепенную роль, проявляясь в большинстве случаев лишь как часть предварительной игры. Но и во взрослой жизни какоенибудь конкретное сильное психологическое напряжение может вызывать возврат на более ранние стадии развития полового влечения, на которых и происходила фиксация. И в зависимости от силы защитных механизмов, противостоящих таким побуждениям, это может проявляться как извращения, или как психоневрозы.

Другим важным представлением в психоаналитическом подходе к вопросам пола является «комплекс кастрации». Фрейд полагал, что оба пола наделяют чрезвычайной ценностью пенис. И считал для психологии подобное заключение первостепенным по своему значению. По его представлениям, мальчики будто бы переживают чрезвычайную боязнь того, что могут лишиться столь высокоценного органа. А девочки будто бы верят, что раньше пенис у них был, но они его потеряли, что делает их более подверженными мазохизму и чувству вины. Однако критики Фрейда неоднократно выдвигали возражения, что подобная точка зрения представляет собой серьезное искажение и ложное истолкование женской сексуальности, ибо изображает женщин просто как кастрированных самцов. У комплекса кастрации есть несколько важных моментов, которые не позволяют далее осмысленно соотносить это представление с пенисом.

Комплекс кастрации приписывается как мужчинам, так и женщинам. Фрейд полагал, что боязнь кастрирования настолько чрезмерна, что уравнивал ее со страхом смерти. К тому же он считал, что кастрирование психологически равнозначно отделению, так что потеря какой-либо

значимой человеческой связи может на самом деле вновь привести ее в действие. Также среди свободных ассоциаций, появляющихся в связи с изучением комплекса кастрации, с особенно высокой частотой возникают темы удушения. И ни одна из этих связей — отделение и удушение — не имеет никакого отношения к пенису. Стоит упомянуть в этой связи, что Фрейд выдвигал и другое классическое понятие, каким-то образом связанное с его комплексом кастрации: его знаменитую «*vagina dentata*», «зубастую ватину». Этот термин имеет связь с тем фактом, что дети воспринимают женские гениталии как опасные, снабженные зубами, которые могут убить или кастрировать.

Вхождение в околородовые и надличностные измерения холотропных состояний коренным образом расширяет эти представления и все фрейдовское понимание сексуальности. Они показывают, что первые половые чувства возникают не при кормлении, а еще в родовых путях. Ведь как мы уже убедились, удушье и мучения во время БПМ-3, кажется, порождают сексуальное возбуждение необычайной силы. Это означает, что наша первая встреча с половыми чувствами происходит в положении, когда наша жизнь находится под угрозой, и сопровождается как эмоциональными и физическими страданиями, так и взаимным причинением матерью и ребенком боли друг другу.

При этом условии фрейдовский «комплекс кастрации» становится частью СКО, которая срачивается с травмой обрезания пуповины на фазе БПМ-4 в ходе рождения. И все ранее упомянутые неувязки тут же исчезнут, как только мы представим себе, что на глубинном уровне это страх обрезания пуповины, а не пениса. Точно также и «зубастая вагина» предстает в новом свете, если мы принимаем то, что травма рождения записывается в памяти. Мы понимаем, что страх детей, связанный с женскими гениталиями, не является простой фантазией, но имеет свои истоки в болезненном и опасном положении, а именно, в их собственном рождении.

Таким образом, травма рождения создает общую предрасположенность к половым расстройствам. А конкретные отклонения развиваются в том случае, когда эти околородовые составляющие усиливаются в младенчестве и детстве послеродовыми травмами. И опять, то, что психоаналитики рассматривают в качестве первичных причин подобных недугов, на самом деле является только обстоятельствами, которые предшествуют травмам, и выносят их ближе к сознанию. И подобно любым другим эмоциональным и психосоматическим расстройствам, расстройства половые также, как правило, связаны с разнообразными кармическими, архетипическими и филогенетическими составляющими в надличностной области.

Гомосексуальность

Половое и эмоциональное предпочтение членов собственного пола учитывается как «отклонение» только при чрезвычайно узком восприятии мира, ибо считается выходом за пределы нормы. Существует множество людей, которые не делают вопроса из собственных гомосексуальных предпочтений и наслаждаются своим образом жизни. И их главным вопросом оказывается столкновение с нетерпимым обществом, нежели борьба с собой.

Мой опыт клинической работы с гомосексуальностью был достаточно

нетипичным, так как ограничивался по большей части индивидами, которые решили лечиться из-за того, что рассматривали собственную гомосексуальность как недуг и переживали в связи с этим серьезные противоречия. Много я узнал из собственных исследований и специальной литературы: гомосексуальность имеет много видов и подвидов и, несомненно, множество различных определяющих обстоятельств. Потому здесь невозможно сделать какие-либо обобщения. Кроме того, мои пациенты-гомосексуалисты, как правило, испытывали и иные клинические трудности — депрессии, суицидальные наклонности, невротические симптомы или психосоматические проявления. Подобные соображения важны для любых общих выводов на основании наших наблюдений.

Большинство мужчин-гомосексуалистов, с которыми я работал, были способны устанавливать хорошие светские отношения с женщинами, но не могли иметь с ними сексуальные связи. И во время лечения эти трудности можно было проследить вплоть до фрейдовского комплекса кастрации и зубастой вагины. И тем не менее, как мы уже говорили, эти представления необходимо коренным образом переистолковать и придать им околородовое значение.

В дополнение к подобному бессознательному страху женских гениталий в основании сексуального поведения этих пациентов, кажется, лежит и другая составляющая: отождествление с рожаящей матерью. Это включает некое конкретное сочетание ощущений, характерных для БПМ-3: ощущение наличия внутри своего тела живого плода, смесь удовольствия и боли, сочетание полового возбуждения с давлением на анус. Наличие при анальном сношении сильной садомазохисткой составляющей, как мы увидим, также говорит о связи с БПМ-3.

В моей работе с пациентами лесбийской направленности выборка также была не вполне типичной и не менее ограниченной, чем в случае мужской гомосексуальности. По-видимому, вообще половая направленность моих пациенток-лесбиянок имела более поверхностные психологические корни, чем в случае пациентов-гомосексуалистов. В холот-ропных состояниях эти пациентки проявляли склонность психологически возвращаться к памяти об освобождении во время рождения, которое происходило в тесном соприкосновении с женскими половыми органами. Это, по сути, отображает и побуждающие силы гетеросексуальной мужской предрасположенности к орально-генитальным практикам. А дополнительным околородовым элементом, связанным с памятью рождения, является страх быть подчиненной, подавленной, изнасилованной, что гораздо чаще может произойти во время половых отношений с партнером мужчиной, чем с женщиной.

Вообще женская гомосексуальность, кажется, гораздо менее связана с околородовыми движущими силами и с вопросами жизни и смерти, чем мужская. Лесбийские наклонности отражают благоприятную околородовую составляющую тяготения к материнскому организму, тогда как мужская гомосексуальность связана с памятью об угрожающей жизни зубастой вагине. Большая общественная терпимость к лесбиянству, чем к мужской гомосексуальности, очевидно, согласуется с подобным взглядом.

Несколько геев участвовало в наших обучающих программах для специалистов. Для них гомосексуальность была просто предпочтением, а не напастью. В своих сеансах они прослеживали свою сексуальную направленность до архетипических истоков или своей прошлой жизни как

лиц противоположного пола. А некоторые просто принимали это как эксперимент в сознании, причуду космического промышленя.

Садомазохизм и копрофилия

Взаимосвязь на уровне БПМ-3 между половым возбуждением, физическим ограничением, болью и удушьем дает естественную основу для понимания садомазохизма и синдрома связывания. Те индивиды, кто испытывает потребность сочетать половое сношение с такими составляющими, как физическое стеснение, господство и подчинение, причинение и переживание боли или удушение, просто повторяют сочетание ощущений и чувств, которое они переживали во время собственного рождения. Первичное средоточие этих видов половой активности не половое, а околородовое.

Потребность создавать садомазохистские ситуации может рассматриваться не просто как симптоматика поведения, но и как усеченная попытка психики очистить и усвоить первоначальную травму. Подобное усилие безуспешно как упражнение по самооздоровлению из-за отсутствия в нем взгляда внутрь себя, пронизательности и понимания природы происходящего и его бессознательных источников.

То же самое справедливо для копрофилии, копрофагии и уролагнии — половых отклонений, характеризующихся потребностью включать фекалии и мочу в качестве сексуальной обстановки. Индивиды, проявляющие подобные отклонения, стремятся войти в близкое соприкосновение с биологическими выделениями, которые обычно считаются отвратительными. У них же они вызывают половое возбуждение, поэтому они пытаются включить их в свою половую жизнь. В крайних случаях такие действия, как поедание экскрементов, питье мочи, а также побуждение партнера к испражнению и мочеиспусканию на себя или вымазывание себя испражнениями могут оказаться обязательным условием для достижения полового удовлетворения.

Сочетание полового возбуждения и скатологических составляющих достаточно распространено во время последних стадий события смерти и возрождения. По всей видимости, это переживание отражает то обстоятельство, что при родах, когда не применяется катетер или клизма, многие дети переживают близкое соприкосновение не только с кровью, слизью и околоплодными водами, но также с фекалиями и мочой. Естественная основа этих, на первый взгляд, крайне причудливых отклонений— оральное соприкосновение с фекалиями и мочой в мгновение, когда после долгих часов мук и угрозы для жизни голова освобождается от жесткого сжатия в родовых путях. И, таким образом, близкое соприкосновение с подобными выделениями становится отождествленным с этим основополагающим оргастическим переживанием.

Согласно литературе по психоанализу, ребенок из-за его, в сущности, животной природы, якобы уже изначально привязан к разнообразным видам биологических выделений и лишь в последующем вырабатывает отвращение к ним из-за мер родительского или общественного подавления. Но данные наблюдений из области психоделических исследований позволяют предположить, что дело обстоит не совсем так. Установки по отношению к биологическим выделениям, по всей видимости, определяются во время переживания рождения.

При некоторых родах ребенок встречает слизь или фекалии просто как то, что сопутствует физическому или эмоциональному освобождению и, в сущности, ведет к возникновению благоприятных ассоциаций. А когда дитя появляется из родовых путей задушенным подобными выделениями и его приходится освобождать от них с помощью искусственного дыхания, ассоциации становятся пугающими и травмирующими. И если дыхание начинается преждевременно, то ребенок может вдохнуть эти выделения и едва ли не умереть. А вытекающий из этого сильнейший страх может стать основой для будущего обсессивно-компульсивного расстройства.

Сексуальность и власть

Богатым источником поразительных сведений о половых отклонениях является книга Януса, Бесса и Сальтуса «Половой профиль мужчин власти». Это исследование основано на более чем семистах часах интервью с девушками по вызову с восточного побережья Соединенных Штатов. Здесь, в отличие от множества других исследователей, авторы интересовались не столько личностями проституток, сколько предпочтениями и привычками их клиентов. А среди последних были многие видные представители американских политических и деловых кругов, органов правосудия и правопорядка.

В ходе бесед выяснилось, что только незначительная часть клиентов прибегала к простому половому совокуплению. Внимание же большинства привлекали различные изощренные эротические практики, которые можно было бы определить как «секс со злодейскими вывертами». Особенно велик был спрос на связывание, порку и другие виды истязаний. Некоторые из этих клиентов были готовы выкладывать большие деньги за психодраматическую постановку изощренных садомазохистских сцен наподобие той, где американский летчик, захваченный в плен в нацистской Германии, подвергается изощренным пыткам похотливых женщин из гестапо.

Среди наиболее часто запрашиваемых и высокооплачиваемых практик были «золотой ливень» и «бурый ливень» — мочеиспускание и испражнение на клиента применительно к обстоятельствам полового сношения. После оргазма многие из этих необычайно честолюбивых и влиятельных мужчин впадали в младенческое состояние, хотели лечь на ручки, пососать соски проституток — поведение резко расходящееся с их общественным образом, какой они пытались воплотить.

Авторы предлагают исключительно биографические и фрейдистские объяснения, связывая пытки с родительскими наказаниями, приписывая «золотой и бурый ливень» трудностям времени приучения к туалету, неудовлетворенным потребностям сосания груди и с фиксацией на матери. Однако при более тщательном рассмотрении обнаруживается, что клиенты на самом деле разыгрывают скорее классические родовые положения, нежели послеродовые события детства. Ибо сочетание физического стеснения, боли и мучений, полового возбуждения, вовлечение скатологических составляющих и последующее регрессивное оральное поведение являются безошибочными указаниями на то, что задействована БПМ-3.

Выводы Януса, Бесса и Сальтуса заслуживают особого внимания. Авторы обратились к американской общественности с призывом не ждать от своих политиков и других видных фигур, чтобы они выступали как образцы

сексуального поведения. Согласно проведенному ими исследованию, чрезмерное половое влечение и склонность к отклонениям в половой сфере неразрывно связаны с крайним честолюбием, которое в современном обществе побуждает становиться преуспевающей общественной фигурой.

Эти открытия сводят вместе две силы психики: пол и волю к власти — каждая из которых изображалась как первичная соперничающими школами фрейдовского психоанализа и адлеровской индивидуальной психологии. Наблюдения холотропных состояний подсказывают, как разрешить противостояние Фрейда и Адлера по поводу того, какая же из стихий господствует в психике. На самом же деле пол и воля к власти — две стороны одной медали. Ибо в связи с БПМ-3 сильное половое возбуждение и побуждение к самоутверждению (восполняющее чувство беспомощности и неспособленности) — две стороны одного переживания.

Нарушения половой функции

Импотенция — неспособность вызвать или поддерживать эрекцию, и фригидность — неспособность достичь оргазма, отражают сходное состояние движущих сил психики. Индивиды, страдающие от этих расстройств, находятся под сильным воздействием половой стороны БПМ-3, что делает для них невозможным пережить половое возбуждение, не задействовав одновременно все остальные составляющие этой матрицы. Ибо в этом случае сила самой энергии, агрессивные побуждения, тревога и страх потери управления налагают запрет на половой акт.

Подкрепление для такого понимания «импотенции» и «фригидности» приходит из психотерапии переживания. Ибо здесь мы создаем несексуальную ситуацию, в которой составляющие БПМ-3 могут выноситься в сознание. А когда связанная с ними энергия разряжается, импотенция на время может заменяться состоянием, называемым «сатириаз» — непомерной половой потребностью. И это благодаря тому, что была восстановлена связь между пенисом и родовой энергией. И теперь именно эта родовая энергия, а не обычная половая энергия вырывается наружу в сексуальном соитии.

Из-за чрезмерного количества энергии, находящейся на родовом уровне, мужчины, что прежде вовсе не были в состоянии поддерживать эрекцию, обретают способность совершать несколько совокуплений за одну ночь. Но обычно полного облегчения не происходит, и как только они достигают оргазма и эйякулируют, сексуальная энергия начинает подниматься снова. И становится необходимой несексуальная работа с переживанием, чтобы перевести эту энергию на тот уровень, на котором при половых отношениях с ней можно было бы спокойно справиться.

Подобным же образом женщины, которые прежде были не способны достичь оргазма, становятся оргазмичными, если смогут выпустить в какой-нибудь несексуальной ситуации некоторую часть чрезмерной энергии, связанной с БПМ-3. Когда происходило такое отпускание, оргазмы были склонны становиться ошеломляющими, подчас сопровождаясь громкими истощными произвольными криками, за которыми следовали несколько минут неистовой дрожи. При таких обстоятельствах женщина достаточно часто переживает множественные оргазмы. Это первоначальное освобождение также приводит к росту половых потребностей до такой степени, что они могут казаться неутолимыми. И опять, как в случае мужчин импотентов, снова становится необходимой дополнительная

внутренняя работа в несексуальной ситуации, чтобы перевести родовую энергию на приемлемый уровень.

Уголовно наказуемые отклонения

Некоторые крайние виды преступной половой патологии, такие как изнасилование, садистское убийство и некрофилия, выдают свои явные родовые корни. Индивиды, переживающие сексуальные стороны БПМ-3, часто говорят о том, что у этой стадии рождения и у изнасилования имеется очень много общих черт. Подобное сопоставление имеет большой смысл, если принять в расчет некоторые из неперенных признаков переживаний при изнасиловании. Для жертвы оно включает серьезную опасность, тревогу за жизнь, чрезвычайную боль, физическое стеснение, борьбу за то, чтобы освободиться, удушье и навязанное половое возбуждение. А переживания насильника, наоборот, включают активные противоположности этих элементов: подвержение опасности другого, запугивание, причинение боли, сдавливание, удушение и вызывание полового возбуждения. Стало быть, переживание жертвы имеет много общих черт, сравнимых со страданиями ребенка в тисках родовых путей, тогда как сам насильник выносит вовне и переводит во внешнее действие скопившиеся внутри него силы родовых путей, одновременно осуществляя мщение заместителю матери.

Может ли жертва бессознательно способствовать изнасилованию? Если память БПМ-3 близка к сознанию, то это может оказывать на индивида сильное психологическое давление, направленное на то, чтобы воплощать эти элементы в обычной жизни, например, заниматься согласованными половыми отношениями с применением насилия, либо даже создавать опасные сексуальные положения. И хотя, конечно же, этот механизм неприменим ко всем жертвам половых преступлений, в некоторых случаях он может сыграть важную роль. Ведь такое поведение содержит в себе бессознательное влечение к выздоровлению. Ибо подобные переживания, порождаемые собственным бессознательным субъекта в условиях терапии и одновременным проникновением в их бессознательные истоки, приводят к духовно-душевному преображению.

Из-за подобного сходства между опытом изнасилования и рождения жертва изнасилования страдает от психологической травмы, которая намного превосходит непосредственное переживание происшествия. Она сталкивается с пробоем защит, оберегавших ее от памяти биологического рождения. Ведь вполне вероятно, что те долговременные эмоциональные невзгоды, которые следуют за изнасилованием, зачастую вызываются проникновением в сознание эмоций и психосоматических проявлений, связанных с родами.

Влияние третьей перинатальной матрицы еще более очевидно в случае садистских убийств, которые тесно связаны с изнасилованиями. В дополнение к совокупной разрядке половых и агрессивных побуждений эти действия еще включают в себя смерть, нанесение увечий, расчленение, скатол о-гическое потакание своему наслаждению от крови и внутренностей — сочетания характерные для повторного проживания последних стадий рождения.

Как мы увидим, движущие силы садистского убийства близкородственны движущим силам кровавого суицида. Единственное же отличие заключается в том, принимает ли явно индивид на себя роль

жертвы или нападающего. Но, в конечном счете, обе эти роли представляют лишь различные стороны одной и той же личности, ибо нападающий отождествляет себя с гнетущими и разрушительными силами родовых путей, а жертва воспроизводит память о чувствах и ощущениях ребенка во время родов.

Схожее сочетание стихий, но в несколько ином соотношении, по-видимому, лежит и в основе клинической картины некрофилии. В некрофилии мы видим тот же сплав сексуальности, смерти, враждебности и скатологии, столь характерный для третьей родовой матрицы. Это отклонение встречается в разнообразных видах и в различной степени тяжести, от весьма безобидных до явно криминальных. Ее самые невинные разновидности включают в себя половое возбуждение при виде трупа или влечение к кладбищам, могилам и предметам, с ними связанным. Однако более тяжелые виды некрофилии характеризуются сильным желанием трогать трупы, обнюхивать их и даже пробовать на вкус, получать удовольствие от их гниения и разложения. А следующий шаг — это уже настоящее сексуальное обращение с трупами, достигающее своего высшего выражения в совокуплении с мертвыми телами. Крайние случаи этого полового извращения сочетают в себе сексуальное издевательство над трупами с действиями по изуверчиванию и расчленению тел или каннибализмом. Эти стороны некрофилии не могут быть объяснены ссылками на родовые матрицы, скорее всего, они задействуют элементы сознания поедающих падаль животных.

Психосоматические нарушения

Рождение, как событие главным образом биологическое, включает в себя богатейший спектр физиологических явлений. Поэтому едва ли удивительно то, что корни различных психосоматических проявлений и заболеваний могут быть прослежены вплоть до родовых матриц. Хорошо известно, что многие эмоциональные расстройства, такие как психоневрозы, депрессии и функциональные психозы, имеют совершенно четкие физические проявления: головные боли, одышка, тошнота, потеря аппетита, запор или понос, учащенное сердцебиение, чрезмерная потливость, тремор, тики, психосоматические боли, кожные высыпания, отсутствие месячных, менструальные колики, неспособность к достижению оргазма и импотенция.

В некоторых психоневрозах совершенно четкие и характерные физические симптомы могут представлять собой преобладающую черту подобного расстройства. Это также верно и для превращенной истерии — диссоциативного расстройства, чьими главными симптомами выступают истерический паралич, потеря речи, временная слепота, нечувствительность, рвота, явные двигательные припадки с характерным дугообразным выгибанием тела (*arc de cercle*), ложная беременность (псевдокизия) и даже стигматы.

Психоаналитические толкования подчеркивают фиксацию на фаллической стадии развития полового влечения, психополовую травму и значение комплексов Эдипа и Электры. Однако данные наблюдений о холотропных состояниях связывают превращенную истерию с половой стороной БПМ-3. Они выявляют мощные биоэнергетические заторы и взаимопротиворечащие действующие силы родового происхождения. А соответствующие СКО включают в себя материал, который описан в

психоаналитической литературе. Но более глубокая проработка связывает истерию с кармическими темами, в которых половая сторона выделяется особо.

Заикание, психогенная астма и различные тики относятся к группе расстройств, которые психоаналитики называют «догенитальными превращениями». Они представляют собою сочетание навязчивого невроза и превращенной истерии. Структура личности явно пронизана одержимостью, но основной защитный механизм включает в себя превращение не пережитого переживания в физические или телесные симптомы, как и при истерии.

Некоторые расстройства выказывают явные физические проявления, в которых роль психологических составляющих настолько значительна и важна, что даже традиционная медицина говорит о них как о заболеваниях психосоматических. Они включают мигрени, некоторые виды гипертонии, колиты, язвы пищеварительного тракта, психогенную астму, псориаз, различные экземы и, как утверждают некоторые исследования, даже определенные виды артритов. Объяснения психосоматических заболеваний, предлагаемые большинством школ глубинной психологии, в общем-то, неубедительны. Они подчеркивают роль психологических противоречий, которые впоследствии выражаются телесным языком или «соматизируются».

Блистательный и противоречивый психоаналитический первопроходец — Вильгельм Райх высказал более приемлемые догадки о природе и этиологии психосоматических нарушений. Он показал, что травмирующие психологические события, описываемые в психоанализе, не достаточно объясняют развитие эмоциональной и, главным образом, психосоматической симптоматики. Райх определил затор и запирание значительного количества биоэнергии в мускулах и внутренних органах, которое он назвал иероглифическим панцирем, как главную причину, лежащую в основе подобной симптоматики.

Согласно Райху, эта закупорка биоэнергии происходит от противоборства между нашими биологическими потребностями и подавляющим воздействием общества, которое не допускает свободного и полного сексуального выражения. В таком случае запруженная энергия находит свое искаженное выражение в виде извращений, невротических и психосоматических симптомов и разрушительных общественных движений. Холотропные исследования подтверждают правоту Райха — однако, только в общем, но не в частностях. Если Райх полагал, что сдерживаемая энергия является подавленным либидо, то новые наблюдения показывают, что большая ее часть родового происхождения. Запертая энергия — это следствие избыточного возбуждения нейронов во время прохождения через родовые пути. Значительная часть этой энергии, по-видимому, происходит и с надличностного уровня бессознательного.

Важным вкладом современных исследований сознания является открытие того, что не усвоенные и не принятые физические травмы играют решающую роль в генезисе психосоматических проявлений. Большинство школ, толкующих о бессознательных побуждающих силах, склонны приписывать психосоматические симптомы соматизации психологических противоречий и травм, не удосуживаясь видеть в их генезисе решающую роль физических психотравм. Работа с переживанием, использующая

холотропные состояния, не оставляет никакого сомнения относительно того, что действительным источником психосоматических симптомов всегда являются события, связанные с физическими повреждениями.

Например, терапевтическая работа с психогенной астмой неизбежно вскроет неусвоенный материал биографических воспоминаний о положениях, которые действительно включали в себя переживания удушья, такие как утопление, удушение, проглатывание инородного предмета, вдыхание крови во время удаления миндалин, коклюше или детской пневмонии. Дополнительными источниками затруднений с дыханием являются травма рождения и на надличностном уровне — воспоминания о том, что в предыдущей жизни вы были задушены или удушены. Подобным образом, психосоматические боли и другие виды недомоганий происходят из воспоминаний о болезненных случаях, хирургических операциях или заболеваниях, неудобстве в ходе рождения и физическом страдании, связанном с поражением или смертью в прошлой жизни.

3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ХОЛОТРОПНОЙ ТЕРАПИИ

Изложенное нами новое понимание причин расстройств имеет большое влияние на процесс лечения. О подходе, основанном на изучении необычных состояний сознания и на их целительных возможностях, можно говорить как о «холотропной психотерапевтической стратегии». Эта стратегия представляет собой важную альтернативу как всем тем разнообразным методам глубинной психологии, что делают упор на обмене словами между терапевтом и пациентом, так и терапии переживания, проводящейся при сохранении обычных состояний сознания.

Основное положение холотропной терапии состоит в том, что симптомы эмоциональных расстройств представляют собою попытку организма освободиться от старых травматических отпечатков, исцелить себя и упростить собственную работу. То есть, эмоциональные расстройства не просто раздражают и осложняют жизнь, но также несут в себе важнейшую благоприятную возможность для излечения. Поэтому действенная терапия будет заключаться во временной активизации, усилении и последующем разрешении этих симптомов.

Подобное правило холотропной терапии свойственно также и гомеопатии. Ведь врач-гомеопат должен подобрать и применить снадобье, которое у здоровых индивидов вызывает такие же симптомы, что проявляются у пациента. Холот-ропное состояние сознания склонно действовать по типу универсального гомеопатического снадобья в том, как оно активизирует любые существующие симптомы и выводит вовне те симптомы, которые оставались скрытыми.

Такое понимание применимо не только к неврозам и психосоматическим нарушениям. Оно распространяется на многие состояния, которые конформистки настроенные психиатры диагностируют как психотические и как симптомы серьезного душевного заболевания. Западная психиатрия, ограниченная послеродовой биографией и индивидуальным бессознательным, не может признать целительные возможности столь необычайных состояний. И потому переживания, которые выпадают за пределы этой узкой схемы, относятся к патологическим процессам неизвестного происхождения. А расширенная картография психики, включающая околородовую и надличностную

области, предоставляет естественное объяснение содержания и силы этих состояний.

Другое важное положение холотропной терапии состоит в том, что вся деятельность среднего человека нашей культуры протекает на уровне, который намного ниже его действительных возможностей и способностей. Подобное обеднение происходит из-за нашего отождествления себя исключительно со своим физическим телом и своим Я. Следствием оказывается не подлинный, нездоровый и неплодотворный образ жизни, а также развитие эмоциональных и психосоматических нарушений психологического происхождения. И появление тревожных симптомов, не имеющих органической основы, может рассматриваться как указание на то, что индивид достиг какой-то точки, на которой становится очевидно: старый способ существования в мире для него невыносим.

Когда же рушится направленность индивида на внешний мир, то в сознании начинает проявляться содержание бессознательного. Подобный слом может происходить в какой-то отдельной сфере жизни, такой как брак или половая жизнь, профессиональная деятельность или преследование разнообразных личных честолюбивых устремлений, либо же поразить одновременно все стороны жизни индивида. Размеры и глубина подобного слома приблизительно соотносятся с развитием невротических и психотических явлений. Складывающееся вследствие этого положение представляет собою не только кризис или обострение, но еще и, как мы убедимся, важную благоприятную возможность.

Поэтому главная задача холотропной терапии состоит в том, чтобы активировать бессознательное, высвободить связанную в эмоциональных и психосоматических симптомах энергию и превратить эти симптомы в поток переживаний. Задача же помощника или терапевта при холотропной терапии заключается в том, чтобы поддерживать протекание переживаний с полным доверием к их исцеляющей природе, не пытаясь каким-либо образом направлять или нагружать их. Ведь все действие ведется только собственным внутренним исцеляющим разумом индивида. Для терапевта важно поддерживать развертывание переживания, даже если рассудком он не может его постичь. Здесь понятие «терапевт» употребляется мною в смысле греческого слова *JerapeuthV*— «лицо, прислуживающее при ходе исцеления», а не активного деятеля, чья задача состояла в том, чтобы «починить» пациента.

Некоторые мощные исцеляющие и преображающие переживания могут и вовсе не иметь никакого конкретного содержания: они состоят из череды напряженного накапливания эмоций или физических напряжений, последующего их высвобождения и глубокого расслабления. Зачастую конкретное содержание и интуитивные озарения возникают уже потом, либо во время этого же сеанса, либо даже в последующих сеансах. В некоторых случаях разрешение происходит на биографическом уровне, в других же — через околородовое содержание или надличностные темы. И подчас волнующее исцеление и преображение личности, обладающие далеко идущими последствиями, становятся следствием переживаний, которые вовсе не поддаются разумному пониманию. Хотя самым мощным методом вызова холотропных состояний с целью излечения является употребление психоделических растений или веществ, в настоящее время существует лишь несколько официальных исследовательских программ, привлекающих эти вещества, и психоделическая терапия повсеместно

недоступна где-либо в мире. Потому я сосредоточу наше внимание на подходе, который обладает свойством вызывать холотропные состояния не фармакологическими средствами и не связан со сложными проблемами политического, административного и юридического характера.

Холотропное дыхание

За последние двадцать лет мы с моей женой Кристиной разработали метод лечения и самоосвоения, который мы называли «холотропным дыханием». В нем необычайно мощные холотропные состояния вызываются сочетанием чрезвычайно простых средств: ускоренного дыхания, побуждающей музыки и методом телесной работы, помогающим избавиться от биоэнергетических заторов. И в теории, и на практике этот метод объединяет различные составляющие древних и первобытных традиций, восточных духовных философий и западной глубинной психологии.

Дыхание, душа, дух

Использование различных техник дыхания с религиозными и лечебными целями можно обнаружить на самой заре человеческой истории. В древних и современных не западных культурах дыхание играло очень важную роль в космологии, мифологии и философии. Оно выступало как важное орудие в обрядовой и духовной практике. С самого начала истории, в сущности, каждая значительная духовно-психическая система, стремящаяся постичь природу человека, рассматривала дыхание как решающую связь между телом, умом и духом.

Это ясно выражают слова, которыми многие языки обозначают дыхание. В древнеиндийской литературе слово *прана* означает не только физическое дыхание и воздух, но также священную сущность жизни. Точно также в традиционной китайской медицине слово *ци* относится как к космической сущности и к энергии жизни, так и просто к воздуху, которым мы дышим. В Японии соответствующее слово — *ки*. В духовной практике и в воинских искусствах *ки* играет чрезвычайно важную роль. В Древней Греции слово *рпеита* означало как «воздух» или «дыхание», так и «дух» или «жизненную сущность».

Также считалось, что дыхание тесно связано с душой. Греческое слово *phren* употреблялось и для обозначения диафрагмы, самой широкой мышцы, участвующей в дыхании, и для обозначения ума (как видно по понятию «шизофрения»). В древнееврейской традиции такое же слово — *ruach* обозначало и «дыхание», и «творящий дух», ибо они считались тождественными. В латыни для обозначения духа и дыхания также употреблялось одно и то же слово — *spiritus*. А в славянских языках слова «дух» и «дыхание» имеют один и тот же лингвистический корень.

На протяжении веков было известно, что на сознание можно повлиять методами дыхания. Приемы, которые использовались с этой целью различными древними и еще существующими туземными культурами, охватывают широкий диапазон методов: от решительного прекращения дыхания до тонких и изысканных упражнений различных духовных традиций. Так, первоначальный способ крещения, практиковавшийся ессеями, включал погружение посвящаемого под воду на продолжительный период времени, что приводило к мощному переживанию смерти и возрождения. В иных группах новообращаемые наполовину удушались дымом, сдавливанием горла или сонной артерии.

Глубокие перемены в сознании могли вызываться как гипервентиляцией и продолжительной задержкой дыхания, так и их сочетанием. Необычайно утонченные и развитые методики подобного рода можно найти в древнеиндийской науке дыхания — *пранаяме*. Особые техники, включающие напряженное дыхание или задерживание дыхания, также являются частью различных упражнений в кундалини-йоге, в сиддха-йоге, в тибетской ваджраяне, в практике суфиев, буддистских бирманских и даосских способах медитации и множестве других традиций.

Буддизм сото дзэн и некоторые даосские и христианские практики используют более тонкие техники, которые делают упор скорее на особом осознании дыхания, нежели на изменениях в дыхательных движениях. Косвенно на глубину и ритм дыхания сильно влияют такие художественно исполняемые обряды, как балийское обезьянье пение или кетжак, горловая музыка эскимосов-инуитов, пение *кирта-нов*, *бхаджанов* или песнопения суфиев.

В материалистической науке дыхание утратило свое священное значение и было оторвано от его связи с душой и духом. Западная медицина свела его к важной физиологической функции. А все физические и психологические проявления, которые сопровождают различные изменения в дыхании, были объявлены патологией. И психосоматическая реакция на учащение дыхания, так называемый «синдром гипервентиляции», рассматривается скорее как состояние патологическое, нежели как действие, обладающим огромными целительными возможностями. А когда гипервентиляция происходит произвольно, она подавляется назначением транквилизаторов, внутривенными инъекциями кальция и наложением на лицо бумажного пакета.

За несколько последних десятилетий западные психологи и психиатры вновь открыли целительные возможности дыхания и развили методики, их использующие. Мы сами испробовали различные подходы, включающие дыхание, во время наших месячных семинаров Эсаленского института в Биг Суре, в Калифорнии. Они заключали в себе как дыхательные упражнения древних духовных традиций, проводимые под руководством индийских и тибетских учителей, так и методы, разработанные западными терапевтами. Каждый из этих подходов выделял нечто особенное и использовал дыхание по-своему.

При наших поисках действенного метода, который использовал бы целительные возможности дыхания, мы старались упростить его, насколько это было возможно. И мы пришли к выводу: чтобы вызвать необычное состояние сознания, достаточно дышать просто быстрее и глубже, чем обычно, с полным сосредоточением на своих переживаниях. Вместо того, чтобы придавать значение какой-то особой технике дыхания, в этой сфере мы придерживаемся как раз общей стратегии холотропной работы — доверие к внутренней мудрости тела и следование внутренним путеводным нитям. При холотропном дыхании мы побуждаем людей начинать сеанс с несколько более учащенного и глубокого дыхания, связывающего вдох и выдох в непрерывном круговороте дыхания. А по ходу дела, погружившись в происходящее, они уже находят собственный ритм и способ дыхания.

Нам неоднократно доводилось подтверждать наблюдения Вильгельма Райха, что с ограниченным дыханием связаны различные виды психологического сопротивления и защиты. Дыхание является

самостоятельной функцией, но также может подвергаться и воздействию воли. Умышленное увеличение скорости дыхания, как правило, ослабляет психологическую защиту и ведет к высвобождению бессознательного (и сверхсознательного) содержания. Но пока кто-либо сам не стал свидетелем этого или не пережил это состояние, ему трудно поверить в силу и действенность этого метода лишь на основе теории.

Исцеляющая сила музыки

В холотропной терапии действие дыхания на сознание сочетается с побуждающей музыкой. Подобно дыханию музыка и другие виды звуковой техники на протяжении тысячелетий использовались как мощнейшие средства обрядовых и духовных практик. С незапамятных времен монотонный барабанный бой и пение были главными орудиями шаманов по всему свету. Многие доиндустриальные культуры независимо друг от друга выработали барабанные ритмы, которые в условиях лабораторных экспериментов производили схожее воздействие на электрическую активность мозга. И антропологи, изучающие первобытную культуру, задокументировали неисчислимые примеры вызывающих транс методов необычайной силы, сочетающих музыку, пение и танцы.

Во многих культурах во время проведения сложных церемоний звуковые приемы поразительной сложности использовались именно для целей врачевания. Целительные обряды навахо, проводимые обученными певцами сравнимы с партитурами вагнеровских опер. Как было засвидетельствовано многими антропологическими кинофильмами экстатические танцы бушменов !Кунг из африканской пустыни Калахари обладают необычайной целительной силой. Целительные возможности обрядов синкретических религий Карибской и Южной Америки, таких как кубинская *сантерия* и бразильская *умбанда*, признаются многими профессиональными психиатрами этих стран, получившими традиционное западное образование. В нашей собственной традиции замечательные случаи эмоционального и психосоматического исцеления происходят на собраниях христианских групп, использующих музыку, пение и танцы, таких как укротители змея (Народа Святого Духа), возрожденцев или членов церкви пятидесятников.

Некоторые великие духовные традиции разработали звуковые техники, которые вызывали не только общее состояние транса, но и обладали более специфическим воздействием на сознание. Прежде всего, к ним относятся тибетское многоголосное пение, священные песнопения различных суфийских орденов, индуистские бхаджаны и киртаны, особенно древнее искусство *нада-йоги*, или пути к единению через звучание. Индийские техники устанавливают конкретную связь между звуками особых частот и чакрами индивида. И посредством правильного применения подобного знания становится возможным повлиять на состояние сознания предсказуемым и желаемым образом. И это только несколько примеров широкого применения музыки с обрядовыми, лечебными и духовными целями.

В программе психоделической терапии Мэрилендского психиатрического исследовательского центра в Балтиморе мы использовали музыку в качестве метода. Здесь мы многое узнали о ее необычайных возможностях для психотерапии. Тщательно подобранная музыка, по всей видимости, обладает особым значением в холотропных состояниях

сознания, где выполняет несколько функций. Она приводит в движение прежние чувства, делает их доступными для выражения, усиливает и углубляет ход излечения и предоставляет содержательную среду для переживания. Непрерывный музыкальный поток создает как бы бегущую волну, помогающую субъекту продвигаться сквозь трудные переживания и тупики, преодолевать психологические защиты и, отдавшись ей, позволить всему идти своим чередом. На сеансах холотроп-ного дыхания, которые обычно проводятся в группах, музыка также заглушает создаваемые участниками посторонние шумы.

Для того чтобы использовать музыку в качестве катализатора глубинного самоосвоения и работы переживания, необходимо научиться новому способу слушать музыку и относиться к ней, который нашей культуре совершенно чужд. На Западе мы часто пользуемся музыкой как звуковым фоном, который почти не несет эмоциональной нагрузки, подобно тому, как, к примеру, используют популярную музыку на приемах, или набивающий оскомину фирменный «музон» в торговых лавках и на рабочих площадках. Для более искушенных слушателей характерен совершенно иной подход — дисциплинированное и интеллектуализированное прослушивание музыки в концертных залах. Характерный для рок-концертов динамичный и стихийный способ подачи музыки гораздо ближе к использованию музыки в холотропной терапии, но, тем не менее, ему не достает важнейшей составляющей — длительного направленного сосредоточения внутрь самого себя.

При холотропной терапии существенно важно полностью отдаться музыкальному потоку, позволить музыке резонировать во всем теле и откликаться на нее стихийно и непроизвольно. Это допускает такие проявления, которые были бы немыслимы в концертном зале, где даже плачь или кашель могут стать источником возмущения. Здесь же каждому нужно дать полный выход всему тому, что бы ни вызывала музыка, будь то громкие крики или смех, детский лепет, звериные крики, шаманское пение или разговоры на чужих языках. Музыка может также вызывать странное гримасничанье, чувственные движения тазом, сильную дрожь или судороги всего тела.

Важно также прекратить всякое умственное вмешательство в восприятие музыки, например, попытки угадывать, кто автор этой музыки или из какой культуры она происходит, определения ее сходства с другим знакомым музыкальным отрывком, суждения о качестве оркестрового исполнения, догадки о том, на каких инструментах играют исполнители, или критической оценки технического качества записи. Нужно позволить музыке воздействовать как на сознание, так и на тело абсолютно стихийно. И при таком использовании музыка станет поистине мощным орудием вызова и поддержания необычных состояний сознания. Поэтому должно быть обеспечено высокое техническое качество и достаточная громкость, чтобы стимулировать переживание. А сочетание музыки с учащенным дыханием обладает удивительной трансформирующей силой.

Что же касается конкретного выбора музыки, то я обозначу только общие правила и дам несколько советов на основании нашего опыта. Спустя некоторое время каждый терапевт или терапевтическая группа вырабатывает свой список излюбленных музыкальных произведений для разных стадий сеанса. Главное правило: по чувствам они должны

соответствовать фазе, напряженности и содержанию переживаний участников, но не пытаться программировать их. Это соответствует общей философии холотропной терапии, в частности, ее глубокому доверию к мудрости внутреннего целителя, к коллективному бессознательному, а также к независимости и произвольности хода исцеления.

Вообще мы предпочитаем музыку высокого художественного уровня, не очень известную и не имеющую конкретного содержания. Следует избегать использования песен и других вокальных произведений на языках, известных участникам, ибо словесное содержание способно привносить какое-то конкретное сообщение или внушать какие-то особые темы. Если же применяются вокальные композиции, то они непременно должны звучать на иностранных языках, чтобы человеческий голос воспринимался просто как музыкальный инструмент. По той же причине неприемлемы произведения, которые вызвали бы конкретные рассудочные ассоциации и могли бы запрограммировать содержание сеанса.

Как правило, сеанс начинается с музыки динамичной, связной и призывной. По мере продолжения сеанса музыка постепенно нарастает по напряженности и доходит до очень сильных отрывков, вызывающих транс, в идеале взятых из обрядов или духовных традиций различных коренных культур, имеющих долгую историю духовной деятельности. Через полчаса или час после начала сеанса, когда обычно переживание достигает пика, мы ставим то, что называем «музыкой прорыва»: мощные оркестровые пьесы, часто многоголосные. Во второй половине сеанса, когда напряженность музыки постепенно ослабевает, мы вводим нежную и эмоционально волнующие куски — «душевную музыку». И наконец, на завершающей стадии музыка становится успокаивающей, плавной, неритмичной и задумчивой.

Использование телесной работы

Ответы тела на холотропное дыхание у разных людей значительно отличаются. В большинстве случаев учащенное дыхание вызывает прежде всего более или менее яркие психосоматические проявления. Как ранее уже отмечалось, физиология дыхания говорит о подобной реакции как о «синдроме гипервентиляции» и описывает его как стереотипную физиологическую реакцию, заключающую в себе главным образом напряжения в руках и в ногах («карпопедальные спазмы»). Но к настоящему времени мы провели сеансы холотропного дыхания более чем с тридцатью тысячами людей и обнаружили, что такое представление неправильно.

Существует множество индивидов, у которых учащенное дыхание, продолжающееся достаточно долго, приводит не к классическому «синдрому гипервентиляции», а наоборот, к постепенному расслаблению, сильным сексуальным ощущениям и даже мистическим переживаниям. У других же развиваются напряжения в различных частях тела, но совершенно отличным от «карпопедальных спазмов» образом. Более того, продолжающееся частое дыхание ведет не к дальнейшему усилению напряжений, ибо за критической верхней точкой следует глубокое расслабление. И подобная последовательность в некоторой степени напоминает оргазм при половом акте.

При повторных холотропных сеансах общее количество мускульных

напряжений и сила эмоций, видимо, вообще уменьшается. Это говорит о том, что учащенное дыхание, растянутое на продолжительный отрезок времени, вызывает химические изменения в организме таким образом, что становится возможным прорвать физические и эмоциональные блоки, связанные с различными травматическими воспоминаниями и сделать их доступными для внешней разрядки и обработки.

Физические проявления, которые наблюдаются в различных частях тела, являются не просто физиологическими реакциями на гипервентиляцию. Они обладают сложной психосоматической структурой, а в отношении вовлеченных в них индивидов обычно и конкретным психологическим смыслом. Иногда они представляют какую-то усиленную разновидность напряжений и болей, известных индивиду из повседневной жизни, когда они выходят на поверхность либо как хронические недуги, либо как симптомы, которые возникают в периоды эмоционального или физического напряжения: усталости, недосыпания, болезненного истощения или употребления алкоголя или марихуаны. В других случаях они могут распознаваться как возобновление недугов, от которых индивид страдал в младенчестве, детстве и подростковом возрасте либо во время сильного эмоционального потрясения в последующей жизни.

Эти старые напряжения могут высвободиться двумя различными путями. Первый из них включает катарсис и абреакцию — разрядку сдерживаемых физических энергий, через дрожь, судорожные сокращения мышц, выразительные движения телом, кашель, отрыжку и рвоту, плачь, крики или другие виды голосового выражения. Это механизм хорошо известный традиционной психиатрии с поры опубликования Зигмундом Фрейдом и Йозефом Брэйером их исследования по истерии. Он использовался и в традиционной психиатрии, в частности, при лечении травматических эмоциональных неврозов, а также представляет собою неотъемлемую часть новых психотерапий переживания, таких как неорайхянская работа, гештальтистская практика и первичная терапия.

Второй механизм представляет собой новое открытие в психиатрии и во многом является более действенным и интересным. Здесь глубинные напряжения выходят на поверхность в виде перемежающихся мышечных сокращений различной длительности. Посредством поддержания этих мышечных напряжений длительный период времени организм расходует огромное количество прежде сдерживаемой энергии и, используя ее, упрощает свое проживание. И за временным усилением старых напряжений или проявлением ранее скрытых, как правило, следует глубокое расслабление.

Эти два механизма прорыва застарелых блоков имеют свои параллели в физиологии спорта, где мускулы тренируют двумя различными способами: изотоническим и изометрическим. Как видно из их названий, во время изотонических упражнений напряжение мускулатуры остается постоянным, тогда как их продолжительность колеблется. Во время изометрических упражнений напряжение мускулов изменяется, но их продолжительность все время остается одной и той же. Пример изотонических занятий — бокс, тогда как тяжелая атлетика явно изометрична. Несмотря на поверхностные различия, у этих механизмов много общего, и при холотропном дыхании они очень действенно дополняют друг друга.

В ходе холотропных сеансов эти два механизма, как правило, разрешают любые тяжелые эмоции и физические ощущения, проникающие

из бессознательного. Если же этого не происходит, разрешить остающиеся напряжения и добиться более благоприятного завершения сеанса участникам может помочь особый вид телесной работы. Общая стратегия этой работы заключается в том, чтобы попросить субъекта сосредоточить свое внимание на месте, в котором возникли затруднения, и сделать что-либо, чтобы усилить существующие физические ощущения. И тогда помощник способствует усилению этих ощущений через соответствующее внешнее воздействие (такое, например, как помещение груза на зажатую грудную клетку). В то время, пока энергия сосредоточена на зоне, в которой ощущается недомогание, дышащего воодушевляют найти какой-нибудь произвольный отклик на подобное состояние. И этот отклик, полностью определяемый только бессознательным движением, зачастую принимает образ совершенно неожиданный и поразительный. Важно, чтобы помощник просто поддерживал происходящее, а не применял какие-либо приемы, предлагающиеся той или иной терапевтической школой. Эта работа продолжается до тех пор, пока и помощник, и дышащий не сойдутся на том, что сеанс завершился как надо.

В холотропном дыхании мы также используем поддерживающее физическое соприкосновение. Оно основано на наблюдении о существовании двух разных видов травм, которые требуют диаметрально противоположных подходов. О первой можно говорить как о «травме деянием». Она включает в себя события, оказывающего вредоносное влияние на все последующее развитие индивида, такие как физическое или сексуальное насилие, угрожающие жизни происшествия, уничтожающая критика или высмеивание. Такие травмы представляют собою чужеродные элементы в бессознательном, которые впоследствии могут быть вынесены в сознание и разрешены.

Второй вид травмы — «травма надежанием», отражает недостаток благоприятных переживаний, которые необходимы для здорового эмоционального развития. История лишения чувственных взаимоотношений, заброшенности и невнимания типична для этой категории. И у этого вида травмы есть только один путь исцеления — предоставить какое-то исправляющее переживание в холотропном состоянии, в то время как индивид возвращается далеко назад, на младенческую стадию развития. Это может приобретать любой вид: от простого держания за руку или прикосновения ко лбу до полного телесного соединения.

Ход холотропного сеанса

Природа и протекание холотропных сеансов значительно отличаются у разных людей и от сеанса к сеансу. Некоторые индивиды остаются совершенно спокойными и почти полностью неподвижными. У них могут происходить очень глубокие переживания, и все же у внешнего наблюдателя может складываться впечатление, что ничего подобного не происходит, что эти люди вообще спят. Другие же пациенты движутся и проявляют выразительную двигательную активность. Эти люди испытывают сильную дрожь и совершают сложные извивающиеся движения, крутятся и вертятся, принимают положения плода, ведут себя как младенцы, борющиеся в родовом канале, или же выглядят и поступают, как новорожденные. Обычны также ползающие, плавательные, копательные

или карабкающиеся движения.

Часто движения и жесты могут оказаться необычайно утонченными, сложными, конкретными и узнаваемыми. Они могут уподобляться повадкам змей, птиц или хищных животных, например кошек, и дополняться соответствующими звуками. Иногда дышащие непроизвольно выполняют различные йогические позы и жесты (*асаны и мудры*), с которыми они не были знакомы интеллектуально. Временами машинальные движения и звуки напоминают обрядовые или театральные представления из разных культур: шаманские камлания, яванские танцы, балийское обезьянье пение, японский театр *кабуки*, либо разговоры на разных языках, напоминающие явление пятидесятницы.

Качества эмоций, наблюдающихся на холотропных семинарах, покрывают очень широкий спектр. Они могут отражать ужас, тревогу, печаль, безнадежность, чувства провала, униженности, стыда, вины, отвращения. На другой стороне спектра можно столкнуться с чувствами необычайного благополучия, глубокого покоя, безмятежности, отрешенности, блаженства, космического единения или исступленного восторга. Сила подобных чувств может превосходить все, что можно пережить или даже представить себе в повседневном состоянии сознания.

Чаще всего вышеописанные благоприятные переживания приходят к концу сеанса, после того как бурные части переживания утихнут. Удивительно, как много людей в нашей культуре либо из-за влияния твердолобой протестантской этики, либо по некоторым иным причинам испытывают огромные трудности в принятии экстатических переживаний, если они следуют за страданиями или тяжким трудом, но даже и в этом случае, они откликаются на них чувством вины и могут быть глубоко убеждены, что не заслужили подобного наслаждения. И все же переживания подобного рода обладают необычайной целительной силой. Людей следует вдохновить на то, чтобы они позволили им развиваться.

Обычное следствие сеанса холотропного дыхания — глубокое эмоциональное освобождение и физическое расслабление. Многие люди говорят, что чувствуют себя более раскрепощенными, чем когда-либо прежде. Таким образом, мы можем заключить, что продолжительное ускоренное дыхание представляет собой чрезвычайно мощный и действенный метод уменьшения напряжения, ведущий к эмоциональному и психосоматическому исцелению. Такое же понимание можно найти в духовной литературе, в частности, в кундалини-йоге. В ней учащенное дыхание произвольно вызывается как часть практики (*бхастрика*) или происходит непроизвольно. Последующие эмоциональные и физические проявления известны как *крийя*. Подобные явления наводят на мысль, что сходные непроизвольные случаи у психически больных являются попытками самоисцеления и что они должны скорее поддерживаться, нежели подавляться, как это повсеместно заведено в лечебной практике.

Духовное обострение: понимание и врачевание кризисов преображения

Как я уже говорил, многие из болезненных проявлений, которым по обыкновению ставился диагноз психотических и которые сегодня без разбору лечат посредством супрессивной медикаментозной терапии, в действительности оказываются критическими периодами на пути духовного раскрытия и духовно-психического преображения. Случаи подобного рода

можно найти в описаниях жизни шаманов, йогов, мистиков и святых. Мировые мистические традиции и мистическая литература описывает эти кризисы как важные вехи на духовном пути, подтверждая их исцеляющие и преображающие возможности. Но конформистское большинство психиатров из-за своих ограниченных мировоззренческих рамок неспособно разглядеть различие между духовно-душевыми кризисами или любым мистическим состоянием и серьезным душевным заболеванием. Их сильный биологический уклон и ограниченная послеродовая модель психики не могут по-настоящему объяснить происходящее.

Название «духовные обострения» (духовные кризисы) намекает на их благотворные возможности подобных состояний. Ведь подобная игра слов содержит намек на некое острое состояние, но в то же время указывает и на возможность выйти на более высокий уровень психосоматического благополучия, душевной жизни и сознания. И в этой связи любопытно отметить, что китайский иероглиф, обозначающий кризис, состоит из двух образов, первый из которых обозначает опасность, а другой — благоприятную возможность.

В последние десятилетия мы замечаем, насколько быстро возрастает интерес к вещам духовным, включая и экспериментирование с мощными древними и первобытными приемами, которые могут содействовать духовному раскрытию. Согласно общественным опросам, число американцев, у которых когда-либо бывали духовные переживания, во второй половине XX века значительно возросло. И неудивительно, что подобная направленность выражается и параллельным возрастанием числа случаев духовных обострений.

Представляется, что все больше и больше людей осознают, что подлинная духовность, основанная на глубоком личном переживании, является необычайно важным измерением жизни. И нарастание мирового кризиса, вызванного материальной направленностью западной технологической цивилизации — это одно из указаний на то, что сегодня мы слишком дорогою ценой расплачиваемся за то, что не признавали и отвергали силу, которая питает, укрепляет, придает смысл и значимость всему человеческому существованию.

Утрата духовности на индивидуальном уровне способствует выхолощенному, отчужденному, бесплодному способу жизни и, соответственно, возрастанию числа эмоциональных и психосоматических заболеваний. На уровне общественном наш духовный упадок угрожает существованию самой жизни на нашей планете. И потому необычайно важно предложить поддержку людям, испытывающим кризис духовного раскрытия, и создавать благоприятные обстоятельства, в которых они могли бы в полной мере осуществляться эти состояния.

Если мы подчеркиваем необходимость признать существование духовных обострений, то мы вовсе не имеем в виду огульное отвержение конформистской психиатрии. Ибо далеко не все состояния, которым в настоящее время ставится диагноз психотических, являются кризисами духовно-душевного преображения, и равным образом не все они обладают целительными возможностями. Случаи необычных состояний сознания покрывают очень широкий диапазон, от переживаний безусловно духовных до состояний, вызванных причинами явно биологическими, требующих медицинского вмешательства. Конформистски настроенные психиатры на самом деле склонны патологизировать мистические состояния, но есть и

другая крайность — одухотворять и превозносить психотические состояния, или, что еще хуже, не обращать внимания на серьезные медицинские заболевания.

Причины, вызывающие духовные обострения

Во многих случаях представляется возможным определить и описать состояние, которое вызывает наступление духовно-душевного кризиса. Это прежде всего, причины физического характера, такие как болезнь, несчастный случай или хирургическая операция. В иных же случаях непосредственным запускаящим механизмом может послужить крайнее физическое напряжение или продолжительная бессонница. У женщин это может быть деторождение, выкидыш или аборт. Мы также не раз бывали свидетелями того, что наступление подобного состояния начиналось с необычайно сильного сексуального переживания.

Зачастую духовно-душевные кризисы начинались вскоре после травмирующей эмоциональной утраты, например, смерти ребенка или близкого родственника, окончания любовного романа либо развода. Подобным же образом цепь жизненных неудач, потеря работы или собственности может непосредственно предварять эволюционное обострение. У некоторых особенно предрасположенных к этому индивидов «последней каплей» может оказаться переживание, вызванное психоделическими веществами или сеансом переживательной терапии.

Однако одним из самых важных катализаторов духовного обострения, по-видимому, выступает глубокое погружение в различные виды медитации и духовного делания. Ведь такие методы и были предназначены для того, чтобы вызывать духовные переживания. Мы неоднократно сталкивались с людьми, у которых необычные переживания происходили во время занятий практикой буддийской медитации дзен или випашья-ны, кундалини-йогой, суфийскими упражнениями, монашеским созерцанием или христианской молитвой. По мере того как различные восточные и западные духовные школы приобретают популярность, кажется, что все больше и больше людей сталкиваются с надличностными обострениями.

Широкий ряд и огромное многообразие причин, вызывающих духовные обострения, поднимает вопрос о некоем их общем знаменателе или общем пути. Им оказывается ослабление психических защитных механизмов или полная эмоциональная вовлеченность в достижение внешних целей. Оба эти положения приводят к вторжению в сознание прежде бессознательного содержания.

Определение духовных обострений

Многие специалисты, занимающиеся психическим здоровьем и встречающиеся с понятием «духовное обострение», хотят знать, каковы точные критерии, по которым можно было бы проводить различие между духовным обострением и психозом. К несчастью, соматическая медицина не предоставляет диагностических инструментов, необходимых для такого различения. В отличие от заболеваний, с которыми имеет дело соматическая медицина, психотические состояния не определяются медицински, если не имеют ярко выраженной органической природы.

«Функциональные психозы» — душевные расстройства, в которых не выявляется биологическая причина, конечно же, не являются

заболеваниями в том же смысле, как диабет, брюшной тиф или злокачественное малокровие. И вопрос в том, следует ли их определять как болезни вообще. Ведь диагноз этим состояниям целиком и полностью ставится только на основании необычных переживаний или поведения. И понятие «эндогенный», употребляющееся для обозначения тяжелых функциональных расстройств, включая шизофреническую реакцию и маниакально-депрессивные состояния, как раз и отражает неудачу психиатрии в определении конкретной этиологии. Приписывание этих состояний некоему еще не открытому патологическому процессу равносильно признанию подобного невежества. Но не похоже, чтобы какие-либо поражения головного мозга сами по себе могли бы породить ту необычайно богатую палитру переживаний, которая наблюдается в состояниях с диагнозом психотических.

Как же тогда можно проводить диагностическое различие между духовными обострениями и проявлениями душевного заболевания? Один из наиболее плодотворных подходов — определить, кто из индивидов, переживающих подобные состояния, подходит для того, чтобы получить выгоду от терапевтической стратегии, которая признавала и поддерживала бы происходящее событие, и уже тогда определять критерии для выявления таких индивидов.

Во-первых, мы должны обратить внимание на феноменологию исследуемого необычного состояния. Ведь духовные обострения вовлекают в себя сочетание биографических, окolorодовых и надличностных переживаний. И такого рода переживания могут вызываться среди любой наугад собранной группы «нормальных» людей не только психоделическими веществами, но также и такими простыми средствами как учащенное дыхание, побуждающая музыка, телесная работа, либо другими разнообразными нелекарственными средствами. Их проявления включают в себя духовно-психическую смерть и возрождение, видения архе-типических существ и стран, память о прошлых жизнях и единение с другими людьми, природой, Вселенной и Богом.

Те же из нас, кто работает с холотропным дыханием, видят такие переживания ежедневно во время своей работы, или на семинарах и пользуются благоприятной возможностью оценить их целительную и преобразующую мощь. Ввиду подобных обстоятельств оказывается необычайно трудно приписывать схожие переживания и в тех случаях, когда они непредумышленно происходят в повседневной жизни, какой-то экзотической, но пока неизвестной патологии. И поэтому необходимо подходить к этим состояниям таким же образом, как и к похожим переживаниям во время холотроп-ных сеансов, то есть воодушевлять людей отдаться ходу событий и поддерживать возникновение и полное выражение происходящих переживаний.

Другой важный показатель: извлечет ли данный человек какую-либо пользу для себя из глубинной внутренней работы и изменится ли его установка по отношению к холотропно-му состоянию. Ведь когда индивид осознает, что происходящее является каким-то внутренним событием, то, открываясь работе с переживанием, он становится подходящей кандидатурой для подобного рода терапии. Но индивидам, у которых подобная простейшая прозорливость отсутствует и которые используют по большей части механизм проекции или страдают манией преследования, трансперсональные стратегии не подходят. Ибо способность человека

создавать доверительные взаимоотношения с терапевтом является совершенно необходимой предпосылкой для того, чтобы психотерапевтическая работа принесла благие плоды.

Разновидности духовных обострений

Другой трудностью в работе с духовно-психическими кризисами является вопрос об их классификации. Насколько вообще возможно различать и устанавливать применительно к ним определенные типы или категории, как это мы делаем с диагностическими категориями в медицине? По моим наблюдениям, это просто невозможно. Симптомы духовно-психических кризисов представляют собой проявление и выражение в телесном виде глубинных движущих сил человеческой психики, которая является многомерным и многоуровневым континуумом, вообще не имеющим внутренних подразделений или границ. Духовно-психические кризисы извлекают свое содержание не только из фрейдовского индивидуального бессознательного, но и из юнговского коллективного бессознательного. И потому мы никоим образом не можем уповать на то, что когда-нибудь наконец выявим ясно очерченные и четко разграниченные типы духовных обострений.

И все-таки наша работа с индивидами, находящимися в состоянии духовно-психического кризиса, обмен мнениями с коллегами, проводящими аналогичную работу, и изучение литературы убедили нас, что, в общем-то, возможно и даже полезно выделить несколько основных видов духовно-психических кризисов, которые обладают достаточно характерными признаками, отличающими их от других. Вполне естественно, что у них нет четко определенных границ и на практике мы будем рассматривать их как в значительной степени перекрывающие друг друга. Наиболее важными разновидностями духовных кризисов, наблюдавшихся нами, являются:

1. Шаманская болезнь.
2. Пробуждение кундалины.
3. Случаи переживания единства сознания («вершинные переживания»).
4. Психологическое обновление посредством возвращения к средоточию.
5. Кризис психического раскрытия.
6. Переживания прошлых жизней.
7. Общение с духами-водителями и «установление канала связи».
8. Околосмертные переживания (ОСП).
9. Близкие встречи с неопознанными летающими объектами (НЛО) и переживания похищений инопланетянами.
10. Состояния одержимости.

Шаманская болезнь

Деятельность многих шаманов— мужчин и женщин, которые в различных культурах выступают как знахари или врачеватели, начинается с непроизвольно возникающих волнующих духовидческих состояний, которые антропологи окрестили «шаманской болезнью». В это время будущие шаманы утрачивают соприкосновение с повседневным окружением и испытывают мощнейшие внутренние путешествия в нижний мир, где демоны набрасываются на них и подвергают ужасающим мучениям

и испытаниям, что зачастую достигает своей наивысшей точки в переживаниях смерти и расчленения, за которыми следует возрождение и восхождение в небесные сферы.

Если подобные случаи завершаются успешно, они оказываются в своей глубине благотворными и для эмоционального, и для физического здоровья будущих шаманов. Именно по этой причине о шаманах говорят подчас как о «раненых целителях». Невольное посвящение также приводит их к пониманию действий многих важнейших сил природы и

проникновению в движущие силы болезней. Если подобный кризис успешно завешен и воспринят, то индивид становится шаманом и возвращается в сообщество, чтобы принять на себя почетную роль жреца и целителя.

Мы были свидетелями, когда современные американцы, европейцы, австралийцы и жители Азии переживали состояния, которые сильно напоминали шаманскую болезнь. Кроме физических и эмоциональных мучений, смерти и возрождения, подобные состояния включают еще и переживания близкого родства с животными, растениями и стихийными силами природы. Люди, переживающие такие кризисы, иногда непроизвольно создавали обряды, напоминающее те, что в других культурах проводятся шаманами.

Пробуждение кундалини

Согласно представлениям древних индийских йогов, кундалини, или змеиная сила (буквально означающая «святая»), — это та порождающая космическая энергия, которая творит космический порядок. В спящем виде она пребывает в основании позвоночника человека, в его тонком или энергетическом теле — некоем поле, пронизывающем и окружающем тело физическое. Она может быть пробуждена медитацией, особыми упражнениями, воздействием совершенного духовного учителя или иными неведомыми причинами.

Пробужденная кундалини, или *шакти*, поднимается по *нади* — токам или нитям тонкого тела. И по мере того, как она поднимается, она вычищает все травматические отпечатки и раскрывает средоточия психической энергии, называемые чакрами. Такое движение, высоко ценимое в йогической традиции, не лишено опасности и требует опытного водительства гуру, чья кундалини полностью пробуждена и уже обрела устойчивость. Самыми волнующими знаками пробуждения кундалини являются физические и психологические проявления, называемые крийя.

Крийя включают в себя сильные ощущения энергии и тепла, струящихся вверх по позвоночнику, которые могут быть связаны с напряженной дрожью, судорогами и скручивающими движениями. Мощнейшие волны на посторонний взгляд ничем не побуждаемых чувств, таких как тревога, страх, печаль, радость и иступленный восторг могут всплывать на поверхность и временами заполнять психику. Очень распространены видения сияющего света или разнообразных архетипических существ, как и множества внутренне воспринимаемых звуков и того, что кажется воспоминаниями из прошлых жизней. Дополняют картину виды непроизвольного и зачастую неуправляемого поведения: говорение на неизвестных языках, пение неведомых песен или священных

призыва-ний, принятие йогических поз и жестов или произнесение и исполнение множества животных звуков и движений.

За последние десятилетия несомненные признаки пробуждения кундалини наблюдались у тысяч представителей Запада. И заслуга в привлечении внимания к этому феномену принадлежит калифорнийскому психиатру и офтальмологу Ли Сеннелле, изучившему около тысячи таких случаев и подытожившему свои открытия в книге «Переживание кундалини: психоз или превосходение?»

Случаи переживания единства сознания («вершинные переживания»)

Здесь мы переживаем разрушение границ личности, сочетающееся с чувством, что ты превращаешься в других людей, становишься природой, всею Вселенной и Богом. Кажется, что обычные категории пространства и времени превзойдены, и человеку дано некоторое неустойчивое представление о вечности и бесконечности. И чувства, связанные с этим состоянием, описываются как глубокий покой и отрешенность или как неудержимая радость и исступленный восторг.

Американский психолог Абрахам Маслоу, изучавший подобные переживания у многих сотен людей, относился к ним как к вершинным переживаниям. Он высказывал резкие критические замечания по отношению к западной психиатрии за ее склонность смешивать подобные состояния с душевными заболеваниями. Согласно представлениям Маслоу, их следует рассматривать скорее в качестве сверхнормальных явлений, а не как отклонение от нормы. Ведь эти состояния, утверждал Маслоу, если им не препятствовать и позволить проходить своим чередом, зачастую ведут к улучшению качества жизни в мире, к «исполнению себя», то есть к способности «сбыться», более полно выразить свои творческие возможности.

Обычно описания вершинных переживаний полны парадоксов. Сами переживания описываются «бессодержательными, но все же всесодержащими», ибо не имеют в себе конкретного содержания, но в виде возможности содержат все. У нас возникает ощущение, что одновременно мы все и ничто. И по тому, что исчезла наша личная самобытность и наше ограниченное Я, мы чувствуем, что распространились настолько, что бытие наше превзошло Вселенную. И поэтому же мы можем внезапно воспринять все формы пустыми, а саму пустоту — как обремененную формами. И достигаем состояния, в котором способны явственно видеть, что мир одновременно и существует, и не существует.

Вершинное переживание, по-видимому, может передать то, что является изначальной мудростью и изначальным знанием тех оснований космоса, которое Упанишады определяют как «познание Того, знание чего дает знание всего». Постигнутое же нами в миг подобного переживания — невыразимо, ибо словами неопишимо, потому что, по всей видимости, сама природа и структура нашего языка не пригодна для этой цели. И все-таки это переживание производит глубочайшее воздействие на весь строй наших ценностей и стратегию нашего существования.

В общем-то, благодаря благодатной природе и благоприятным возможностям вершинных переживаний это такая категория духовных обострений, по поводу которых возникает наименьшее количество затруднений. Ибо подобные переживания по своей природе является

преходящими и замкнутыми на себя. И нет никакой причины, по которой у них должны были бы быть неблагоприятные последствия. И все-таки и из-за нашего невежества, и из-за ложных представлений психиатров в вопросах духовности множество людей, переживших подобные состояния, в конце концов, оказывалось в лечебницах, усмиренные транквилизаторами и заклеенные патологическими ярлыками.

Психологическое обновление посредством возвращения к средоточию

Калифорнийский психиатр и психоаналитик юнгианского направления Джон Уэйр Перри назвал этот вид духовно-психического кризиса «возобновляющей проработкой». Этому кризису по причине его глубины и напряженности, скорее всего, поставят диагноз серьезного психического заболевания. Ибо переживания людей, вовлеченных в такую проработку, настолько странны и порой сумасбродны, что необходимость приписать их какому-то серьезному патологическому процессу, нарушившему работу их мозга, кажется очевидной. И, тем не менее, именно этот вид духовного обострения предоставляет самые внушительные доводы против кажущейся очевидности наличия какого-то патологического процесса.

Индивиды, вовлеченные в кризис подобного рода, воспринимают собственную душу как поле исполинской битвы, где происходит сражение сил Добра и Зла, Света и Тьмы. Их поглощает тема смерти — ритуальных убийств, жертвоприношений, мученичества и загробной жизни. Их завораживает наличие противоположностей, в особенности связанных с различием между полами. Они переживают себя средоточием невероятных событий, имеющих вселенское значение и необычайно важных для будущего этого мира. Духовидческие состояния влекут их все дальше и дальше вспять, через их собственную историю и всю историю человечества, по пути к сотворению мира, к идеальному первоначальному райскому состоянию. И кажется, что в этом стремлении они ищут исключительно совершенства, ибо пытаются выправить вещи, произошедшие в прошлом не должным образом.

После периода смятения и замешательств переживания становятся все более и более приятными и начинают постепенно продвигаться к собственному разрешению. И подчас своей высшей точки эта проработка достигает в переживании *hieros gamos* или «священной свадьбы», которая может происходить как единение с воображаемым архетипическим супругом или с идеализированной личностью из собственной жизни. Такая «свадьба» обычно отражает то обстоятельство, что мужская и женская стороны личности приходят в некое новое равновесие.

Одновременно могут происходить и переживания того, что в юнгианской психологии истолковывается в качестве символов, представляющих Самость, то есть то надличностное средоточие, которое отражает наше глубочайшее и настоящее естество, и соотносимое с тем, как индуисты понимают Атмана-Брахмана, Божественное Внутри. В духовидческих откровениях эта Самость появляется как источник сияния неземной красоты, в виде драгоценных камней, жемчугов, сияющих самоцветов или каких-то иных сходных символических представлений.

Но на некоторой стадии подобные восхитительные переживания истолковываются как личное богоподобие, восхождение к чрезвычайно возвышенному состоянию, какое только возможно для человека, или же к состоянию, превышающему всякий мыслимый удел человеческий: великого

вождя, спасителя мира и даже Вселенского Владыки. Зачастую глубокое ощущение духовного возрождения приходит на смену прежней поглощенности смертью. И в мгновения подобного исполнения и воссоединения у нас обычно возникают видения идеального будущего: нового мира, где царят любовь и праведность, где преодолены болезни и всякое зло. Но по мере того как утихает напряжение этой проработки, личность начинает осознавать, что все это поразительное событие являлось психологическим преобразованием, которое ограничивалось внутренним миром и вовсе не предполагало никакого вовлечения внешней действительности.

Согласно Джону Перри, возобновляющая проработка подталкивает индивида к тому, что юнгианская психология называет «индивидуацией» — к более полному осуществлению и выражению собственных глубинных возможностей. Перри удалось показать, что переживания, которые вовлечены в возобновляющую проработку, в точности совпадают с основными темами тех праздничных царских постановок, которые во многих древних культурах разыгрывались в дни празднования Нового года в эпоху, которую он называл «ветхим веком воплощенного мифа». Это исторический период в каждой из культур, когда правители рассматривались как воплощения Бога, и примерами таких царей-богов были египетские фараоны, правители Инки, цари Израиля или японские императоры.

Благоприятный исход самой этой возобновляющей проработки и ее глубокая связь с архетипической символикой, происходящей из конкретных периодов человеческой истории, опровергают представление о том, что подобные случаи представляют собой лишь хаотичные продукты воспаленного мозга.

Кризис психического раскрытия

Во время разного рода духовных обострений достаточно часто необычайно возрастают способности к интуитивному постижению и частота проявления психических или паранормальных феноменов. Однако в некоторых случаях наплыв переживаний предвидения, телепатии или ясновидения, оказывается столь ошеломителен, настолько сбивает с толку, заполняя всю картину мира, что сам по себе является главной невзгодой.

Одними из наиболее волнующих проявлений психического раскрытия являются переживания выхода из тела. Когда подобное происходит, то кажется, что посреди обыденной жизни чье-то сознание вдруг отделяется от тела, и тогда оно может стать свидетелем того, что происходит вокруг его собственного тела или в самых далеких краях. Причем в предсмертных состояниях переживания выхода из тела происходят необычайно часто и достоверность подобного «дальновидения» многократно подтверждалась в ходе целенаправленных исследований.

Личность, переживающая напряженное психическое раскрытие, также способна настолько тесно соприкасаться с внутренними движениями других людей, что кажется обладающей способностями к телепатии. И когда этот человек начинает описывать, что содержится в умах других людей, то люди настолько чужаются этого, что скорее сочтут необходимым отправить «телепата» в лечебницу. Точно таким же образом и правильное предвидение грядущих событий, и ясновидение, в особенности такое, которое раз за разом случается при стечении каких-то сложных

обстоятельств, причиняет серьезнейшее беспокойство как самим людям, так и их окружению, поскольку сильно подрывает сложившееся у нас представления о действительности.

При переживаниях, которые можно было бы назвать «медиумическими», появляется ощущение утраты собственной личности и происходит отождествление себя с другим человеком, что может включать присвоение телесного образа другой личности, ее поз, жестов, выражений лица, ее чувств и даже движения мыслей. Настоящие шаманы, экстрасенсы и духовные целители могут управлять подобными переживаниями и плодотворно их использовать. Но во время кризисов психического раскрытия такое внезапное непредсказуемое событие и сопровождающая его утрата своей обычной отождествленной™ с самим собой может показаться чрезвычайно пугающей.

Временами жизнь того, кто находится в состоянии духовного кризиса, оказывается переполненной сверхъестественными совпадениями, которые связывают мир внутренней действительности (такой как сновидения или духовид-ческие состояния) с происшествиями в обыденной жизни. Подобное явление впервые было осознано и описано К.Г. Юнгом, обозначившим его термином «синхронность». Причем важно понять, что подобные значимые совпадения представляют собой явления подлинные и достоверные. И их невозможно не принимать во внимание и огульно диагностировать как «манию соотнесения», как это зачастую происходит в современной психиатрии. Необычайные синхронные совпадения сопровождают многие виды духовных обострений, особенно же они распространены при состояниях психического раскрытия.

Переживания прошлых жизней

Одними из самых впечатляющих и красочных надлич-ностных переживаний, происходящих в холотропных состояниях, являются те, что проявляются как воспоминания о других исторических периодах и странах. Они связаны обычно с необычайно сильными чувствами и физическими ощущениями и зачастую изображают людей, обстановку и обстоятельства того времени с множеством кажущихся невероятных подробностей. Их самой замечательной стороной является убедительнейшее ощущение, что вы вспоминаете и повторно проживаете нечто до того уже виденное и уже пережитое (*дежа ею* и *дежа векю*). Очевидно, что в Индии и других странах именно этот тип переживания пробудил веру в перевоплощение и закон кармы.

Мы не знаем, достоверно ли определяет представление о «прошлых жизнях» источник этих переживаний, однако их целительные возможности призывают нас отнестись к ним серьезно. Ведь когда в сознании полностью появляется содержание какого-либо кармического переживания, оно неожиданно может объяснять многие, не постижимые иными способами стороны нашей повседневной жизни. Странные затруднения во взаимоотношениях с некоторыми людьми, безосновательные страхи, причудливые особенности характера или увлечений и иные случаи не понятной эмоциональной и психосоматической симптоматики сегодня, по всей видимости, имеет смысл объяснять как кармические остатки, перенесенные из предыдущей жизни. Ведь, как правило, подобные трудности исчезают, как только данный кармический отпечаток полностью и осознанно изживается в переживании.

Переживания событий прошлых жизней могут осложнить жизнь в настоящем несколькими способами. Прежде чем их содержание откроется само и полностью проникнет в сознание, в повседневной жизни человека могут обуревать странные чувства, физические ощущения или видения, но откуда они происходят и что означают, он понять не в состоянии. И потому вполне естественно, что подобные переживания, возникающие вне связи с какими-либо событиями, кажутся непонятными и неразумными. А осложнения иного рода происходят тогда, когда какое-нибудь особенно сильное кармическое переживание начинает проникать в сознание во время наших ежедневных занятий и мешать нормальному исполнению наших обязанностей.

Человек также может ощущать, что вынужден претворять в жизнь какие-то части кармического отпечатка, пока тот не будет полностью пережит, понят и завершен. К примеру, по мере того как память о предыдущем воплощении проникает в сознание, внезапно может оказаться, что определенные люди из нашей теперешней жизни играют в нем важную роль. И когда такое происходит, человек ищет явного соприкосновения с «душою-напарницей» или же стремится к столкновению с противником из прошлой жизни. И подобного рода действия могут привести к серьезным неприятным осложнениям, так как обычно у оправдывающих их кармических отпечатков нет никаких оснований в собственном опыте этих людей, чтобы они смогли понять такое свое поведение.

После того, как память прошлой жизни полностью проявилась в сознании, а ее содержание и неявный смысл во всей полноте раскрылись переживающему, его ожидает еще одно испытание. Он должен примирить подобное переживание с традиционными верованиями и ценностями западной цивилизации. Ведь отрицание возможности перевоплощения представляет собою редкий случай полного единодушия христианской церкви и материалистической науки. Включение в свою жизнь переживаний прошлых жизней может оказаться гораздо более легким для того, кто не испытывает сильной приверженности ни к христианству, ни к материалистическому мировоззрению. Ибо эти переживания обычно настолько убедительны, что человек просто принимает их откровение и даже может почувствовать себя взволнованным и вдохновленным этим открытием. Однако в случае, если убедительные личные переживания, как кажется, опровергают систему принятых верований, фанатичные христиане либо те, у кого имеется сильное упование на рациональность и традиционно научную точку зрения, могут быть ввергнуты в состояние продолжительного замешательства.

Общение с духами-водителями и «установление канала связи»

В холотропном переживании иногда можно встретиться с неким существом, которое выражает заинтересованность в установлении с вами личных взаимоотношений и берет на себя обязанность быть вашим учителем, проводником, защитником или просто подручным источником различных сведений. Обычно такие существа воспринимаются как некие бесплотные человеческие или сверхчеловеческие сущности, высокоразвитые посланники внеземных цивилизаций, либо божества, существующие на более высоких планах сознания и наделенные необычайной мудростью. Иногда они принимают вид человеческий, иногда

появляются как сияющие источники света либо просто позволяют ощущать их присутствие. Их сообщения обычно принимаются в виде прямой передачи мысли или иными сверхчувственными путями. В некоторых случаях сообщение принимает вид словесных указаний.

В этой категории особенно интересен феномен установления канала связи, который в последние годы привлек большое внимание со стороны общественности и средств массовой информации. При установлении связи некое лицо передает другим послания, получаемые из некоего источника, который, как представляется, находится вне его сознания. Происходит это либо путем прорицаний в состоянии транса, через автоматическое письмо или посредством записи телепатически получаемых мыслей. Подобная передача посредством установленной связи сыграла важную роль в истории человечества. Ведь среди переданных по такому каналу духовных учений много таких, что оказали огромное влияние на культуру. Это древнеиндийские Веды, Коран и Книга Мормона.

При определенных обстоятельствах подобная передача может предоставлять точные данные о предметах, с которым получающий информацию никогда не сталкивался, что в этом случае может показаться убедительным доказательством участия сверхъестественных сил и способно ввергнуть в серьезное замешательство и даже привести к серьезному психологическому и духовному кризису того, кто исходит из общепринятого научного мировоззрения. И вовлеченный индивид может истолковать это переживание как указание на начинающееся помешательство.

Духи-водигели обычно воспринимаются как высокоразвитые духовные существа на высоком уровне сознания, наделенные высшим разумом и необычайной нравственной чистотой. Это может привести к осложнениям, если контактирующий с ними человек почувствует себя избранным для особой миссии и увидит в этом доказательство собственного превосходства. В понятиях юнгианской психологии это состояние, когда индивид требует для себя жертвы архетипического мира, называется «раздуванием Я».

Околосмертные переживания (ОСП)

В мифологии, фольклоре и духовной литературе всего мира в большом количестве встречаются рассказы, ярко описывающие переживания смерти и умирания. Некоторые священные тексты были посвящены исключительно описаниям посмертных странствований души. Это тибетская книга мертвых «Освобождение через слушание на переходе» (Бардо тходрол), египетская книга мертвых и их европейский двойник «Ars moriendi» (Искусство умирания).

Эта «посмертная мифология» расценивалась западной наукой как плод воображения, свойственного примитивным необразованным народам. Но подобное положение быстро изменилось после выхода в свет в 1975 году сразу ставшей бестселлером книги Раймунда Моуди «Жизнь после жизни». Моуди основывает свои открытия на рассказах ста пятидесяти человек, переживших тесное соприкосновение со смертью или даже на самом деле находившихся в состоянии клинической смерти и объявленных умершими, но возвратившихся к сознанию и доживших до того дня, когда они смогли поведать о собственных переживаниях. Его книга показывает, что встреча со смертью может оказаться невероятным приключением, происходящим в сознании.

Моуди рассказывает, что люди, имевшие околосмертные переживания,

часто были свидетелями того, как вся их жизнь в какие-то доли секунды проносилась перед ними в виде красочного, невероятно сжатого повторения. Сознание часто отделялось от тела и свободно парило над окружающей обстановкой, с любопытством и отрешенным удовольствием наблюдая за происходящим, либо отправлялось в места, достаточно удаленные. Многие люди описывали проход через темный туннель или воронку к божественному свету, прекрасному и сверхъестественно лучезарному. Он проявлялся как божественное существо, излучающее бесконечную, всепоглощающую любовь, приятие и всепрощение. В личном общении, зачастую воспринимавшемся как пред-стояние перед Богом, эти индивиды получали наставления относительно сущего и вселенских законов и имели счастли-ую возможность оценить свое прошлое по этим новым критериям. И тогда они принимали решение вернуться в прежнее состояние и прожить свои жизни по-новому, в согласии с теми началами, которые они усвоили.

Околосмертные переживания часто приводят к духовным обострениям из-за того, что могут в корне переменить перу в действительность. Ведь эти неожиданные события (астают людей врасплох. Так, автомобильная авария посреди пихорадочного уличного движения или сердечный приступ во время оздоровительной пробежки могут всего за несколько секунд погрузить кого-то в столь поразительное духовид-чское приключение, что оно разбивает на кусочки их обыденную действительность. Поэтому эти люди могут нуждаться в особых советах и поддержке, чтобы оказаться способными соединить эти необычайные переживания со своей повседневной жизнью.

Большинство тех, кто испытал околосмертные переживания вышли из них глубоко изменившимися. У них появилось вселенское и всеохватное видение действительности, новая совокупность ценностей и в корне отличная жизненная стратегия. Они ощущают глубочайшую признательность за то, что живут, испытывают чувства родства со всеми живыми существами и обеспокоенность за будущее человечества и планеты.

Близкие встречи с НЛО и переживания похищений инопланетянами

Переживания встреч с тем, что рассматривается как внеземные космические летательные аппараты и инопланетные существа, а также похищения ими, могут подчас вызывать серьезные эмоциональные и интеллектуальные расстройства. К.Г. Юнг в специальном исследовании, посвященном изучению вопроса о «летающих тарелках», выдвинул предположение, что эти феномены могут скорее оказаться архетипическими видениями, берущими начало в коллективном бессознательном, нежели психотическими галлюцинациями или посещениями представителей внеземных цивилизаций. К такому выводу он пришел в результате подробного изучения широко распространенных легенд о летающих колесах и отчетов о появлениях в наши дни летающих объектов, время от времени вызывавших кризисы и массовую панику.

Описания наблюдений НЛО, как правило, говорят об источниках света, которые обладают необычными сверхъестественными свойствами и зачастую похожих на те, что упоминаются во многих сообщениях о духовидческих состояниях. Также отмечалось, что у внеземных существ, участвующих в подобных встречах, были значимые соответствия в мире

мифологии и религии, то есть как раз в таких образованиях, что уходят своими корнями в коллективное бессознательное. Описываемые инопланетные летательные аппараты и космические полеты также имеют свои соответствия в духовной литературе. Колесница ведийского бога Индры или описанная в Библии пылающая машина Иезекииля — лишь два примера подобного рода устройств. А сказочные страны и города, посещавшиеся во время подобных путешествий, напоминают духовидческие переживания рая, небесных царств и городов света. Похищенные часто рассказывают о том, что их подвергали различным опытам и научным обследованиям, которые они переживали как невообразимые мучения. Это сближает названные переживания с посвятельными кризисами шаманов и туземными обрядами перехода.

Таким образом, переживания НЛО имеют много общих черт с духовидческими состояниями, имеющими духовную природу. Существует и другая причина, почему НЛО-переживания могут приводить к духовному кризису, ибо, как мы упоминали ранее в связи с духами-водителями и установлением канала связи, в них проявляется склонность к «раздуванию Я». Инопланетные визитеры обычно рассматриваются как представители цивилизаций, несравнимо более развитых, чем наши, причем не только технологически, но интеллектуально, нравственно и духовно. И подобные соприкосновения с ними подчас несут в себе сильнейшие мистические обертоны и связаны с открытиями космического значения. А их участникам чрезвычайно легко истолковать такое особое внимание как указание на их собственную исключительность. Они могут ощутить, что привлекли интерес высших существ из-за того, что сами они — люди избранные и некоторым образом исключительные.

По всем этим причинам «близкие встречи» могут приводить к серьезным надличностным кризисам. Люди, прошедшие через странный мир НЛО-переживаний и похищений инопланетянами, для того, чтобы усвоить это переживание, нуждаются в профессиональной помощи кого-то, кто обладает общим знанием психологии архетипов, а также знаком с конкретными характерными чертами феномена НЛО.

Состояния одержимости

При этом виде надличностного кризиса у людей возникают отчетливые ощущения, что их душа и тело захвачены и управляются какой-то злой сущностью или энергией, обладающей индивидуальными свойствами. Они воспринимают это как враждебное и раздражающее вторжение извне в их личность. Эта явно внешняя сила может появляться как какая-то непонятная бесплотная сущность, дьявольское существо или как сознание злобного человека, вселившееся в них посредством черной магии.

У таких состояний существует множество различных видов и степеней. В некоторых случаях истинная природа подобного расстройства остается скрытой. Затруднения же проявляются в виде серьезной психопатологии, такой как антиобщественное, в том числе преступное поведение, депрессия со склонностью к самоубийству, неразборчивые или извращенные половые влечения и проявления, либо как чрезмерное потребление алкоголя и наркотиков. И подчас до тех пор, пока такая личность не начнет проходить терапию переживаний, эту «одержимость» будут определять как состояние, лежащее в основе всех этих трудностей.

Во время сеанса переживания лицо человека может превратиться в

«маску зла», черты искажаются судорогами, а глаза принимать дикое выражение. Руки и тело могут производить странные извивы, а голос меняться и как бы исходить из потустороннего мира. Но если подобному состоянию позволяется развиваться далее, то оно обретает разительное сходство с обрядом изгнания нечистой силы в католической церкви или с обрядами изгнания демонов в различных туземных культурах. Разрешение же подчас происходит после ряда впечатляющих приступов удушья, непреодолимой рвоты, неистовых физических движений или даже временной потери осознания собственного поведения. Но ряд такого рода событий может неожиданно оказаться исцеляющим и преображающим и завершиться глубоким духовным обращением вовлеченного лица.

В других случаях одержимый человек осознает присутствие «злой сущности» и затрачивает много усилий, пытаясь бороться с ней и сдерживать ее воздействие. В крайней степени состояния одержимости злая энергия может проявиться сама собой в повседневной жизни точно так же, как в сеансах терапии переживания. Но при таких обстоятельствах индивид чувствует себя чрезвычайно напуганным и безнадежно одиноким. Родственники, друзья, а подчас и терапевты стремятся отстраниться от одержимого индивида, проявляя по отношению к нему причудливую смесь метафизического страха и морального отвращения. Часто они навешивают на этого человека ярлык злодейской личности и отказываются от дальнейшего соприкосновения с ним.

Очевидно, что это состояние принадлежит к категории духовных обострений, несмотря на то, что оно вовлекает неблагоприятные энергии и связано со многими предосудительными видами поведения. Ведь демонический архетип надличностен по самой своей природе, поскольку представляет собою негативное зеркальное отражение божественного. Зачастую одержимость представляется как «феномен врат», сопоставимый с ужасающими стражами, стоящими у дверей восточных храмов, то есть он прикрывает доступ к глубокому духовному переживанию, которое часто происходит после того, как успешно разрешится состояние одержимости. И с помощью кого-то, кто не боится его жуткой природы и способен поддержать его полное проявление, эта энергия может рассеяться и произойти замечательное исцеление.

Духовное обострение: грядущие трудности и перспективы

Понятие «духовное обострение», без сомнения, является новым, и в будущем будет дополняться и уточняться. Тем не менее, мы уже неоднократно убеждались в том, что даже в своем теперешнем виде, так, как оно определено моей женой Кристиной и мною, оно уже оказывается существенным подспорьем для многих индивидов, претерпевающих кризисы преображения. Мы уже видели, что когда к этим состояниям относятся с должным вниманием и люди получают надлежащую поддержку, эти состояния могут приводить к удивительному исцелению, глубокому благотворному изменению и переходу на более высокий уровень существования в повседневной действительности. И это зачастую происходит, несмотря на то, что условия для врачевания были далекими от идеальных.

В будущем успешность подобного подхода к лечению могла бы значительно возрасти, если бы терапевты смогли получить в свое распоряжение сеть центров, работающих круглосуточно и предназначенных

для тех, чьи переживания столь напряженны, что не могут излечиваться амбулаторно. В настоящее время отсутствие подобных учреждений и недостаток поддержки всех необычных подходов со стороны страховых компаний представляют собой серьезные препятствия для действенного применения холотропной терапии при духовно-психических кризисах.

4. ПЕРЕЖИВАНИЕ СМЕРТИ И УМИРАНИЯ

Трудно даже представить себе нечто такое, что более затрагивало бы всех нас вместе » каждого человека в отдельности, нежели смерть и умирание. В течение жизни каждому из нас приходится терять знакомых, друзей и близких и в конце концов столкнуться с собственной биологической кончиной. Поэтому удивительным выглядит то, что, начиная, с конца шестидесятих годов XX века западная индустриальная цивилизация выказывает почти полную утрату интереса к вопросу смерти и умирания. И это верно не только в отношении простого населения, но и в отношении ученых и специалистов, которые по долгу службы должны были бы интересоваться этим предметом, то есть медиков, психиатров, психологов, антропологов, философов и теологов. И подобному положению есть только одно правдоподобное объяснение: массовое психологическое отторжение от всей этой области и непризнание ее существования.

Это безразличие выглядит еще более поразительным, когда мы обращаем свое внимание на древние и доиндустриальные культуры, где отношение к смерти и умиранию было диаметрально противоположным нашему. Ведь в космологиях, философиях, мифологиях, духовной, обрядовой и обыденной жизни людей тех эпох, смерть играла главную роль. И разница между ними и нашей собственной культурой

станет особенно очевидной и значимой, когда мы сравним переживания тех, кто сталкивается в этих культурах со смертью.

Смерть и умирание в западной цивилизации

В западных индустриальных обществах умирающий, как правило, придерживается прагматической и материалистической картины мира или, по крайней мере, подвергается очень глубокому воздействию подобного мировоззрения. Конформистская академическая наука Запада отождествляет историю Вселенной с историей развития материи. Это воззрение считает жизнь, сознание и разум более или менее случайными продуктами эволюции. Ибо они выходят на сцену только после того, как в течение многих миллиардов лет пассивная и инертная материя эволюционировала в нашей невероятно малой части необъятной Вселенной. И в мире, где действительным признается только то, что является материальным, осязаемым и измеряемым, для какой-либо духовности нет места.

В нашей культуре позволяют или даже поощряются различные виды религиозных отправлений, и все-таки, со строго научной точки зрения, духовные страдания рассматриваются как неразумные и расцениваются как показатель эмоциональной и интеллектуальной незрелости. Среди причин, которые им приписываются, перечисляются недостаток образования, первобытные предрассудки, возврат к магическому и детскому мышлению. Непосредственные переживания духовных сфер считаются проявлениями тяжелого душевного заболевания, психоза.

Утратив свое переживательное содержание, религия в огромной степени утратила также связь со своими глубинными духовными истоками и стала пустой, бессмысленной и все менее и менее соотносящейся с нашей жизнью. Таким образом, лишенная сил, она едва ли может состязаться с кажущимися убедительными доводами материалистической науки, особенно если те подкрепляются технологическими достижениями.

Западная неврология рассматривает сознание как эпифеномен материи, как продукт физиологии мозга и, таким образом, считает его в решающей степени зависимым от тела. Более того, она утверждает, что смерть тела, и в частности мозга, должна быть безусловным концом деятельности сознания. А поскольку смерть и разложение тела являются очевидными обстоятельствами, то представление о существовании после смерти кажется невозможным и нелепым. Вера же в посмертные странствия души, загробную жизнь или перевоплощение обычно высмеивается как выдача желаемого за действительное. Люди, придерживающиеся подобных взглядов, рассматриваются как просто неспособные признать очевидную биологическую непреложность смерти.

Подобная установка вплоть до семидесятых годов действительно сдерживала возникновение научного интереса к переживаниям умирающих больных или индивидов, находящихся при смерти. Однако опубликование в 1975 году бестселлера «Жизнь после жизни» вдохновило таких исследователей, как Элизабет Кюблер-Росс, Кен Ринг, Майкл Сэйбом и других, собрать и обнародовать впечатляющие свидетельства о поразительных качествах околосмертных переживаний. Эти зачинатели танатологии задокументировали ряд разнородных явлений, куда входит и достоверное сверхчувственное восприятие во время переживаний выхода из тела и опыт глубочайших личностных изменений, который следует за этими переживаниями.

Их открытия широко освящались в многочисленных телеинтервью, в голливудовских кинофильмах и иных средствах массовой информации. И тем не менее, эти замечательные и по своим возможностям низвергающие существующую парадигму наблюдения, которые могли бы революционно преобразить наше понимание природы сознания и его взаимосвязи с головным мозгом, по-прежнему отвергаются большинством специалистов как не относящиеся к делу галлюцинации, вызываемые биологическим кризисом организма. Околосмертные и связанные с ними переживания по уже сложившемуся распорядку никогда не включаются во врачебные записи, и сведения о них не рассматриваются как важная часть истории этих больных, в большинстве лечебных учреждений не предлагается никакой психологической помощи, которая помогла бы им включить в свою жизнь эти столь озадачивающие события.

Как правило, в западных обществах умирающим зачастую не хватает той настоящей человеческой поддержки, которая облегчила бы их переход. Ведь мы пытаемся оградить себя от причиняемого смертью эмоционального неудобства и пытаемся запрятать больных и умирающих людей в больницы и дома престарелых. И упор при этом делается больше на механическое продление жизни (зачастую вне всяких разумных пределов), нежели на человеческое окружение, и качество проживания оставшихся дней. А поскольку семейный строй разрушен и дети стремятся жить вдали от родителей, бабушек и дедушек, то в критический момент поддержка оказывается лишь формальной и минимальной.

За редким исключением специалисты по психическому здоровью, продолжающие разрабатывать конкретные виды психологической помощи на случай возникновения самых разных эмоциональных кризисов, не уделяют никакого внимания умирающим. Именно те, кто сталкивается с самым глубоким из всех кризисов, которые только можно представить, кризисом, охватывающим одновременно биологические, эмоциональные, межличностные, общественные, философские и духовные переживания, остаются чуть ли не единственными, для которых подобная содержательная помощь недоступна.

В западной цивилизации смерть воспринимается в более глубоком контексте всеобщего отрицания непостоянства и смертности. В общем-то, смерть предстает перед нами в некоем «дезинфицированном» виде, после того как целая армия специалистов смягчила для нас ее непосредственное воздействие. В крайних же случаях посмертные бороды и парикмахеры, портные и специалисты по макияжу производят над телом многообразные косметические манипуляции, перед тем как выставить его на лицезрение родственников и знакомых.

Средства массовой информации помогают создать большую дистанцию в отношении к смерти, растворяя ее в пустой статистике, бесстрастно сообщая о тысячах жертв, погибающих в войнах, революциях и других катастрофах. Кинофильмы и телевидение делают смерть еще более банальной, наживаясь на насилии. Они делают современную публику невосприимчивой к зрелищу смерти, вопреки ее эмоциональной потребности, выставляя напоказ бесчисленные сцены убийств и кровопролитий.

Смерть и умирание в доиндустриальных культурах

Эсхатологические мифологии древних и первобытных обществ повсеместно сходятся на том, что душа усопшего, пребывая в сознании, проходит ряд испытаний. Посмертное странствование души иногда описывается как путешествие по чудесным краям, которые похожи на земные, в иных же случаях — как встречи с различными архетипическими существами либо как движение через последовательные холот-ропные состояния. В некоторых культурах душа достигает в загробном мире какого-то временного пристанища, наподобие христианского чистилища, или *лок* в тибетском буддизме. В других же культурах — вечного обиталища: небес, рая, ада или царства солнца. Многие культуры независимо друг от друга развили совокупность верований в метемпсихоз (переселение душ) или перевоплощение, которое заключается в возвращении единицы сознания на землю на иной срок физической жизни.

Кажется, что все доиндустриальные общества были единомышленны относительно того, что смерть — не конец всему, а лишь важный переход. И переживания, связанные со смертью, рассматривались как посещения значимейших измерений действительности, которые, несомненно, заслуживают того, чтобы быть пережитыми, изученными и тщательно картографированными. Умирающие были знакомы с эсхатологическими картографиями их собственных культур, будь это шаманские карты посмертных стран или утонченные описания восточных философских систем, таких как в тибетской книге «Освобождения посредством слушания на переходе» (*бардо тходрол*).

Эта знаменательная книга тибетского буддизма — яркая

противоположность прагматическому подчеркиванию производительной жизни и отрицанию смерти в нашей, западной цивилизации. Она описывает время смерти как уникальную возможность для духовного освобождения от круговоротов смерти и перерождения или же в случае, если мы не достигаем освобождения, смерть представляется как пора, в которой предопределяется наше следующее воплощение. В связи с чем промежуточные состояния между жизнями (*бардо*) можно рассматривать как, в некотором роде более значимые, нежели воплощенное существование. И потому существенно важно за время нашей жизни подготовиться к смерти посредством целенаправленного духовного делания.

Кроме того, в древних и доиндустриальных культурах на переживания умирающего особый отпечаток накладывает признание смерти неотъемлемой частью жизни. Люди, живущие в этих культурах, на протяжении жизни обычно проводят много времени вокруг людей умирающих, приводят в порядок мертвые тела, наблюдают кремацию и живут рядом с останками мертвых. Более того, люди в доиндустриальных культурах, как правило, умирают в лоне большой семьи, рода или племени. И здесь они могут получить многообразную эмоциональную поддержку от близких людей. Важно упомянуть также мощные обряды, которые предназначены для поддержки тех, кто стоит перед последним переходом, и даже предложить конкретное руководство в умирании наподобие того, как оно дано в «Бардо тходрол».

Навык умирания

Разнообразные традиции обучения через личное переживание, задействующие холотропные состояния сознания, показали себя важнейшими причинами, предопределяющими отношение к смерти и переживаниям при умирании. Все они включают в себя повторяющиеся возможности пережить «умирание до умирания», освобождающие индивида от страха смерти и преображая ход самого умирания. Такими традициями обучения являются:

- шаманизм;
- ритуалы перехода;
- мистерии смерти и возрождения;
- духовное подвижничество;
- Книги мертвых.

Шаманизм

Шаманство тесно связано с холотропными состояниями, также как со смертью и возрождением. Как мы выяснили, путь многих шаманов начинается с «шаманской болезни», непроизвольно происходящего кризиса, ведущего к глубокому исцелению и духовно-психическому преображению. Ду-ховидческое странствие включает в себя посещение подземного мира, болезненные и опасные испытания, переживание психологической смерти и возрождения, за которыми следует вознесение в высшие миры. В ходе этого переживания новоиспеченный шаман соединяется с природными силами и учится распознавать и врачевать болезни. Его знакомство с царством мертвых дает ему возможность свободно нисходить туда и возвращаться, а также служить посредником при подобном странствовании других людей.

Ритуалы перехода

Эти тщательно разработанные ритуалы, проводимые в различных туземных культурах при важных биологических и общественных переходах, используют мощные процедуры. Вызываемые переживания вращаются вокруг трех главных состояний: рождение, пол, смерть. Их символика включает в себя различные сочетания околородовых и надличностных составляющих. Люди, живущие в культурах, проводящих ритуалы перехода, неоднократно на протяжении всей своей жизни имеют многочисленные переживания духовно-психической смерти и возрождения, поэтому состояния, связанные с умиранием, становятся им знакомы.

Мистерии смерти и возрождения

Эти сложные священные и тайные процедуры были во многом схожи с ритуалами перехода. Они существовали во многих частях света, но особенно господствовали в Средиземноморье. Самыми знаменитыми из них были Элевсинские мистерии, которые на протяжении почти двух тысячелетий без перерыва проводились раз в пять лет неподалеку от Афин. Согласно современным исследованиям Вассона, Хоф-мана и Рака, ритуальный напиток *кикий*, употреблявшийся во время мистерий, содержал снадобье из грибка спорыньи, близкое по результатам к действию ЛСД.

Духовное подвижничество

Разные виды йоги, буддизм, даосизм, суфизм, христианская мистика, кабала и многие другие духовные школы развили действенные приемы для вызывания холотропных состояний. Они включают в себя молитвы, умозрение, медитации в движении, дыхательные упражнения и другие эффективные приемы, в которых присутствуют глубокие духовные составляющие. Подобно переживаниям шаманов, посвящаемых в ритуалах перехода, и неофитов древних таинств, эти средства предоставляют возможность встречи со своей брэнностью и смертностью, преодоление страха смерти и коренного изменения своего бытия в мире.

Книги мертвых.

Многие доиндустриальные культуры создали документальные средства в помощь умирающим людям. Это так называемые «книги мертвых» включают тибетскую «Бардо тходрол», египетскую «Перт ем хру», ацтекский «Кодекс Борджиа» и европейское «Искусство умирания». Современные исследователи сознания показали, что переживания, подобные тем, что описаны в этих эсхатологических писаниях, постоянно происходят во время психоделических сеансов, при мощных нелекарственных видах психотерапии, непроизвольно случаются в моменты духовно-психических кризисов. Во всех этих обстоятельствах люди могут встретиться с целым спектром необычных переживаний, включающих эпизоды предсмертных мук и умирания, схождения в ад, предстояние перед судом Божьим, возрождения, достижения небесных сфер и столкновения с воспоминаниями из прошлых воплощений.

Другой недостающий кусочек мозаики дала танатология – молодая научная дисциплина, изучающая смерть и умирание. Изучение околосмертных состояний такими исследователями, как Рэймунд Моуди, Кеннет Ринг, Майкл Сэйбом, Брюс Грейсон и Чарлз Флин показывают, что

эти переживания в значительной степени напоминают описания из древних «книг мертвых», а также отчеты, поступающие от субъектов, участвующих в психоделических сеансах и современной терапии переживания.

Поэтому совершенно очевидно, что древние эсхатологические писания являются картами внутренних территорий, так как они видятся в глубоких холотропных состояниях, включая состояния, связанные с биологическим умиранием. Можно провести всю жизнь, не пережив этих состояний и даже не зная о существовании этих сфер, пока не будешь в них ввергнут во время биологической смерти. Однако некоторые люди действительно сталкиваются с этими состояниями когда еще живы, во время психоделических сеансов и других мощных видов самоосвоения, серьезного духовного делания, участия в шаманских камланиях или произвольных духовно-психических кризисов. Эти индивиды могут изучать более глубокие территории психики собственными средствами и описывать на своем языке. И для них действительное переживание физической смерти перестает быть полной неожиданностью.

Такое «умирание перед умиранием» имеет несколько важных последствий: оно освобождает индивида от страха смерти, меняет его отношение к ней и облегчает переживание действительного умирания. В то же время исчезновение страха смерти преобразует также и способ индивида жить в мире. По этой причине нет никакого основополагающего различия между подготовкой к смерти и навыком умирания, с одной стороны, и духовным деланием, ведущим к просветлению, с другой. Вот почему древние «книги мертвых» могли использоваться и при тех, и при других обстоятельствах.

Западная наука и холотропная парадигма

Как мы убедились, умирающие в доиндустриальных культурах находятся в значительно более легком положении по сравнению с тем, в каком оказываемся мы в западной технологической цивилизации. Но не заключается ли подобное преимущество в отсутствии достоверных сведений о природе действительности, приправленное самообманом, принимающим желаемое за действительное? Если бы это было так, то мы могли бы рассматривать значительную часть наших трудностей перед лицом смерти как дань, которую нам приходится платить за наше более глубокое знание всеобщего состояния вещей. И тогда мы могли бы нести все неудобные последствия знания истины.

Однако более тщательное рассмотрение существующих свидетельств показывает, что это далеко не тот случай. Единственной важнейшей и основополагающей разницей между картиной мира индустриального Запада и других человеческих сообществ на протяжении истории является отнюдь не превосходство материалистической науки над первобытными предрассудками, но наше глубокое невежество относительно холотропных состояний. И когда мы целенаправленно используем разные виды холотропных состояний, ставших обрядами в духовной жизни древних и туземных культур, это неизбежно открывает глубокое воздействие на наше понимание природы действительности.

Нам открывается, что взаимосвязи между сознанием и материей коренным образом отличаются от той системы представлений, которую навязывает материалистическая наука технологизированных сообществ.

Мне так и не удалось встретить ни одного западного академического ученого, который, испытав надличностные переживания, продолжал бы поддерживать расхожее научное понимание сознания, психики и человеческого естества, природы и действительности, ныне преподаваемое в западных университетах. Это наблюдение истинно — вне зависимости от образования, интеллектуального коэффициента и специальности данного индивида. Таким образом, разница между теми, кто принимает, и теми, кто не признает возможность существования сознания после смерти, в точности отражает различия в установке по отношению к холотроп-ным состояниям. Те же, кто успешно прошел через эти необычные состояния сознания, неизбежно освобождаются от заклятий ньютоново-картезианской парадигмы.

Сознание после смерти: правда или вымысел?

Изучая материалистическое понимание биологической смерти, важно сохранять ум открытым и сосредотачиваться, насколько это возможно, на доступных для наблюдения фактах. Некая же непоколебимая априорная приверженность подавляющего большинства ученых существующей парадигме есть отношение хорошо нам известное по установкам религиозных фундаменталистов. Но в отличие от сциентизма подобного рода, наука в подлинном смысле слова открыта для непредвзятых исследований любых существующих явлений. Имея это в виду, мы можем разделить существующие свидетельства на две категории:

1. Переживания и наблюдения, опровергающие традиционное понимание природы сознания и его взаимосвязи с материей.

2. Переживания и наблюдения, относящиеся непосредственно к постижению смерти и сохранению сознания после смерти.

Сознание и его взаимосвязь с материей

Работа с холотропными состояниями сознания накопила огромный корпус свидетельств, которые представляют собою серьезное опровержение монистического материализма. Материалистическая парадигма западной науки была основным препятствием для любой объективной оценки данных, описывающих события во время смерти. Наблюдения, которые дают современные исследования сознания, явно убеждают в том, что появилась настоятельная потребность коренного пересмотра основополагающих предположений этой парадигмы. Они свидетельствуют о некоем новом видении мира, в котором сохранение сознания после смерти оказывается возможным и даже вероятным.

Как мы видели, большая часть этих данных поступила из области исследований надличностных переживаний и связанных с ними явлений. Изучая надличностные феномены, мы вынуждены пересматривать представление о том, что люди являются по своей сути ньютоновыми объектами. Совершенно новая формула, отдаленно напоминающая парадокс волны-частицы в современной физике, описывает людей как парадоксальных существ с двумя взаимодополняющими сторонами: они могут выказывать как свойства ньютоновых объектов, так и свойства бесконечных полей сознания. Для этих описаний свойственно в любое заданное время зависеть от состояния сознания, в котором производится наблюдение. И кажется, что физическая смерть кладет предел первой стороне такого определения человека, тогда как вторая приходит к своему

полному раскрытию.

Согласно материалистической науке, для любой памяти требуется материальная подкладка, такая, как сеть нейронов головного мозга или молекулы ДНК в генах. Тем не менее, невозможно вообразить материального посредника для сведений, сообщаемых при различных видах надличностных переживаний. Такие сведения явно не были получены при жизни индивида общепринятыми способами, то есть посредством восприятия при помощи органов чувств. И кажется, что они существуют независимо от материи, возможно, в поле самого сознания или в каком-то ином виде поля, неопределимом нашими научными методами.

Другие пути исследований только подтверждают наблюдения из области надличностных переживаний. Опровергая основные метафизические предположения монистического материализма, такие ученые как Хайнц фон Фёстер, Руперт Шелдрейк и Эрвин Ласло всерьез изучают такие возможности как «память без материальной подкладки», «морфогенетические поля» и запись всех событий истории Вселенной в субквантовом «пси-поле».

Постижение смерти и сохранение сознания после смерти

Феномены на пороге смерти

Исследователи рассказывают о самых разных интересных явлениях, происходящих в момент или сразу после смерти. К ним относятся многочисленные сообщения о видениях умерших, которые вскоре после смерти являлись родственникам, друзьям и знакомым. По статистике такие явления происходят чаще всего в течение примерно двенадцати часов после смерти. Существует также множество свидетельств о необъяснимых физических явлениях, происходящих в момент смерти: останавливаются или начинают идти часы, звонят колокола, падают со стен картины и фотографии, возникают другие предзнаменования, которые, кажется, возвещают о смерти человека.

Индивиды накануне смерти часто переживают встречи со своими мертвыми родственниками, которые, кажется, радушно ожидают их на том свете. Эти предсмертные видения необыкновенно достоверны и убедительны. Часто за ними следует состояние эйфории, которое, по всей видимости, облегчает переход на тот свет. В некоторых случаях сообщается о том, что умирающий встретился с человеком, о чьей смерти он не знал. О подобных происшествиях говорится как о случаях «переживания в Дарьене».

Особенно интересны околосмертные переживания (ОСП), которые случаются приблизительно у одной трети людей, столкнувшихся с внезапной угрозой жизни, такой, как автомобильная авария, утопление, сердечный приступ или остановка сердца во время хирургической операции. Танатологи провели обширные исследования подобных явлений и описали характерные образцы переживаний, которые, как правило, включают обзор собственной жизни, проход сквозь темный туннель, личный суд над собой с этической оценкой собственной жизни, встречу со светящимся божественным существом и посещение различных сфер превосходящего. Реже встречаются болезненные, вызывающие тревогу, адские виды ОСП.

В нашей программе психоделической терапии неизлечимых больных раком, проведенной в Мэрилендском Центре психиатрических исследований нам удалось получить некоторые свидетельства сходства ОСП с переживаниями, вызываемыми психоделическими веществами. Мы засвидетельствовали несколько случаев, когда пациенты, у которых прежде были психоделические переживания, затем переживали настоящее ОСП, когда их болезнь зашла дальше (например, момент остановки сердца во время хирургической операции). Они рассказывают, что эти два переживания очень похожи, и описывают психоделические сеансы как неоценимое научение умиранию через переживание.

Самой необычайной и захватывающей стороной ОСП являются случаи переживаний «подлинного» выхода из тела (ПВИТ). Это понятие употребляется для переживаний освобожденного от телесной оболочки сознания с точным сверхчувственным восприятием окружающего (ТСВ). Проводящиеся танатологические исследования подтверждают предшествующие наблюдения подобных переживаний у слепых от рождения людей. Классические описания ПВИТ можно обнаружить в духовной литературе и философских сочинениях всех эпох. Современные танатологические исследования подтверждают истинность описаний «Тибетской книги мертвых» (Бардо тходрол), в которых говорится, что после смерти индивид приобретает «тело бардо», преодолевающее ограниченность времени и пространства и способное свободно странствовать вокруг Земли.

Подлинные переживания выхода из тела происходят не только в состояниях близкой смерти, острой угрозы жизни и клинической смерти. Они могут появляться во время сеансов мощной психотерапии переживания, такой, как первичная терапия, рибёфинг или холотропное дыхание, во время переживаний, вызванных психоделиками, в особенности, кетамин — диссоциативным анестетиком, а также возникнуть произвольно. Переживания выхода из тела со случаями подтверждаемого сверхчувственного восприятия окружающего обладают особой значимостью при решении вопроса о сознании после смерти, так как они убедительно доказывают, что сознание может действовать независимо от тела.

Если в соответствии с представлениями западной материалистической науки, сознание — это продукт процессов, происходящих в головном мозге, то нелепо считать, что оно может оторваться от тела, сохраняя способность к чувственному восприятию. И все же именно это происходит во многих документально засвидетельствованных случаях ПВИТ. Естественно, люди, у которых был ПВИТ, оказывались на волоске от смерти, но не умирали, так что какие-либо процессы в головном мозге у них еще происходили. Тем не менее, сама природа ПВИТ, независимо от того, остается субъект живым или нет, убедительно доказывает, что сознание может действовать независимо от тела. И если это возможно во время жизни, разумно предположить, что то же самое может происходить и после смерти.

Переживания прошлых жизней Переживание людьми прошлых жизней известно очень широко — на всех географических широтах и в разные исторические времена. Это наводит на мысль о том, что оно представляет собой очень значимое психологическое и культурное явление, а также влечет за собой важные следствия для понимания природы сознания,

психики человека, а также для теории и практики психиатрии, психологии и психотерапии.

Представление о карме и перевоплощении характерны для индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма, зороастризма, тибетского буддизма Ваджраяны и даосизма. Схожие представления можно найти в различных сообществах, разделенных географически, исторически и культурно. Для членов этих сообществ, как и для непредубежденных и широко осведомленных современных исследователей сознания, перевоплощение — не вопрос веры, но эмпирический вывод. Всякий, кто пытается отмахнуться от вероятности перевоплощения, должен вновь взглянуть на впечатляющие данные, на которых подобное убеждение основано. Они включают в себя:

1) произвольные воспоминания прошлой жизни у детей, 2) произвольные и вызываемые искусственно воспоминания прошлых жизней у взрослых и 3) тибетские практики, связанные с перевоплощением.

Произвольные воспоминания прошлой жизни у детей. Имеются многочисленные свидетельства о случаях с маленькими детьми, которые, как кажется, помнят и описывают свою предыдущую жизнь в ином теле, ином месте и с другими людьми. Такие воспоминания обычно возникают произвольно вскоре после того, как эти дети начинают говорить. Зачастую в жизни таких детей это вызывает серьезные трудности и может связываться с «перенесенными патологиями», такими, как фобии, странные реакции на некоторых людей или различные особенности характера. Случаи такого рода изучались и описывались детскими психиатрами. Но между пятью и восемью годами доступ к подобным воспоминаниям обычно исчезает.

Ян Стивенсон, профессор психологии Вирджинского университета в Шарлотсвилле, Вирджиния, провел тщательное изучение более чем трех тысяч подобных случаев и изложил свои открытия в работах «Двадцать случаев перевоплощения», «Невыученные языки» и «Дети, что помнят предыдущие жизни». Стивенсон приводит всего несколько сотен случаев из тысяч — только те, что соответствовали высочайшим критериям исследований. Таким образом, были изложены только строжайше проверенные рассказы.

Открытия Я. Стивенсона оказались весьма примечательными. Посредством независимого расследования ему удалось подтвердить — и часто с невероятными подробностями — истории детей, которые те рассказали о своих предыдущих жизнях, хотя во всех сообщаемых случаях исследователь абсолютно исключил возможность того, что они могли получать какие-либо сведения обычными способами. В некоторых случаях он действительно привозил детей в город или деревню, которые они помнили из своей предыдущей жизни. И хотя дети никогда не **бывали** там в их настоящей жизни, они были знакомы с топографией местности, были способны отыскать дом, в котором они, по их утверждениям, жили, узнать членов своей «семьи» и других жителей, знали их имена.

Самые яркие воспоминания детей обычно включают в себя события, непосредственно послужившие причиной смерти. На самом деле они смогли запомнить свои предыдущие жизни из-за обстоятельств их смерти и особенно такие, что включали в себя потрясение, которое, как уверяет

Стивенсон, «может прорываться сквозь амнезию». Как правило, эти дети ничего не знают о событиях, произошедших в той жизни, что протекала в их бывшем окружении, после их смерти. Это очень важный момент, для решения вопроса о том, не воссоздают ли они бессознательно подробности этой жизни посредством телепатического считывания мыслей тех, кто знал усопшего. Может быть, самое сильное свидетельство в подтверждение гипотезы о перевоплощении являются родимые пятна у этих детей, отражающие ранения и другие события из вспоминаемой жизни.

При оценке этих свидетельств необходимо подчеркнуть, что случаи, которые описал Стивенсон, происходили не только в «первобытных» или «экзотических» культурах с априорной верой в перевоплощение, но также и в западных странах, включая Великобританию и Соединенные Штаты. Его исследования отвечают высоким критериям и заслужили большое уважение. В 1977 году «Журнал по нервным и душевным болезням» почти целый выпуск посвятил этой теме, его работа рецензировалась также в «Журнале американского медицинского общества».

Непроизвольные и вызываемые воспоминания прошлых жизней у взрослых. Яркое непроизвольное проживание воспоминаний прошлой жизни чаще всего происходит во время приступов холотропных состояний (духовных обострений). Тем не менее, припоминания в различной степени могут также наблюдаться и в более или менее обычных состояниях сознания при обыденных обстоятельствах. Академическая психиатрия и нынешние теории личности основываются на «одномерно-временном видении», в котором переживания прошлой жизни видятся как указания на серьезную психопатологию.

Переживания прошлых жизней можно извлечь при помощи широкого набора приемов, которые содействуют доступу к глубоким уровням психики, таких как медитация, гипноз, психоделические вещества, чувственная изоляция, телесная работа и разнообразные сильнодействующие психотерапии переживания, такие как первичная терапия, ри-беёфинг или холотропное дыхание. Переживания такого рода возникают во время сеансов как неприятная неожиданность для терапевтов, которые в них не верят.

Возникновение воспоминаний прошлых жизней не зависит от прежних философских и религиозных верований субъекта. Вдобавок эти феномены проявляются в том же потоке, что и точные воспоминания юности, детства, младенчества, рождения и предродовой поры, содержание которых зачастую может быть надежно удостоверено. Иногда воспоминания прошлых жизней сосуществуют или чередуются с ними.

Итак, мы можем без опаски предположить, что воспоминания о прошлых жизнях являются подлинными феноменами *sui generis* и что они имеют важные последствия для психологии и психотерапии из-за их эвристических и терапевтических возможностей. Подтверждают эти предположения следующие открытия:

— Эти переживания не только ощущаются как необычайно достоверные, они зачастую способствуют доступу к точным сведениям об исторических периодах, культурах и событиях, которые индивиды не могли бы получить обычным путем.

— В некоторых случаях точность этих воспоминаний может быть подтверждена объективно, иногда с невероятными подробностями.

— Воспоминания прошлых жизней иногда участвуют в развитии патологии при различных эмоциональных, психосоматических и межличностных затруднениях, которые нельзя объяснить на основании теперешней биографии.

— Они обладают великими целительными возможностями, более сильными, чем воспоминания о жизни теперешней.

— Они часто связаны с чрезвычайно значимыми синх-ронностями.

Критерии для подтверждения истинности содержания переживаний о прошлых жизнях те же самые, что и для определения того, что произошло, например, в прошлом году: нужно записать конкретные воспоминания и предоставить независимые свидетельства хотя бы для некоторых из них. Разумеется, воспоминания прошлых жизней подтвердить намного труднее. Они не всегда содержат конкретные сведения, которые могли бы пригодиться для процедуры установления истинности. Эти свидетельства труднее найти, поскольку события, которые мы пытаемся подтвердить, гораздо более давние и затрагивают иные культуры и страны. Важно принимать во внимание и то, что только некоторые из воспоминаний из нашей нынешней жизни могут быть как-то подтверждены. Интересно, что большинство вызванных воспоминаний прошлых жизней не позволяют подтвердить свою истинность в такой же степени, как произвольные воспоминания Стивенсона, которые, как правило, являются относительно недавними и затрагивают не столь географически удаленные места.

Я самолично наблюдал и опубликовал несколько случаев, в которых самые необычные стороны этих переживаний могли быть подтверждены историческими разысканиями. Два из них особенно поразительны и заслуживают особого внимания.

Первый касается невротической больной, подвергшейся психоделической терапии, которая в четырех последовательных сеансах ЛСД переживала случаи из жизни чешского аристократа начала XVII века. Вместе с двадцатью шестью другими дворянами этот мужчина был прилюдно казнен на Старой площади в Праге. Правление династии Габсбургов устроило эту казнь в попытке сломить дух чехов после поражения чешского короля в битве у Белой горы. В этом случае без того, чтобы больная знала об этом, ее отец провел генеалогические разыскания фамильного древа, подтвердившие, что они были, потомками одного из этих несчастных дворян.

Во втором случае мужчина во время предварительной работы, а затем и в ходе сеансов холотропного дыхания прожил ряд воспоминаний из тех времен, когда в XVI веке Великобритания воевала с Испанией. Они вращались вокруг массовой резни испанских солдат британцами в осажденной крепости Дунанэр на западном побережье Ирландии. Во время этих сеансов мужчина отождествлял себя со священником, который сопровождал этих солдат и был убит вместе с ними. Однажды он увидел на своей руке красивое кольцо-печатку с выгравированными инициалами и зарисовал его. В ходе последующей исследовательской работы этот человек смог определить подлинность этого случая, о котором прежде он ничего не знал. В одном архивном документе он обнаружил даже имя священника, сопровождавшего испанских солдат в их военном походе. И, к его и нашему удивлению, инициалы имени этого человека были тождественны тем, что были выгравированы на виденном им кольце и детально запечатлены на рисунке во время сеанса.

Тибетские практики, связанные с перевоплощением. Тибетская духовная литература утверждает, что некоторые люди, достигшие духовных вершин, способны обретать значительные знания о ходе перевоплощения. Согласно этим учениям, посвященные могут влиять на время их смерти, предсказывать или даже избирать время и место их следующего воплощения и удерживать сознание через промежуточные состояния между смертью и следующим воплощением (*бардо*). И наоборот, посредством различных знаков, получаемых в снах, во время медитации или другими способами совершенные тибетские монахи могут определить, какой ребенок является перевоплощенным учителем, или *тулку*, и его *местонахождение*. Затем ребенка подвергают проверке, во время которой он должен определить, какие из схожих вещей принадлежали умершему. Некоторые стороны этой практики могли бы быть, по крайней мере, теоретически, подвергнуты достаточно строгой проверке по западным нормам.

Появление умершего и общение с ним

Непосредственные переживания встречи с умершим лицом и общение с ним могут происходить не только накануне смерти человека, но и как часть ОСП. Сообщается, что они могут проявляться как произвольно, так и во время холотропных состояний, вызываемых психоделиками, психотерапией переживания или во время медитации.

Разумеется, простой факт частного переживания такого рода может быть легко отброшен как воображение желаемого или галлюцинация. Должны быть предоставлены значимые дополнительные причины, чтобы такие переживания рассматривались как действительный материал для исследования. Критерием, который мог бы помочь определить их правдивость, является различие между появлениями, что, как кажется, могут удовлетворять некоторые сильнейшие потребности воспринимающего, и теми, для которых невозможно найти никакой мотивации.

Некоторые появления обладают определенными характеристиками, делающими их очень интересными или даже многообещающими для исследователей. Например, многие случаи, о которых говорится в литературе, описывают появления не известных воспринимающему людей, личности которых впоследствии были определены посредством фотографий или устных описаний. Появляющиеся могли быть также засвидетельствованы целой группой людей или последовательно многими разными индивидами на протяжении долгого периода времени, как в случае «навещаемых» домов или замков. В некоторых случаях воспринимающие сообщают об отличительных отметинах на теле, им не известных, но приобретенных появившимся ко времени смерти. Особенно интересны те случаи, в которых появления умершего сообщают какие-либо новые конкретные достоверные сведения, истинность которых может быть подтверждена, или же те, что связаны с необычайной синхронностью.

Особенно интригующе выглядят наводящие на определенные размышления полуэкспериментальные свидетельства сохранения сознания после смерти, которые исходят из противоречивой и подвергающейся неоднозначным оценкам сферы спиритических сеансов и психической или трансовой медиумистики. Некоторых из профессиональных медиумов

уличали в мошенничестве, другие же, такие, как миссис Пайпер, миссис Леонард и миссис Вирал, выдержали все проверки и заслужили высокую оценку дотошных и уважаемых исследователей. Лучшие медиумы были способны точно воспроизводить в своих действиях голоса, особенности речи, манеры и другие характерные черты умерших.

Иногда полученные сведения не были известны никому из присутствующих или даже кому-либо из живущих. Свидетели также сообщают случаи нежданного прихода незваных «наведывающихся» сущностей, чья «личность» устанавливалась позднее. В других случаях предсказания принимались «сидящими вблизи», у которых какой-то более отдаленный и неосведомленный участник запрашивал сведения вместо близких родственников или друзей усопшего. В случаях «перекрестного сообщения» фрагменты сведений одного полного предсказания передавались через несколько медиумов. В этой сфере интересным новшеством является процедура, описанная в книге Рэймунда Моуди «Воссоединения». Используя двойственность восприятия, возникающую, когда человек смотрит в зеркало, Моуди устраивал своим субъектам убедительные духовидческие встречи с умершими любимыми.

Некоторые из сообщений о спиритических сеансах значительно расширяют сознание среднего представителя Запада, заставляя традиционно вышколенного ученого остаться в одиночестве. К примеру, крайне необычный вид спиритических феноменов, «физическая медиумистика», включает в себя, помимо прочего, телекинез и материализацию, восходящую левитацию предметов и людей, перенесение вещей по воздуху, проявление эктоплазмических образований и явления необъяснимых писем и предметов («приношения») и другие подобные проявления. Бразильские медиумы совершают психическую хирургию, пользуясь своими руками или ножами, как говорят, под руководством духов умерших. При такой хирургии не требуется анестезии и раны закрываются, не оставляя шрамов. Такого рода события неоднократно изучались и снимались на киноплёнку очень достойными западными исследователями вроде Вальтера Панке, Стенли Крипнера и Андрии Пухарич.

Не так давно стали предприниматься попытки общения с духами умерших людей при помощи так называемой транскомуникации через приборы (ТЧП), использующей современную электронную технологию. Эта методика появилась в 1959 году, когда скандинавский кинорежиссер Фридрих Ёргенсен записывал щебет птиц семейства воробьиных. На аудиозаписи он будто бы услышал голоса умерших людей. Побуждаемый открытием Ёргенсена, психолог Константин Раудив провел методичное изучение этого феномена и записал более ста тысяч паранормальных голосов на разных языках, будто бы передающих послания из потустороннего мира.

Не так давно исследователи разных стран, включая Эрнеста Сенковского, Джорджа Мика, Марка Мейки, Скотта Рого и Рэймунда Бейлиса, предприняли совместные усилия, чтобы, используя современную технологию, установить «сообщение между измерениями». Они заявляют, что получили множество паранормальных словесных посланий и картин от умерших людей при помощи таких электронных средств, как магнитофоны, телефоны, факсы, компьютеры и телеэкраны. И среди духов, общавшихся с ними из потустороннего мира, были некоторые прежние исследователи в

этой области, такие как Ёргенсен и Раудив.

Значение и последствия исследований смерти и умирания

Изученные мною переживания и наблюдения, конечно же, не являются несомненным доказательством сохранения сознания после смерти, существования астральных сфер, населенных существами, лишенными телесной оболочки, или перевоплощения индивидуальной единицы сознания и продолжения ее физического существования в другой жизни. Ведь можно дать и другие истолкования тех же самых данных, такие к примеру, как вывод о необычайных и удивительных паранормальных способностях человеческого сознания (суперпси), или индуистское представление о Вселенной как о *лиле*, божественной игре сознания космического творящего начала.

Тем не менее, кажется ясным одно: ни одно из толкований, основанных на тщательном анализе этих данных, несовместимо с ньютоново-картезианской парадигмой западной материалистической науки. Какие бы ни были сделаны выводы, методичное изучение и непредвзятая оценка этого материала необходимо должна привести к совершенно новому пониманию природы сознания, его роли во вселенском строении вещей, его взаимосвязи с материей и в частности с головным мозгом.

Конформистская академическая наука защищала, порой необычайно агрессивно и нетерпимо, основное метафизическое положение о том, что человеческое сознание, являясь продуктом нейрофизиологических процессов в головном мозге, полностью содержится внутри черепа. Эта позиция, всецело унаследованная от философии и науки XVII века, была, таким образом, совершенно невосприимчива к любым современным открытиям — от трансперсональной психологии и исследований сознания до квантовой физики и теории относительности. Она может сохраняться лишь систематически отбрасывая огромное количество данных, поступающих из самых разных дисциплин. Такая главенствующая стратегия больше пристала фундаменталистской религии, и ей не место в науке.

Помимо своей теоретической значимости вопросы, поставленные в «Надличностном видении», имеют большое практическое значение. В других работах я уже достаточно говорил о важности фактора смерти в психиатрии, психологии и психотерапии. Наши прошлые встречи со смертью (в виде непосредственной угрозы жизни в нашей послеродовой истории, травмы рождения и существования как зародыша) глубоко запечатлились в нашем бессознательном. Вдобавок тема смерти является основной для очень сильно воздействующих архетипических и кармических тем, возникающих в надличностной области психики. Во всех подобных разновидностях смерть и умирание вносят значительный вклад в развитие эмоциональных и психосоматических нарушений.

Индивиды, готовые к встрече лицом к лицу со смертью в ходе целенаправленного самоосвоения в переживании, могут надеяться на эмоциональное и психосоматическое исцеление, благоприятное преобразование личности и дальнейшее развитие сознания. Как мы удостоверились в этом в связи с древними таинствами смерти и возрождения, такое «умирание прежде умирания» глубоко влияет на качество жизни и основную стратегию существования. Оно уменьшает иррациональные устремления (стиль жизни в виде «крысиных бегов» или «беговой дорожки») и увеличивает способность жить в настоящем, получая

удовольствие от простых житейских занятий.

Освобождение от страха смерти коренным образом раскрывает индивида в сторону духовности вселенского и несектантского характера. Это свойство проявляется независимо от того, случается ли встреча со смертью во время действительного столкновения со смертью в околосмертном переживании или происходит в медитации, терапии переживания или при произвольном духовно-психическом кризисе (духовном обострении).

То обстоятельство, верим мы или нет в сохранение сознания после смерти, в перевоплощение и карму, будет оказывать глубокое воздействие на наше поведение. Никто иной как Платон полагал, что вера в бессмертие имеет глубокие нравственные последствия. В «Законах» он устами Сократа говорит, что беспечность по отношению к посмертным последствиям чьих-либо дел была бы «благом для нечестивца». Современные авторы, такие как Алан Харрингтон (Harrington, 1969) и Эрнст Бекер (Becker, 1973) подчеркивали, что массовое отрицание смерти ведет к общественным патологиям, которые имеют опасные последствия для человечества. Современные исследования сознания и, разумеется, мои собственные, подкрепляют эту точку зрения.

Сегодня неукротимая алчность, злобная агрессивность в сочетании с наличием оружия массового поражения угрожает самой жизни на нашей планете. Ввиду серьезности сложившегося положения людям следует непредвзято рассматривать любое средство, которое дает хоть какую-то надежду. Хотя я не утверждаю, что это достаточная причина для некритичного и неразборчивого приятия всех сведений, наводящих на мысль о сохранении сознания после смерти, но, тем не менее, нынешний глобальный кризис должен стать дополнительной побудительной причиной для проверки существующих данных, лишенной всякой предвзятости и выдержанной в духе истинной научности. То же самое относится и к мощным технологиям переживания, вовлекающим холотропные состояния сознания, которые дают возможность встретиться лицом к лицу со страхом смерти и могут в дальнейшем способствовать глубоким благоприятным переменам личности и духовному раскрытию. Коренное внутреннее преображение и восхождение на новый уровень сознания — это, быть может, единственная реальная надежда, которая у нас есть при современном глобальном кризисе.

5. КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА

Как появилась наша Вселенная? Является ли мир, в котором мы живем, продуктом механических процессов, включающих в себя лишь неодушевленную, инертную и реактивную материю? Может ли все материальное объясняться исключительно в переводе на язык основных структурных элементов и объективных законов, управляющих их взаимодействием? Или она увлекает силы и начала, которые ускользают от подобных описаний? Действительно ли мы имеем убедительные свидетельства того, что высшее космическое начало соучаствует в творении и развитии космоса?

С незапамятных времен люди задавались подобными, главными для них вопросами. Они превосходят те психологические и психиатрические проблемы, которые исследуются в этой книге и проникают далее,

охватывая философские, метафизические и духовные измерения нашего существования.

Но и другие вопросы преследуют род человеческий. Как, к примеру, мы можем примириться с такой дилеммой, как конечность пространства и времени, с одной стороны, и вечность и бесконечность, с другой? Где во Вселенной источник порядка и смысла? Каковы взаимосвязи между жизнью и материей, между сознанием и головным мозгом? Как можно объяснить существование зла и его неодолимое присутствие во всеобщем положении вещей? Ограничено ли наше существование только одной жизнью, охватывающей период от зачатия до смерти, или же наше сознание сохраняется после биологической кончины и переживает долгую череду последующих воплощений? И, возможно, самый насущный вопрос: какие практические последствия для нашей обыденной жизни влекут за собой подобные вопросы и ответы на них?

Исследования холотропных состояний создавало видение действительности, которое оказывалось в остром противоречии с картиной мира и философией материалистической науки. Оно рисовало Вселенную как сотворенную и пронизанную высшим космическим разумом, Безусловным Сознанием или Мировым Умом. Мои действительные переживания и наблюдения наталкивали на далеко идущие параллели с великими мистическими традициями мира, для обозначения которых Олдос Хаксли употреблял понятие «вечная философия». Они также удивительно совмещались с революционными прорывами современной науки, о которой обычно говорят как о «новой или появляющейся парадигме».

Высшее космическое начало

Люди, вовлеченные в целенаправленное самоосвоение с использованием холотропных состояний, неоднократно описывали это как философский и духовный поиск. Поскольку подобные описания наводили на мысль о цели или конечном предназначении, я начал поиск таких переживаний, которые приводили бы к подобному завершению, в отчетах о психоделических и холотропных сеансах, а так же в рассказах людей, претерпевавших духовные обострения. Люди, у которых было переживание Безусловного, полностью удовлетворявшее их духовную жажду, как правило, не видели конкретно представимых изображений. Их описания высшего начала оказывались необычайно абстрактными и поразительно схожими.

Сияющее божественное

Те, кто рассказывал о переживании Высшего, говорили, что оно превосходит все границы анализирующего ума, все рассудочные категории и все ограничения обычной логики. Их переживания не были связаны трехмерным пространством и линейным временем. Оно также содержало в себе в неразделимом единстве все постижимые противоположности и, таким образом, превосходило двойственности любого рода.

Раз за разом люди сравнивали Безусловное с сияющим источником света невообразимой силы, хотя и подчеркивали, что этот свет отличается по некоторым своим знаменательным качествам от любого света, известного нам в материальном мире. При попытке описать Безусловное как свет, как бы это ни казалось в некотором смысле подходящим, целиком упускаются из виду некоторые из его неотъемлемых характеристик, в

частности, то обстоятельство, что высшее космическое начало также является безмерным и бездонным полем сознания, обладающим бесконечной разумностью и творящей силой.

Высшее космическое начало может переживаться двумя разными способами. Иногда все личные границы размываются или резко сглаживаются и мы всецело поглощаемся божественным истоком, становясь с ним единым и неотличимым от него. В иных случаях у нас сохраняется чувство отделенной самобытности, принимающей роль изумленного наблюдателя, лицезреющего как бы извне *mysterium tremendum* * сущего. Или, как некоторые мистики, мы можем переживать исступление восхищенного влюбленного, переживающего встречу с Возлюбленной. В духовной литературе всех эпох в изобилии встречаются оба вида переживаний божественного.

* Тайна, повергающая в трепет (лат). — Прим. пер.

Пустота

Встреча с Безусловным Сознанием или отождествление с ним — не единственный путь переживания высшего начала в космосе или последней действительности. Второй путь может показаться особенно удивительным, так как оказывается, что это переживание не имеет никакого конкретного содержания. Это отождествление с Космической пустотностью или небытием описывается в мистической литературе просто как Пустота. Конечно же, не каждое переживание пустоты, с которым мы можем встретиться в холотропных состояниях, расценивается как Пустота. Ибо люди очень часто пользуются этим понятием, чтобы описать неприятное ощущение отсутствия чувств, желания деятельности или смысла. Для того чтобы удостоиться наименования Пустоты, это состояние должно отвечать совершенно особым условиям.

Мы переживаем Пустоту как изначальную бессодержательность космических соотношений и соразмерностей. Мы становимся чистым сознанием, осознающим это безусловное небытие, однако в то же самое время у нас есть странное парадоксальное чувство ее неотъемлемой полноты. Космический вакуум — это также и пленум (то есть пространство, заполненное веществом), так как, кажется, ничего в нем не отсутствует. И хотя в конкретном проявленном виде в нем не предстает ничего, но, кажется, в скрытом виде содержится все. Так переживание Пустоты позволяет нам превосходить обычную противоположность между пустотой и видом, или сущим и не сущим. Такое понимание не может быть доподлинно передано словами, однако, должно быть пережито и воспринято.

По сообщениям тех, кто ее переживал, Пустота превосходит обычные категории пространства и времени. Она неизменна и всегда вне противоположностей, таких как свет и тьма, добро и зло, покой и движение, микрокосм и макрокосм, мука и исступление, единичность и множественность, вид и безвидность и даже сущее и несущее. Некоторые называют ее «сверхкосмической» или «метакосмической» Пустотой, указывая, что это исконное небытие выступает как начало, лежащее в основе известного нами мира явлений и одновременно, его сверхпредопределяющее. Этот метафизический вакуум, чреватый возможностями всех вещей, является, выступая как колыбель всякого существа, первичным истоком сущего. И согласно этой парадигме творение

всех явленных миров является исполнением и конкретным воплощением его предсуществующих естественных возможностей.

Определение бесконечного

Высшее начало может непосредственно переживаться в холотропных состояниях сознания, но оно ускользает от любой попытки точного описания и объяснения. Ибо язык, которым мы пользуемся, чтобы сообщать о вещах повседневной жизни, просто не годится для подобной задачи. И индивиды, у кого были подобные переживания, единодушны в том, что оно невыразимо. Слова и сам строй нашего языка мучительно непригодны как орудия для описания природы и размерности этого начала, особенно, если пытаться объяснить это переживание тем, у кого его не было. Когда наши переживания затрагивают крайние вопросы сущего, такие как Пустота, Безусловное сознание и творение, и мы пытаемся передать кому-то наши озарения, обыденный язык оставляет нас безоружными.

Те, кто знаком с восточными философиями, часто для этой цели прибегают к понятиям, заимствованным из различных азиатских языков: санскрита, тибетского, китайского или японского. Эти языки развивались в чрезвычайно изысканных по сравнению с западными духовных культурах. Ведь в них существует множество понятий, созданных для описания тонкостей мистического переживания. Но, в конце концов, и эти слова могут быть поняты только теми, кто пережил это состояние.

Поэзия, хотя и является хоть далеко не совершенным орудием, видимо, оказывается более подходящим средством для передачи сути духовного переживания и превосходящей действительности. По этой причине многие великие духовидцы и духовные учителя пользовались поэтической формой для передачи своих мистических озарений. И многие люди, у которых были превосходящие состояния, часто прибегают к зачитыванию отрывков из произведений поэтов-духовидцев.

Ход творения

Что же побудило божественное творящее начало к порождению переживаемых миров? Одна категория озарений, проявляющихся в холотропных состояниях сознания, подчеркивает изумительное внутреннее богатство и непостижимые творческие возможности Безусловного Сознания. Другая группа откровений настаивает, что в ходе творения Безусловное Сознание стремится к чему-то, чего ему не доставало и что у него отсутствовало в его исконном былом состоянии. С точки зрения обыденной разумности, эти озарения могут показаться противоречащими друг другу. В холотропных состояниях это противопоставление, однако, снимается и два видения могут легко сосуществовать.

«Зачем» творения

Порыв к творению зачастую описывается как стихийная сила, отражающая невообразимое внутреннее богатство и избыточность божественного. Творящий космический исток настолько неохватен и переполнен беспредельными возможностями, что не может сдержать себя. Он должен полностью выразить все свое могущество. Эта тяга к самовыражению также побуждается жадой Мирового Ума полностью познать самого себя. Что может быть сделано только путем выражения вовне и проявления всех своих скрытых возможностей в виде настоящего

творящего действия, то есть путем расщепления самого себя на познающее и познаваемое. И потому ход творения требует разделения на субъект и объект, наблюдателя и наблюдаемого.

Мы часто слышим о веселье, довольстве собой и космическом юморе Творящего. Эти стихии лучше всего были описаны в древних индуистских сочинениях, которые говорят о Вселенной и о Сущем, как о *липе*, или божественной игре. В соответствии с подобным взглядом творение — это чрезвычайно сложная, вычурная игра, которую божественное начало — Брахман создает из себя и внутри себя.

Творение также может быть невероятным опытом, в котором выражается необъятная любознательность Безусловного Сознания. Мы можем взглянуть на него как на страсть, подобную увлеченности ученого, посвящающего свою жизнь исследованиям. Некоторые холотропные озарения, связанные с поводом к творению, выделяют также его эстетическую сторону. С этой точки зрения, мир, в котором мы живем, и все переживаемые действительности в других измерениях также проявляются как конечные творения искусства, и порыв к их созданию может быть приравнен к вдохновению и творческой страсти высочайшего художника.

Описываемые до сих пор озарения отражают льющееся через край изобилие, богатство, полную самодостаточность и совершенное мастерство космического творящего начала. Но некоторые субъекты, связывали силы, лежащие в основе творения, скорее с некоторым ощущением неполноценности, нехватки или нужды. Например, может открыться, что, несмотря на необъятность и совершенство своего бытийного состояния, Безусловное Сознание осознает то, что оно одно.

Это одиночество находит свое выражение в бездонной тоске по участию, общению и сопереживанию — в своего рода божественном томлении. И потому самая могущественная сила, таящаяся за творением, описывается, как стремление творящего начала дарить и получать любовь. В других сеансах, люди ощущали исконное пристрастие божественного истока к переживаниям, которые являются характерной чертой осязаемого, материального мира. Согласно подобным озарениям в Духе существует глубочайшая потребность переживать то, что противоположно и противно его собственному естеству. Он нуждается в том, чтобы освоить все свойства, которых не было в его первоначальном естестве, и стать всем тем, чем он не является. Сам будучи вечным, бесконечным, безграничным, бесплотным, он томится по мимолетному, непостоянному, ограниченному пространством и временем, плотскому, осязаемому, телесному.

Другим важным «побуждением» к творению, которой упоминается время от времени, выступает стихия однообразия. Каким бы безмерным и восхитительным ни могло показаться переживание божественного со стороны человека, для божественного оно всегда истое, то же самое, и в этом смысле однообразное. И в таком случае творение может видаться как исполинское усилие, выражающее превосходящее томление по перемене, поступку, движению, событию, по неожиданному.

Все, кому посчастливилось пережить случаи столь глубокого проникновения в космическую мастерскую творения, кажется, единодушны в том, что все, что можно было бы сказать об этом уровне действительности, никоим образом не может воздать должное тому, чему они были свидетелями. Поразительный порыв невообразимой широты,

ответственный за творение явленных миров, по всей видимости, включает в себя все изложенные нами «побуждения», какими бы противоречивыми и парадоксальными они не могли показаться нашему обычному восприятию и здравому смыслу. Ясно, что, не смотря на все наши попытки постичь и описать творение, природа творящего начала и хода творения остается окутанной непостижимой тайной.

«Как» творения

Как мы видели, холотропные сеансы часто приносят озаряющие догадки и проникновение в то, «почему» творение произошло. Но говорят ли они о конкретных движущих силах и механизмах творящего действия, о «как» творения? Как технология сознания порождает переживания с различными характерными свойствами? И как она посредством методичной и слаженной оркестровки органов чувств создает виртуальные действительности? Ответы на поставленные вопросы различаются в отношении подробностей, языка и метафор, обыкновенно применяемых для того, чтобы пояснить их наглядно, и все-таки в описании высшего творящего действия все время выделяются два взаимосвязанных и взаимодополняющих действия.

Первое из них — это сложная последовательность делений, дроблений и различений, расщепляющая изначальное неразличимое единство Безусловного Сознания на бесконечное число производных единиц сознания (очень напоминающее то, как делится клетка). Конечным продуктом оказываются ряды переживаемых миров, каждый из которых содержит бессчетное количество отдельных единиц. Они, в свою очередь, наделены конкретными видами сознания и обладают избирательным самоосознаванием. Кажется, у тех, кто был сопричастен этому действию, существует общее единоедушие относительно того, что каждая из этих сущностей и миров является осколком изначального нераздельного поля космического сознания. Таким образом, божественное творит не что-то внешнее себе, а лишь превращает собственное бытие в мириады мировых явлений.

Второй важной составляющей в ходе творения является особый вид отделения, разобщения или забвения. Единицы сознания, созданные Вселенским Умом, постепенно все более и более утрачивают соприкосновение со своим изначальным истоком, а также осознание своего бывшего исконного естества. В результате в них также развивается ощущение индивидуальной самобытности и безусловной отделенности друг от друга. На последних стадиях этого движения между отделившимися единицами, между каждой из них, и изначальным неразличимым единством Безусловного Сознания возникают неуловимые, но относительно непроницаемые завесы.

Взаимосвязь между Безусловным Сознанием и его частями необычна, сложна и не может быть понята с точки зрения привычного мышления и обычной логики. Наш здравый смысл говорит нам, что часть одновременно не может быть целым, и что целое, будучи составленным из частей, должно быть больше, чем любая из его составляющих. Но в контексте Вселенной отдельные единицы сознания превосходят самобытность и различия, оставаясь, по сути, тождественными и своему истоку, и друг другу. Их природа парадоксальна — они одновременно и целое, и части.

Озарения в холотропных состояниях сознания рисуют сущее как изумительную игру космического творящего начала, которое превосходит время, пространство, последовательную причинность и противоположности любого рода. С этой точки зрения, явленные миры, включая материальный мир, оказываются виртуальными действительностями, порожденными технологией сознания — бесконечно сложной оркестровкой переживаний. Эти миры существуют на множестве различных уровней, простираясь от нераздельного Безусловного Сознания до богатейшего пантеона архетипических существ и бесчисленных индивидуальных единиц, составляющих мир материи.

Пути воссоединения

Ход последовательных делений, сочетающийся со всевозрастающим отчуждением, представляет собой только одну половину космического круговорота. Озарения в хо-лотропных состояниях обнаруживают в сознании такие события, которые отражают ход в противоположном направлении, от миров множественности и разделения к усиливающемуся размыванию границ и слиянию в гораздо большие целостности.

Подобные космические движения, разделяющее и воссоединяющее, были описаны в различных духовных и философских системах. Например, Плотин, основоположник неоплатонизма, говорил о них как об истечении (efflux) и о течении вспять (reflux). На Востоке сходные представления находят свое наиболее ясное выражение в сочинениях индийского мистика и философа Шри Ауробинодо. Он говорит о них как об «инволюции и эволюции сознания». Современное изложение движения нисходящего и восходящего в космическом действии можно найти в работах Кена Уилбера.

В соответствии с озарениями в холотропных состояниях вселенское действо предоставляет собою не только бессчетное число возможностей для становления отдельного индивида, но равным образом также и ряд богатейших, изумительнейших возможностей для размывания границ и для возвращения в переживании к истоку. Воссоединяющие переживания дают возможность индивидуальным монадам сознания преодолеть отчуждение и освободиться от наваждения своей отделенности. В ходе превосхождения того, что раньше казалось безусловными границами, и вытекающего из него поступательного соединения создаются все большие и большие единицы переживания. В своих крайних пределах это действо растворяет все границы и становится причиной воссоединения с Безусловным Сознанием. Эти слияния происходят в различных видах и на многих уровнях, создавая общий кругообразный рисунок космического танца.

Различные виды переживаний единения

Непроизвольные переживания космического единения

чаще всего возникают, когда мы открываемся чудесам природы или художественным творениям необычайной красоты, будь то музыкальные шедевры, великие произведения живописи и скульптуры или архитектура. Другими источниками воссоединяющим, переживаний являются атлетическая деятельность, сексуальное соитие, а у женщин роды и кормление грудью. Как мы уже говорили, они также могут быть вызваны посредством большого разнообразия древних, туземных и современных «технологий священного».

Хотя воссоединяющие переживания вероятнее всего случаются в

положениях благоприятных, эмоционально значимых, они также могут происходить и в обстоятельствах, которые в высшей степени неблагоприятны, угрожают жизни и чрезвычайно опасны. В этом случае сознание Я скорее разбивается и подавляется, нежели растворяется и превосходитесь. Это происходит во время жесткого острого или хронического стресса, во время сильного эмоционального или физического страдания или в моменты, когда целостность или жизнь тела находятся под серьезной угрозой. Многие люди (открывают мистические царства в моменты околосмертных переживаний, происходящих во время аварий, ранений, опасных заболеваний или хирургических операций.

Традиционные психиатры, как мы убедились, не отличают мистицизм от психоза. Поэтому они рассматривают воссоединяющие переживания как проявления душевной болезни. Заслуга в доказательстве того, что это серьезное заблуждение, принадлежит Абрахаму Маслоу, основателю гуманистической и трансперсональной психологии. При изучении многих сотен индивидов он выяснил, что эти «вершинные переживания» являются скорее сверхнормальными, нежели ненормальными феноменами. Он обнаружил, что при благоприятствующих обстоятельствах они могут приводить к более высокому уровню эмоционального и физического здоровья и вести к самоосуществлению или самоисполненности.

«Табу на знание того, кто ты»

Если правда то, что наше глубиннейшее естество божественно, и что мы — подобие творящего начала Вселенной, то каким образом объяснить прочность нашей уверенности в том, что мы — просто существующие в материальном мире физические тела? Какова же тогда природа этого основополагающего неведения относительно нашей подлинной самобытности, той таинственной пелены забвения, которую Аллан Уотте называл «табу на знание того, кто ты»? Как могло случиться, чтобы бесконечная и вечная духовная сущность сотворила из себя и в себе самой чувствующих существ, которые переживают себя отдельными и от своего истока, и друг от друга? Как могло стать, чтобы все действующие в мировых событиях были окутаны наваждением веры в объективное существование их собственной призрачной действительности?

Самое подходящее объяснение, которое мне довелось услышать от людей, с которыми я работал, говорило, что космическое творящее начало пленяется собственным совершенством. Для того чтобы осуществить наилучшие свои возможности для приключений в сознании, божественная игра должна породить переживаемые действительности, включая, разумеется, и призрачность материального мира.

Чтобы отвечать выполнению задачи, ради которой они созданы, эти действительности должны быть убедительными и правдоподобными во всех своих мельчайших подробностях.

В качестве примера мы можем вспомнить о таких видах художественного творчества, как театр или кино. Порой спектакли и кинофильмы могут быть столь совершенными, что заставляют нас забыть, что события, очевидцами которых мы являемся, призрачны, но мы откликаемся на них, как будто они происходили в действительности. И точно так же актер или актриса могут, на время потеряв свою самотождественность, слиться с героями, которых они изображают.

Мир, в котором мы живем, проявляет множество характеристик, таких как множественность, наличие противоположностей, плотность и вещественность, изменчивость и непостоянство, которые у Безусловного Сознания в его чистом виде отсутствуют. Вот почему оно создает репродукции материальной действительности, наделенные «недостающими» свойствами, выполненные с таким художественным и научным совершенством. На языке кабалы об этом говорится, что «людям надобен Бог, и Богу надобны люди».

Призраки осязаемого мира столь убедительны, что отсоединившиеся единицы Мирового Ума (включая и нас) ошибочно принимают его за действительность. В крайнем выражении своей искусности они на самом деле столь цельны, что представляют себя и в виде атеиста, и в виде истинно верующего, внося доводы не только против своей причастности творению, но и против самого своего существования.

Совершенная призрачность

Одной из главных уловок, помогающих создавать призрак обычной материальной действительности, выступает существование заурядного и безобразного. Если бы мы все

были сияющими бесплотными существами, черпающими свою жизненную энергию непосредственно от солнца и живущими в мире, где все земли выглядят как Гималаи или нетронутые острова Тихого океана, нам было бы очевидно, что мы являемся частью божественной действительности. Точно так же, если бы все строения нашего мира выглядели как райская долина Запада или Шартрский собор и нас окружали скульптуры Микелеанжело, если бы свежий ветерок доносил до нас музыку Бетховена или Баха, то божественная природа нашего мира легко была бы различима.

Но вместо этого у нас есть физические тела со всеми их выделениями, жидкостями, запахами, несовершенствами, патологиями и пищеварительный тракт со всем его отвратительным содержимым. Мы рыгаем, блюем, пускаем газы, какаем и писаем. Само тело человека в конце концов обратится в прах. Все эти неприкрытые факты затемняют и путают наш поиск божественного. Мы обнаруживаем, что, помимо наших собственных тел весь мир загажен. Это свалки, загрязненные городские территории, дурно пахнущие туалеты с непристойными надписями, городские гетто и миллионы притонов. Существование зла и то обстоятельство, что само естество жизни — хищничество, делает подобный поиск для средней личности почти невозможным. А для образованных представителей Запада картина мира, созданная материалистической наукой, — дополнительное серьезное препятствие.

Божественная игра — это не какая-то полностью замкнутая система, ибо она дает своим участникам возможность открыть истинную природу творения, включая их собственное высокое положение в космосе. Однако, чтобы сделать возможность божественного воссоединения еще более маловероятной, все пути, ведущие в этом направлении, преисполнены серьезных трудностей, опасностей и непредвиденных обстоятельств. Любая возможность духовного раскрытия, как правило, сопровождается действием самых разнообразных противоположных сил.

Некоторые из внутриспсихических препятствий на пути к освобождению

достаточно трудны и опасны, чтобы отпугнуть не очень храбрых и решительных искателей. К ним относятся встречи с архетипическими силами тьмы, страх смерти и призрак безумия. Еще более затруднительными являются помехи и вмешательства, идущие из внешнего мира. В Средние века многие люди, у которых были непроизвольные мистические переживания, подвергались опасности пыток, судилищ и казней инквизиции. В наши дни ярлыки «психиатрически больные» и драконовские терапевтические меры заменили обвинения в колдовстве, пытки и аутодафе.

Материалистический сциентизм XX столетия высмеивает и объявляет патологией любое духовное усилие, сколь ни было бы оно обоснованным и современным по духу. Влияние, которым пользуется в современном обществе материалистическая наука, чрезвычайно осложняет возможность относиться к мистицизму серьезно, а тем более следовать путем духовного раскрытия. Вдобавок догматы и деятельность основных религиозных конфессий Запада склонны затемнять то обстоятельство, что единственное место, где может быть обнаружена истинная духовность — это душа человека. Вместо того, чтобы помочь нам соединиться с божественным, организованная религия может действовать скорее как помеха любому серьезному духовному поиску, и это хуже всего.

Технологии священного, выработанные в различных туземных культурах, были отброшены на Западе как плоды магического мышления и примитивные предрассудки дикарей. Отвержение духовного поиска конформистским большинством было затем подкреплено и узаконено злоупотреблением различными мистическими средствами. К примеру, духовные возможности сексуальности, которые находят свое выражение в тантре, были легко извращены сложившимися представлениями о сексе как мощном животном инстинкте. Если ответственно и разумно использовать психоделики, то они могут широко распахнуть врата в надличностное измерение. Однако вскоре вслед за пришествием психоделиков последовало безответственное неодухотворенное злоупотребление этими соединениями, что повлекло законодательные решения, порожденные одновременно страхами безумия и генетических нарушений, и сделало этот путь воссоединения очень трудным и хлопотным.

Вопрос о добре и зле

Одна из задач духовного странствования, требующая наибольшего напряжения сил, — прийти к признанию существования зла. Глубокие переживательные озарения в различные виды предельной действительности наводят на мысль, что зло является существенной составляющей в космическом действии. Так как космическое творение — это творение из ничего (*creatio ex nihilo*), то оно должно быть симметричным. Эта основная парадигма гласит, что все, что возникает в сущем, должно уравниваться своей противоположностью. С этой точки зрения существование противоположностей любого рода есть необходимая предпосылка творения явленных миров.

Ранее также упоминалось, что одним из «побуждений» к творению, видимо, была «нужда» творящего начала узнать себя, так чтобы «Бог мог узреть Бога» или «лик мог увидеть лик». И если божественное творит, чтобы освоить собственные возможности, то невыражение полного ряда этих возможностей означало бы неполноту самопознания. И если

Безусловное Сознание является также верховным художником, испытателем и изыскателем, то богатство творения было бы подточено и испорчено, если бы были упущены некоторые значимые альтернативы. Ведь художники не ограничивают свои темы передачей того, что прекрасно, высокоморально и возвышенно. Они изображают любые стороны жизни, которые могут дать интересные образы или обещают захватывающие сюжеты.

Существование теневой стороны творения усиливает его светлые стороны, обеспечивая сопоставление и придавая необычайную яркость и глубину событиям Вселенной. Столкновение между добром и злом во всех сферах и на всех уровнях существования является неисчерпаемым источником вдохновения для захватывающих событий. Один ученик однажды спросил Шри Рамакришну, величайшего индийского провидца, святого и духовного учителя: «Свамиджи, почему в мире есть зло?». Немного подумав, Рамакришна ответил: «Чтобы завязать сюжет».

Зная о характере и размахе существующих в мире страданий, мы могли бы воспринять такой ответ как циничный. Трудно вообразить творящую силу, допускающую страдания миллионов детей, умирающих от голода, безумие войн, происходящих на протяжении всей истории, страдания бесчисленных жертв пыток и казней и опустошительные последствия стихийных бедствий, — лишь для того, чтобы «завязать сюжет». Однако если мы проведем мысленный эксперимент, представив на миг, что мы изъяли из вселенского устройства все, что мы считаем плохим или злым, например, болезни или насилие, мы начнем видеть эти вещи иначе. И скоро нам станет ясно, что такое действие по моральному оздоровлению также устранило многое из того, что мы чрезвычайно ценим и чем дорожим: медицину и всех тех, кто посвятил свои жизни облегчению человеческих страданий, героизм борцов за свободу и торжество победы над злыми силами, а также произведения искусства, вдохновленные борьбой добра со злом. Столь решительная ликвидация вселенской тьмы лишило бы творение своей безмерной глубины и богатства и привело бы в конце концов к тому, что мир стал бы чрезвычайно блеклым и неинтересным.

Такой подход к этическим вопросам может вызывать очень сильное беспокойство, несмотря на то, что основывается он на необычайно убедительных личных переживаниях, обретаемых в холотропных состояниях. Практические же трудности становятся очевидными, как только мы пытаемся применить его к нашей повседневной жизни и поведению. Как могло бы показаться на первый взгляд, рассмотрение материального мира как виртуальной действительности и уподобление существования человека кинофильму опошляет жизнь и высвечивает всю глубину человеческого ничтожества. Может даже показаться, что подобная точка зрения отвергает серьезность человеческого страдания и воспитывает отношение циничного безразличия, при котором ничто не имеет значения. Сходным образом и признание зла неотъемлемой частью творения, и видение его относительности легко могли бы рассматриваться как оправдание приостановки действия любых этических ограничений и ничем не ограниченного преследования эгоистических целей. А кроме того, все это могло бы выглядеть и как подрыв любой попытки деятельно бороться в мире со злом.

Но здесь мы вновь должны принять во внимание то обстоятельство, что превосходящие озарения относительно добра и зла сопровождаются новым

и более глубоким пониманием нашего собственного участия в их творении. Личные переживания, как правило, открывают важные биографические, околородовые и надличностные источники насилия и алчности в нашем бессознательном. Сосредоточивая психологическую работу в этой области, мы значительно снижаем свою враждебность и возвращаем терпимость.

Действительное переживание показывает нам, что осознание пустоты всех видов прекрасно совмещается с подлинной любовью и признанием. Мы также переживаем надличностное отождествление с различными сторонами творения, что ведет к глубокому благоговению перед жизнью и сопереживанию всем чувствующим существам. Таким образом, то же самое действо, через которое нам открывается бессодержательность видов и относительность этических ценностей, также одновременно учит нас, что любовь и сострадание необходимы для уменьшения нашей склонности к безнравственному и недружелюбному поведению.

- У нас развивается новая система ценностей, которая основывается не на общепринятых нормах, предписаниях, заповедях и боязни наказания, а на нашем знании и понимании вселенского устройства. Мы осознаем, что являемся неотъемлемой частью творения, и что- причиняя боль другим, мы причиним ее себе. Вдобавок, глубокое самоосвоение ведет в переживании к открытию перевоплощения и закона кармы. И это дает нам тонкое понимание того, что существует возможность серьезного переживания отдаленных последствий вредоносных поступков, включая и такие, за которые не предусматривается общественного воздаяния.

Вступление в космический танец

Для многих религий верный способ справиться с тяготами жизни — приуменьшить значение земной юдоли и сосредоточить на царствах превосходящего. С такой точки зрения материальный мир является низшей С'ферой, которая несовершенна, нечиста и подвержена страданию и невзгодам. Эти религии советуют перевести свое внимание и интерес с материального мира на другую действительность. С их точки зрения, физическая действительность — это юдоль плача, а существование во плоти — проклятие или трясина смерти и перерождения.

Эти религии дают своим преданным последователям обещание более желанного мира или более удовлетворяющего состояния сознания в потустороннем. В более простых видах народных верований это различные виды блаженного рая или небес. Они становятся доступными после смерти тем, кто отвечал необходимым требованиям, установленным соответствующими теологиями. Для более утонченных и изощренных систем такого рода рай и небеса — это только стадии духовного странствования, а его конечным назначением является размытие границ личности и единение с божественным. Подвизающийся превращается в исконно чистую монаду, незагрязненную биологией, либо на самом деле погашает огонь жизни ради исчезновения в небытии. Однако другие духовные направления, напротив, воспринимают природу и материальный мир как содержание и воплощение божественного.

Холотропная перспектива поднимает некоторые вопросы относительно природы этих религиозных учений. Что можем мы обрести, удаляясь от жизни, уходя от материального уровня в превосходящие действительности? И наоборот, какова же ценность беззаветного принятия мира обыденной

действительности? И потом, что это за духовные школы, что определяют цель духовного странствования как растворение границ личности и воссоединение с божественным?

Те люди, кто действительно пережил в своих внутренних изысканиях отождествление с Безусловным Сознанием, понимают, что определение конечной цели духовного странствования как переживания единства с высшим началом сущего ставит серьезные вопросы, потому что единообразное Безусловное Сознание или Пустота представляют собою не только смысл духовного странствования, но также исток и начало творения. В божественном мы обнаруживаем начало, предоставляющее возможность воссоединения разделенного, но также силу, ответственную за распад и разделение изначального единства. Воссоединение с безусловным тогда влечет за собой также переживания истонного единства и изначального разделения как создающих само наше существование.

Практические шаги по мистической тропе

Общий строй космического действа вовлекает подвижное взаимодействие двух основополагающих сил. Одна из них центробежная (хилотропная, или направленная на материю), другая — центростремительная (холоотропная, или устремленная к целостности). Единообразное Космическое Сознание вызывает стихийное стремление создавать миры множественности, содержащие в себе бесчисленные отдельные существа. И, соответственно, наоборот, индивидуализированные единицы сознания, переживая свое разделение и отчуждение как болезненные и явные, испытывают острейшую нужду вернуться к истоку и воссоединиться с ним.

Если верно, что наша психика управляется этими двумя мощными космическими силами, хилотропной и холоотроп-ной, и что они находятся в изначальной борьбе друг с другом, то как нам по-настоящему достичь подлинного существования? И поскольку ни отдельное сущее, ни неразличимое единство сами по себе не являются полностью удовлетворительными, то какова же альтернатива?

Ясно, что отвергать воплощенное существование как более низкое и никчемное или пытаться бежать из него — не решение проблемы. Ведь мы установили, что миры переживаний, включая и мир материи, представляют собой не только нечто важное и высокоценное, но и необходимое дополнение к неразличимому состоянию творящего начала.

В то же время наши попытки достичь осуществления своих возможностей и душевного покоя обязательно провалятся и в любом случае обернуться против нас самих, если будут затрагивать только вещи и цели в материальном мире. Любое удовлетворительное решение, таким образом, должно охватывать и земное, и превосходящее измерения, как мир видов, так и Безвидное.

Материальная вселенная, какой мы ее знаем, предлагает виртуально неограниченные возможности необычайных приключений в сознании. Как воплощенные самости, мы можем быть очевидцами зрелища небес с мириадами его галактик и созерцать природные чудеса земли. Только в телесном виде и на материальном уровне нам дано влюбляться, наслаждаться исступлением полового соития, иметь детей, слушать музыку Бетховена или восхищаться живописью Рембрандта. Нам доступны

захватывающие проекты исследований таинственного прошлого — от древнейших цивилизаций и древнего мира до событий, связанных с первыми микросекундами Большого Взрыва.

Чтобы соучаствовать в феноменальном мире и быть способным переживать этот богатейший диапазон приключений, требуется некоторая степень отождествления со своей воплощенной самостью и принятие мира материи. Однако если наше отождествление с телесным Я остается безусловным, а наша вера в материальный мир, как единственную действительность не поколеблена, то невозможно со всей полнотой наслаждаться нашим соучастием в творении. Ведь с подобной точки зрения призраки личной незначительности, непостоянства и смерти могут полностью затмить благоприятную сторону жизни и лишить ее присущего ей пыла. Нам также приходится бороться с нашим разочарованием, связанным с тщетными попытками осуществить во всей полноте свои божественные возможности внутри ограничений материального мира.

Разрешение этой дилеммы лежит внутри нас самих. Неоднократные переживания холотропных состояний способствуют ослаблению нашей уверенности, что мы являемся «эго в оболочке из кожи». Мы продолжаем отождествляться с телом как Я ради осуществления практических намерений, но подобная направленность становится все более и более временной и игровой. И когда у нас создается на опыте достаточно глубокое знание надличностных измерений сущего, включая знание нашей собственной истинной самобытности и высокого космического положения, обыденная жизнь становится намного более легкой и вознаграждающей.

Пустота всяческих видов

По мере того как продолжается внутренний поиск, рано или поздно за всеми видами нам открывается естественная пустота. Как утверждают буддийские учения, знание вероятностной природы явленного мира и его пустоты помогает нам достичь освобождения от страданий. Это знание включает и признание того, что вера в любые отдельные Я в нашей жизни, включая и наше собственное, в конечном счете, является наваждением. В буддийских сочинениях о постижении непренной пустотности всех видов и вытекающем отсюда осознании того, что не существует никаких отдельных самостей, говорится как об *анатте*, буквально как о «не-я».

Осознание нашей божественной природы и непренной пустоты всех вещей, которые открываются нам в надличностных переживаниях, создают основания для некой над-структуры, которая может значительно помочь нам управляться с трудностями нашего повседневного существования. На этой основе мы можем полностью охватить переживание материального мира и наслаждаться всем, что он нам может дать: красотой природы, человеческими взаимоотношениями, любовью, семьей, произведениями искусства, спортом, кулинарными изысками и несметным множеством других вещей.

Однако, что бы мы ни делали, жизнь принесет нам и испытания, и препятствия, болезненные переживания и потери. И когда дела окажутся слишком уж тяжелыми, а положение бедственным, мы сможем обратиться к более широкому видению, которое открылось нам во внутреннем поиске. Связь с более высокими видами действительности и освобождающее знание *анатты* дают нам возможность выдерживать то, что иначе было бы

непереносимо.

Ведь способность успешно примирить и включить в себя эти две стороны жизни — радость и боль относится к самым возвышенным устремлениям мистических традиций. С помощью этого превосходящего осознания нам, может быть, удастся пережить во всей полноте весь спектр жизни или, как называл ее Грек Зорба, «полнейшую катастрофу».

6. ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ И ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Современный глобальный кризис

Без сомнения, двумя самыми мощными психологическими силами в человеческой истории были насилие и алчность. Число и степень зверств, совершенных ради этого на протяжении веков в мире, причем многие из них совершались к тому же во имя Бога, поистине невообразимо. Это общее движение продолжалось в неослабевающем виде и в XX столетии. На полях сражений второй мировой войны было убито двадцать миллионов человек и столько же мирных граждан.

Захватническая политика нацистской Германии и ужасы холокоста, сталинский террор, включая «архипелаг Гулаг», гражданский террор в коммунистическом Китае, южно-американские диктатуры, геноцид, устроенный китайцами на Тибете, и жестокости южно-африканского апартеида, войны в Корее и во Вьетнаме, резня в Югославии и Руанде — это только несколько примеров бессмысленного насилия, очевидцами которого мы являемся на протяжении последних восьмидесяти лет.

Человеческая алчность, которая зачастую разжигала эти насильственные действия, также нашла новые, менее открытые и ожесточенные виды своего выражения в философии и стратегии капиталистической экономики. При этой системе главное значение придается росту валового национального продукта, неограниченному, безжалостному расхищению невозобновимых естественных ресурсов, престижному потреблению и «запланированному устареванию товаров». Более того, многое в этой опустошительной экономической политике, которая к тому же имеет еще и катастрофические экологические последствия, направлено на производство вооружений, наращающих свою разрушающую силу.

В прошлом кровопролитно насилие и алчность имели трагические последствия для тех, кто прямо или косвенно был вовлечен в них, и причиняли много страданий. Однако эти исторические события не угрожали человеческому виду как целому и, разумеется, не представляли опасности для экосистемы и биосферы планеты. Даже после самых разрушительных войн природа была способна полностью восстановиться в течение нескольких десятилетий.

Но в XX веке такое положение изменилось коренным образом. Технологический прогресс, экспоненциальный рост производства, прирост населения и, главное, открытие атомной энергии навсегда изменили прежнее равновесие. Из-за смертельной способности человека к уничтожению сохраняющаяся склонность к разрешению проблем при помощи насилия серьезно угрожает существованию жизни на нашей планете.

Дипломатические переговоры, административные и законодательные меры, экономические и общественные санкции, военные вторжения и

другие подобные попытки приводят к незначительному успеху. Более того, подчас они порождают больше проблем, чем решают. Становится все более и более ясно, что такой подход обречен на провал, ибо невозможно облегчить глобальный кризис при помощи применения стратегий, которые коренятся в той же самой идеологии, которая его и породила. При тщательном рассмотрении оказывается, что наше нынешнее гибельное положение по природе своей духовно-психическое, ибо оно отражает уровень эволюции сознания человеческого вида. Именно поэтому трудно представить, что проблема могла бы быть разрешена без коренного внутреннего преобразования человечества в широком масштабе, а конкретно без его восхождения на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовного осознания.

Ключевая задача перемены

Задача воспитания у человечества совершенно иного набора ценностей и целей может казаться слишком нереалистичной и утопичной, чтобы давать какую-то определенную надежду. Если принять в расчет первостепенную роль насилия и алчности в человеческой-истории, то возможность превращения современного человечества в вид, способный на мирное сосуществование со своими собратьями, не говоря уже о других видах, разумеется, не выглядит слишком правдоподобной. Такая задача потребовала бы внушить людям глубинные нравственные ценности, чувствительность к нуждам других, принятие добровольной простоты и отчетливое сознание экологических императивов. И на первый взгляд, подобная задача кажется невообразимой даже для научно-фантастического кино.

Однако, хотя положение представляется очень серьезным и даже критическим, оно не столь безнадежно, как кажется. После более чем сорока лет исследования холотроп-ных состояний сознания я пришел к выводу, что теоретические представления и практические подходы, выработанные трансперсональной психологией, предлагают новые средства для преодоления кризиса, с которым мы все столкнулись. Кроме того, что эти идеи и подходы находятся в полном согласии с великими духовными философиями Азии и мировыми мистическими традициями, они также пытаются воссоединить духовность с новой западной научной парадигмой. Ведь как таковые они представляют собой соединение древней мудрости и переднего края научного мышления в индустриализированном мире.

Холотропные озарения, существенно важные для будущего планеты

Современные исследования сознания, трансперсональная психология и возникающая научная парадигма способны внести пять главных вкладов в исправление нынешнего глобального положения:

— Новый образ Вселенной и более приемлемое понимание человеческой души, заменяющее бихевиористские и фрейдистские подходы.

— Новое понимание корней пагубной агрессивности и насилия.

— Новое понимание природы алчности.

— Подходы к переживанию, способные облегчить благоприятное личностное преобразование и эволюционное развитие сознания.

— Более действенные и реалистические стратегии в решении

планетарного кризиса.

Новый образ Вселенной

В течение последних трех сотен лет в западной науке господствовала Ньютонново-картезианская парадигма. Но с недавних пор многие авторы отмечают, что эта модель послужила важнейшей причиной возникновения и развития планетарного кризиса. Ибо она изображает Вселенную как гигантскую полностью предзаданную мегамашину, управляемую механическими законами. Этот образ космоса как некой механической совокупности привел к убеждению, что он может быть надлежащим образом понят посредством его расчленения на части и последующего их изучения.

Возведя материю до положения главного начала во Вселенной, западная наука низвела жизнь, сознание и разум до степени ее случайных побочных продуктов. Поэтому люди ныне оказываются не более чем высокоразвитыми животными. К тому же, человеческий ум и природа существуют здесь в полном разделении. Подобное видение привело к признанию антагонизма, конкуренции и дарвиновского «выживания наиболее приспособившегося» как основополагающих догматов человеческого общества. Более того, определение органической и неорганической природы как бессознательной сделало оправданным ее хищническую эксплуатацию людьми, столь красноречиво превозносимую и аргументированную Фрэнсисом Бэконом.

В свою очередь, фрейдистский психоанализ изобразил пессимистическую картину человека как создания, чьей исконной побуждающей силой являются звериные инстинкты. И как доказывал сам Фрейд, если бы нас не контролировало Сверх-я (усвоенные родительские предписания и запреты) и страх воздаяния со стороны общества, мы все поголовно и без разбора убивали бы, воровали и вступали в разнузданные, беспорядочные половые отношения. Такой образ человеческого естества отменял взаимное дополнение, содействие, уважение людей, мирное сотрудничество и другие подобные вещи как выгодные на какое-то время изворотливые стратегии либо как утопические фантазии.

Нетрудно понять, каким образом подобные представления и система ценностей, с ними связанная, помогли созданию кризиса, перед лицом которого все мы оказались.

Слава Богу, в течение последних тридцати лет трансперсональная психология собрала убедительные доказательства в корне отличного понимания космоса, людей и души. И становится все более ясно, что сознание — это не продукт физиологических процессов, происходящих в головном мозге, а исконное качество сущего. Ибо Вселенная пронизана творящим разумом, а сознание неотторжимо вплетено в ее текстуру.

Более того, современные исследования сознания показали, что умозрительно-понятийные схемы традиционной психиатрии и психологии, низводящие психику человека до биологии, послеродовой биографии и фрейдовского индивидуального бессознательного, оказываются бездоказательными, недостоверными да и просто-напросто ложными и надуманными. Ведь в холотропных состояниях, таких как целенаправленная медитация, шаманские камлания, околосмертные переживания, психоделические сеансы, сильнодействующие виды терапии переживанием и произвольные духовно-психические обострения, психика расширяется намного дальше узких, навязанных ей границ. И как

мы уже убедились, люди способны превосходить действие бессознательного, в котором якобы господствуют животные инстинкты, связываясь с над-личностными сферами и тем, что можно было бы описать как «сверхсознательное».

В конечном счете индивидуальная психика оказывается соразмерна со всей полнотой сущего, а значит, человеческое естество является не звериным, но божественным. Подобное понимание само собою предполагает благоговение перед жизнью, сотрудничество и содействие, заботу о человечестве и планете как о целом, а также глубокое экологическое видение.

Понимание корней агрессивности и насилия

Исследование враждебного поведения началось с создания Чарльзом Дарвином эпохальной теории эволюции в середине прошлого столетия (Darwin, 1952). Его попытки объяснить человеческую враждебность из его животным происхождением породили такие умозрительные представления, как образ «голой обезьяны» Десмонда Морриса (Morris, 1967), идею Роберта Ардрея о «территориальном императиве» (Ardrey, 1961), о «триедином мозге» Пола Мак Лина (MacLean, 1973), и «себялюбивых генах» Ричарда Довкинса (Dawkins, 1976). Более изящные модели поведения были разработаны первопроходцами этологии, такими как Конрад Лоренц и Николаас Тинберген. Эти теории дополнили механистическое понимание инстинктов изучением ритуалистических и мотивационных составляющих (Lorenz, 1963, Tinbergen, 1965).

Тем не менее, утверждения о том, что человеческая склонность к насилию отражает нашу животную природу, остаются необубедительными и недостоверными. Ибо животные проявляют враждебность лишь, когда они голодны, защищают свою территорию или соперничают за право оставить потомство. В противоположность этому природа и размах человеческой жестокости — «пагубной агрессивности», по Эриху Фромму, — не имеет параллелей в животном царстве (Fromm, 1973). И когда стало ясно, что человеческая враждебность не является лишь инстинктом, разные психодинамические и психосоциальные теоретики начали выдвигать предположения, что это по своей сути может быть обученное поведение. Это направление зародилось в конце тридцатых годов с появлением монографии Долларда и Миллера «Разочарованность и враждебность» (Dollard, et al. 1939). Эти психодинамические теории пытались объяснить человеческую враждебность как реакцию на разочарование, дурное обращение и недостаток любви в младенческом и детском возрасте. Однако объяснения подобного рода терпят полнейшую неудачу при истолковании таких крайних видов индивидуального насилия, как преступления бостонского душителя, Джефффри Дагмера, или преступных групп, например убийства Шэрон Тейт или злодеяний во время тюремных бунтов и особенно, таких массовых общественных явлений, как нацизм, коммунизм, кровавые войны, революции, геноцид и концентрационные лагеря.

В последние десятилетия психоделическим исследованиям и глубинной психотерапии переживаний удалось пролить свет на вопрос о человеческой агрессивности. Стало очевидно, что корни этой загадочной и опасной стороны человеческой природы залегают намного глубже и являются более грозными, чем это предполагает традиционная психология. Однако эта работа открыла также и чрезвычайно действенные подходы, которые

способны обезвреживать и преобразовывать нашу предрасположенность к насилию. Стало ясно, что пагубная агрессивность не отражает истинного человеческого естества. Скорее, она происходит из бессознательных движущих сил, которые отделяют нас от нашей более глубокой самобытности. Когда мы достигаем надличностных областей, которые лежат за этой перегородкой, мы постигаем, что наша истинная природа является прежде всего божественной, а не звериной. Подобное открытие полностью соотносится с образом, описываемым в древнеиндийских Упанишадах словом *Таттвамаси*, означающим, что, в конечном счете, каждый из нас тождествен творящему началу Вселенной.

Околородовые источники насилия. Нет никакого сомнения, что пагубная агрессивность связана с травмами и разочарованиями в младенческом и детском возрасте. И тем не менее, современные исследования сознания открыли, что другие важные корни насилия лежат вне послеродовой биографии и связаны с травмой биологического рождения. Чрезвычайные обстоятельства, несущие угрозу жизни, боль и удушье, переживаемые в течение многих часов во время биологических родов, порождают сильную тревогу и убийственную агрессивность, которая остается накопленной в организме.

При конкретной связи человеческой «пагубной агрессивности» с биологическим рождением естественно встает вопрос: что же делает рождение человека отличным от рождения других млекопитающих, большинство из которых рождается сходным образом? Две важные причины делают рождение человека несравнимо более трудным, чем рождение животного: размер и форма человеческого черепа (отражающие беспрецедентное развитие головного мозга) и строение малого таза, связанное с прямохождением.

Кроме того, на эти физиологические препятствия в дальнейшем накладываются различные психологические и социальные воздействия, которые служат помехой естественным движущим силам рождения. Самыми значимыми среди них являются подавляющее воспитание, которое искажает отношение к рождению и к функциям воспроизводства, противоречивые чувства по поводу беременности, возникающие по причинам межличностного и социально-культурного характера, и вызывающая тревогу больничная атмосфера. Естественно, что ни одной из этих причин нет в сообществах животных или туземцев.

В дополнение к этому существует и теневая сторона великих преимуществ современного акушерства. Современные медицинские технологии могут спасти жизнь матери или ребенка, или обоих вместе после долгих часов трудных родов, которые в естественных условиях не могли бы закончиться бы удачно. И потому многие люди в западных индустриальных странах, кто после долгих часов угрожающих жизни родов был спасен в последний момент посредством хирургического вмешательства, несет в себе бессознательную запись необычайной травмы рождения, не имеющей аналогов ни в животном мире, ни в доиндустриальных культурах.

Когда в психотерапии переживания индивиды повторно проживают первоначальные чувства и ощущения травмы рождения, они, как правило, переживают ряд впечатляющих картин, изображающих различные виды

насилия. О переживаниях войн, революций, расовых бунтов, концентрационных лагерей, тоталитаризма и геноцида часто рассказывается во время околородовой проработки. Это непроизвольное появление социально-политических тем и озарений приводит нас к определенным выводам относительно задействованных психических движущих сил.

Разумеется, войны и революции — явления чрезвычайно сложные, имеющие историческое, экономическое, политическое, религиозное и иные измерения. Наше намерение заключается не в том, чтобы дать какое-то упрощенческое объяснение, но предложить некоторые догадки относительно психологических и духовных измерений этих событий, которые до этого не учитывались или не получали правильного истолкования.

Описываемые общественно-политические темы склонны появляться в конкретной связи с последовательными стадиями протекания рождения (БПМ). Пока субъект проживает эпизоды непотревоженного внутриутробного существования (БПМ-1), то он, как правило, переживает образы ранних человеческих сообществ с идеальной общественной структурой, культур, живущих в полной гармонии с природой (как на девственных островах Полинезии), или утопических обществ грядущего, в которых все основные проблемы уже разрешены. А нарушения во внутриутробных воспоминаниях, такие как отравленная матка, угроза выкидыша или попытки аборта, сопровождаются образами промышленных зон, где природа загрязнена и отравлена, или обществ со всепроникающей коварной опасностью и паранойей.

Другая картина возникает при возвратных переживаниях, относящиеся к первой клинической стадии рождения (БПМ-2), во время которой матка периодически сокращается, а шейка матки еще не раскрыта. Тут мы видим образы угнетающих и жестоких тоталитарных обществ с закрытыми границами, приносящих в жертву свое население и «удушающих» личную свободу, таких как царская или коммунистическая Россия, гитлеровский Третий Рейх и его концентрационные лагеря, южно-американские диктатуры и южно-африканский апартеид. Субъекты, переживающие эти картины ада для живых, отождествляют себя исключительно с жертвами и проникаются глубоким сочувствием к угнетаемым.

Переживания, сопровождающие проживание второй клинической стадии родов (БПМ-3), когда шейка матки расширяется и продолжающиеся сокращения проталкивают плод по узкому проходу родовых путей, содержат яркие зрелища неистовства: кровавые войны и революции, резня людей или забой скота, изувечивание, сексуальное насилие или убийства. Зачастую эти сцены содержат демонические составляющие и отвратительные скатологические мотивы. Их часто сопровождают видения горящих городов, запускаемых ракет и взрывов ядерных бомб. Субъект же может отождествлять себя и с жертвой, и с насильником или эмоционально вовлеченным наблюдателем.

Воспоминания, характеризующие третью клиническую стадию родов (БПМ-4), действительный момент рождения и отделения от матери, включают образы побед в войнах и революциях, освобождения узников, победного ликования и парадов либо успеха таких коллективных усилий, как патриотические движения и быстрое послевоенное восстановление.

Психоистория и корни насилия Я описывал связи общественно-

политических переворотов со стадиями биологического рождения в своей первой книге «Области человеческого бессознательного» (Grof, 1975). Вскоре после ее опубликования я получил письмо от Ллойда де Моза, нью-йоркского журналиста и психоаналитика. Де Моз — один из основателей психоистории — дисциплины которая применяет открытия глубинной психологии к истории и политической науке. Психоистория изучает, в частности, взаимосвязь между условиями, в которых проходило детство политических лидеров, их системой ценностей и принятием решений. Она также исследует, как влияют системы воспитания детей на характер революций в отдельные исторические периоды, и другие связанные с этим вопросы. Мои открытия, связывающие травму рождения с возможными политическими последствиями послужили базой для собственных исследований Ллойда де Моза.

В течение некоторого времени де Моз занимался изучением психологических особенностей периодов, предшествующих войнам и революциям. Его интересовало, как военным вождям удавалось мобилизовывать массы мирных граждан и превращать их практически за одну ночь в машины убийств. Его подход к этому вопросу был необычайно оригинальным и творческим. В дополнение к анализу традиционных исторических источников он черпал психологически значимые сведения из карикатур, шуток, сновидений, личных образных выражений, оговорок, побочных пояснений выступающих и даже мазни или каракулей на полях черновиков политических документов. К тому времени, как он связался со мной, он проанализировал семнадцать исторических положений, предшествующих началу войн и революционных переворотов, охватывающих многие столетия, начиная с античности и до настоящего времени.

Де Моз был поражен необычайным обилием оборотов речи, метафор и образов, относящихся к биологическому рождению, которое он обнаружил в этом материале (de Маше, 1975). Он открыл, что военные вожди и политики всех эпох описывали критическое положение или объявляли войну, как правило, используя слова, которые в значительной степени приложимы к страданию, связанному с рождением. Ведь они обвиняют врага в том, что тот нас «душит» и «удавливает», «выдавливает последнее дыхание из наших легких» или «зажимает» нас и «не дает нам пространства достаточного для жизни» (гитлеровское «лебенсраум»). Не менее часто встречаются намеки на темные пещеры, туннели, запутанные лабиринты, опасную пучину и угрозу поглощения или утопления. Знаменательно, что эти вожди и обещают разрешение кризиса используя околородовые образы: мы будем «спасены из зловещего лабиринта», нас «поведут к свету на другом конце туннеля», и после того как опасный захватчик и угнетатель будет побежден, «каждый снова сможет вздохнуть свободно».

Исторические примеры Ллойда де Моза включали и ссылку на то, как Сэмюел Адаме, говоря об американской революции, заявлял, что «дитя независимости борется сейчас за рождение». Он упоминает, как в 1914 году кайзер Вильгельм утверждал, что «монархия схвачена за горло и поставлена перед выбором: позволить задушить себя или на последнем дыхании предпринять отчаянное усилие и защитить себя от нападения». Во время Карибского кризиса Хрущев умолял Кеннеди, чтобы две страны не «столкнулись, как слепые кроты, которые дерутся насмерть в своей норе».

Еще более ясным было шифрованное послание японского посла Курусу, позвонившего в Токио, чтобы дать знак, что переговоры с Рузвельтом прервались, и дать добро на бомбардировку Перл Харбора. Он известил, что «рождение ребенка близко», и спросил, как шли дела в Японии: «Кажется, ребенок может родиться?» Ему ответили: «Да, кажется, ребенок родится скоро». Интересно, что американская разведка подслушивала и разгадала смысл шифровки: «Война как рождение».

Особенно ужасающим было использование родового языка в связи со взрывом атомной бомбы в Хиросиме. Самолету, несущему бомбу, дали имя матери пилота, Иноулы Гей, саму же атомную бомбу называли «малыш», и условным сообщением об успешном взрыве, посланном в Вашингтон, были слова: «Дитя родилось». Не будет большой натяжкой увидеть образ новорожденного и в названии бомбы, сброшенной на Нагасаки: «толстячок».

Со времени нашей переписки Ллойд де Моз собрал много дополнительных исторических подтверждений и укрепился в понимании того, что травма рождения играет важную роль как источник побуждений к общественной деятельности, несущей насилие.

Язык ядерной войны

Некоторые интересные разработки метафорики разрушения появились в статье Кэрол Кон, озаглавленной «Пол и смерть в рациональном мире интеллектуалов от обороны» (Cohn, 1987). «Интеллектуалы от обороны» — это гражданские лица, которые входят в правительство, иногда занимают посты как административные чиновники или консультанты, но чаще преподают в университетах или работают в «мозговых центрах». Они разрабатывают теоретические основы ядерной стратегии Соединенных Штатов, то есть теорию о том, как умело осуществлять тактику вооружения, предотвращать использование ядерного оружия, вести боевые действия в ядерной войне в случае, если устрашение не действует, и как разумнее объяснить общественности потребность в создании ядерного оружия.

Кэрол Кон участвовала в двухнедельном семинаре по вопросам ядерного вооружения, ядерной стратегической доктрины и контроля над вооружениями. Она была настолько захвачена тем, что там происходило, что провела весь следующий год, погружившись в мужской мир «интеллектуалов от обороны», где собрала чрезвычайно интересные сведения, подтверждающие наличие у создателей ядерных вооружений околородового измерения. Согласно ее терминологии, то, что она обнаружила, подтверждает значение мотива «мужского рождения» и «мужского творения» как важных побуждений, лежащих в основе психологии ядерной войны. Это положение предполагает, что мужчины, чье участие в создании новой жизни ограничивается половым актом, возмещают это сосредоточенностью на созидании в науке, технике и в искусстве. Эту идею прежде можно было обнаружить в оригинальной книге Отто Ранка, посвященной травме рождения.

Кон выяснила, что в 1942 году Эрнст Лоренс послал следующую телеграмму чикагской группе физиков, занимавшихся созданием атомной бомбы: «Поздравляю новых родителей. Едва могу дождаться повидать новорожденного». В статье «Лос Аламос из-под земли» Ричард Фейнман писал, что, будучи в отпуске в связи со смертью жены, он получил телеграмму, в которой говорилось, что дитя ожидается в такое-то и такое-

то число. В Лос Аламосе об атомной бомбе говорили как об «оппенгеймеровом дитяте».

В лабораториях Лоренса Ливермор водородную бомбу прозвали «теллеровым дитятей», хотя те, кто хотел умалить вклад Эдварда Теллера, утверждали, что он был не отцом бомбы, а ее матерью. По их заявлениям, настоящим отцом был Станислав Улам, который «зачал» бомбу, после чего Теллер ее только «вынашивал». Понятия, связанные с материнством в дальнейшем были перенесены и на «вскармливание» — обеспечение ракетоносителями.

Докладывая об первом успешном ядерном испытании, Генерал Гроув послал полное торжества зашифрованное телеграфное сообщение военному секретарю Генри Стимсону на Потсдамскую конференцию: «Доктор в невероятном восторге и уверен, что малыш такой же здоровяк, как и его большой братец». И хвастал: «Свет его очей различали отсюда до Хайхолда, а его крики я мог слышать отсюда и до самой своей фермы». Стимсон, в свою очередь, сообщил об этом Черчиллю, послав ему записку, в которой было написано: «Дети рождены удовлетворительно».

Уильям Л. Лоренс, будучи очевидцем испытания первой атомной бомбы, восторгался: «Большой грохот раздался примерно через сотню секунд после великой вспышки — первый крик новорожденного мира». Ликующая телеграмма Эдварда Теллера в Лос Аламос извещала об успешном испытании водородной бомбы «Майк» на атолле Эниветок Маршалловых островов: «Это мальчик». Как заключила Кэрол Кон, ученые-мужчины дают жизнь потомству, осуществляя предельное господство над женственной «матерью-природой».

Кэрол Кон в своей статье упоминала также об избытке в языке «интеллектуалов от обороны» откровенной половой символики. Природа этого материала, связывающего пол с агрессией, господством и скатологией, вызывает глубокое сходство с образностью БПМ-3. Например, зависимость Америки от ядерного оружия объяснялась как неопровержимая из-за того, что иначе «вы получите гораздо больше удовольствия на свою задницу». Вот объяснение одного профессора, почему ракеты MX должны помещаться в бункеры новейших ракет «Минитмен», вместо того чтобы заменять более старые и менее совершенные: «Вы же не собираетесь взять самую прекрасную ракету, которая у вас есть, и засунуть ее в вонючую дыру». А однажды выражалась серьезная забота о том, что «мы должны крепить наши ракеты, для того, чтобы у русских они были менее стоячими, чем у нас». А один консультант в Совете государственной безопасности разглагольствовал о «выпуске 70 или 80 процентов нашего мегатон-нажа на одну оргазмичную вамп».

Лекции были переполнены такими понятиями, как «стоящие торчком» пусковые установки, «коэффициент покрытия» тяговооруженностью, «мягкое высаживание», «глубокое проникновение и сравнительные преимущества пролонгированных», нежели «порывистых атак». Другим примером был популярный и широко распространенный обычай похлопывания и поглаживания ракет, практикующийся посетителями атомных подводных лодок, в котором Кэрол Кон видела выражение фаллического превосходства, а также гомоэротических наклонностей. И потому феминистская критика проведения ядерной политики как «зависти к ракете» и «фалло-почитания» кажется достаточно уместной.

Вынесение вовне образа врага

Еще одно подтверждение стержневой роли околородовой области бессознательного в психологии войны дает замечательная книга Сэма Кина «Лица врага» (Keen, 1988). Кин собрал и объединил в выдающуюся коллекцию военные плакаты, пропагандистские ролики и карикатуры разных стран и исторических периодов. Он наглядно показал, что способ, каким изображается враг во время войны или революции, представляет собою достаточно предсказуемый стереотип, который имеет мало общего с подлинными отличительными особенностями упоминаемой культуры.

Кин подразделил эти образы на несколько архетипических категорий, в соответствии с преобладающими в них характерными признаками, а именно: чужак, захватчик, достойный противник, безликий, враг Бога, варвар, прожора, преступник, мучитель, насильник, несущий смерть. Он доказывал, что создаваемые образы врага по существу являются проекциями вытесненных и неосознаваемых теневых сторон нашего собственного бессознательного. Хотя мы, конечно же, встречаемся в человеческой истории и со «справедливыми войнами», но те, кто начинают борьбу, как правило, замещают внешними целями те составляющие собственной психики, с которыми следовало бы, вообще говоря, столкнуться в личном самоосвоении.

Теоретическая схема Сэма Кина специально не включает околородовую область бессознательного. Однако анализ его изобразительного материала обнаруживает преобладание символических образов, которые характерны для БПМ-2 и БПМ-3. Враг, как правило, изображается как опасный спрут, злой дракон, многоголовая гидра, гигантский ядовитый тарантул или Левиафан. Другие часто используемые символы — злобные хищные кошки или птицы, чудовищные акулы и зловещие змеи, особенно гадюки или удавы. Картины, изображающие удушение или сдавливание, зловещие водовороты и зыбучие пески также изобилуют в рисунках времен войн, революций и политических кризисов. Когда же мы сопоставляем рисунки из холотропных состояний сознания, изображающие околородовые переживания, с историческим изобразительным материалом, собранным Ллойдом де Мозом и Сэмом Кином, то сразу становятся очевидными околородовые корни человеческого насилия.

Догадки и выводы, которые нам предоставляют необычные состояния сознания и психоистория, указывают, что каждый из нас несет в себе глубоко бессознательные, но все же могущественные энергии и чувства, связанные с травмой рождения, и именно эти силы мы еще не преодолели и не усвоили. Для некоторых из нас эта сторона нашей психики будет оставаться полностью бессознательной до тех пор, пока мы сами не займемся каким-либо видом всестороннего и тщательного самоосвоения, например, при помощи холотропного дыхания или ребефинга. Но другие люди тоже в той или иной степени могут осознавать чувства или физические ощущения, скопившиеся на околородовом уровне бессознательного. И введение в действие этого содержания может приводить к серьезной индивидуальной психопатологии, включая немотивированное насилие.

Кажется, что по неизвестным причинам пробуждение околородовых составляющих может возрасть одновременно у большого числа людей, как это происходило, например, в нацистской Германии. Это пробуждение

создает атмосферу всеобщего напряжения, тревоги и опасности. При этом вождем оказывается индивид, который находится под более сильным влиянием родовых энергий, чем средний человек. У него к тому же есть способность не признавать своими эти невыносимые чувства («тень», согласно юнгианской терминологии) и переносить их на внешнее положение. Ощущение неудобства и раздражение относятся на счет врага, чье уничтожение посредством военного вторжения предлагается как решение.

Развязанная затем война обеспечивает благоприятную возможность преодолеть психологические защиты, которые в обыденной жизни держат на замке опасные околородовые стремления. Фрейдовское Сверх-я — психическая сила, которая навязывает сдержанное и цивилизованное поведение, заменяется «военным Сверх-я». Теперь мы получаем награды и медали за убийство, за разрушение всего подряд и грабеж — то есть, за такое поведение, которое в мирное время считалось бы неприемлемым и наказуемым. Околородовые стихии, с которыми мы, как правило, сталкиваемся на определенной стадии в ходе внутреннего освоения и преобразования (БПМ-2 и 3) отныне выносятся вовне и становятся частью повседневной жизни либо непосредственно, либо в виде телевизионных новостей. Различные безвыходные положения, такие как осады, засады и концлагеря, а также садомазохистские оргии, сексуальное насилие, зверское и демоническое поведение, высвобождение огромной взрывной энергии и скатология — словом, все, что принадлежит к разряду образцовой околородовой образности, с необычайной яркостью и силой разыгрывается в войнах и революциях.

Очевидно, что разыгрывание вовне насильственных бессознательных побуждений, независимо от того, происходит это в индивидуальном масштабе или коллективно, в войнах и революциях, не приводит к преобразению. Ведь тут и в помине нет ни прозрения, ни намерения исцелиться при помощи полного переживания в сознании. Поэтому даже если война или революция приходят к успешному завершению, то цель лежащей в основе подобных насильственных событий родовой фантазии, которая и представляет собой их глубочайшую движущую силу, все равно не достигается. Даже триумфальная внешняя победа не приносит предвкушаемого чувства внутреннего эмоционального освобождения и духовного возрождения. И после упоительных чувств радости победы приходит сначала трезвое пробуждение, а затем и горькое разочарование. Обычно не требуется много времени, чтобы копия старой угнетающей системы начала возникать на развалинах омертвевшего сновидения, потому что в глубоком бессознательном каждого из участников продолжают действовать те же искаженные силы. И понятно, что от Французской революции и большевистского переворота в России до второй мировой войны этот образец повторяется снова и снова.

Психические движущие силы коммунистической идеологии. Поскольку я провел много лет, занимаясь работой с глубинными переживаниями в Праге в те времена, когда в Чехословакии был марксистский режим, мне удалось собрать интересный материал относительно психических движущих сил коммунизма. Вопросы, связанные с коммунистической идеологией, как правило, возникали при лечении моих пациентов в то время, когда они боролись с околородовыми энергиями и чувствами. И вскоре стало

очевидным, что стремление к страстному сопротивлению, которое питают революционеры по отношению к своим угнетателям и их порядкам, получает мощное подкрепление из бунта против внутренней тюрьмы их околородовых воспоминаний. И наоборот, потребность принуждать других и господствовать над ними является внешним замещением необходимости преодолеть страх быть подавленным собственным бессознательным. Таким образом, убийственная взаимосвязанность угнетателя и революционера есть получившая внешнее выражение копия состояния, переживаемого в родовых путях.

Коммунистическое видение содержит одну составляющую, которая психологически ощущается как правда и делает его привлекательным для большого числа людей. Это ощущение того, что революционное насильственное переживание необходимо, чтобы положить конец страданию и угнетению и установить состояние всеобщего согласия, конечно же, правильно, но только когда оно понимается как действие внутреннего преобразования. Однако это представление становится опасным заблуждением, когда переносится на внешний мир как политическая идеология революций. Когда подобное происходит, то более глубокий архетипический образец духовной смерти и возрождения извращается в некую атеистическую и антидуховную программу.

Коммунистические революции были успешными в их разрушительной фазе, но вместо обещанного братства и согласия их победы порождали режимы, при которых безраздельно властвовали подавление, жестокость и несправедливость. Сегодня, когда экономически разваленный и политически развращенный Советский Союз обрушился, а коммунистический мир как целое развалился, всем здравомыслящим людям очевидно, что этот гигантский исторический эксперимент, проведенный ценой миллионов человеческих жизней и невообразимых страданий, был колоссальным провалом. А значит, никакие внешние вмешательства не имеют перспективы создать лучший мир, если они не связаны с глубоким преображением в человеческом сознании. Кто-то доказывал, что коммунистический эксперимент мог бы сработать, если бы проводился правильно, или, говорили другие, если бы он сменился неким более высоким общественным движением. Но все эти утверждения не учитывают основного порока, заключающегося в предписании внешнего средства для излечения внутреннего заболевания.

Проявление околородовых сил в концентрационных лагерях

Наблюдения современных исследований сознания также проливают важный дополнительный свет на психологию концентрационных лагерей. На протяжении многих лет профессор Бастианс из Лейдена (Голландия) проводил сеансы ЛСД-терапии с людьми, страдающими от «синдрома концлагеря», — состояния, которое развивается у бывших узников лагерей много лет спустя после заключения. Бастианс также работал с бывшими надзирателями, переживающих чувство глубокой вины. Описание этой работы в художественной форме можно найти в книге «Шивитти», написанной бывшим заключенным, назвавшимся Ка-Цетник 135633, который проходил ряд терапевтических сеансов у Бастианса (Ka-Tzetnik 135633, 1989).

Сам Бастианс написал статью «Человек в концентрационном лагере и концентрационный лагерь в человеке» (Bastians, 1955), в которой

рассказал об этой работе. В этой статье он указывал, не упоминая, однако, об околородовых движущих силах, что концлагерь является человеческой проекцией некой бессознательной области, и утверждал: «Перед тем как человек оказался в концлагере, концлагерь уже был в человеке». Изучение необычных состояний сознания дает возможность определить область психики, о которой говорил Бастианс.

Но при более тщательном изучении мы замечаем, что условия в нацистских концлагерях являлись дьявольским и натуралистическим разыгрыванием той кошмарной атмосферы, которая проживается в ходе биологического рождения. Заборы из колючей проволоки, изгороди под высоким напряжением, смотровые вышки с пулеметами, минные поля и своры натасканных собак создавали адский и почти архети-пический образ до крайности безнадежного и гнетущего состояния безысходности. И как мы видели, именно такое переживание характерно для первой клинической стадии рождения (БПМ-2). В то же время составляющие жестокости, зверства, скатологии и сексуального насилия над мужчинами и женщинами, включая изнасилование и садистские практики, все это принадлежит феноменологии второй стадии рождения (БПМ-3).

В концентрационных лагерях сексуальное насилие осуществлялось как на беспорядочном индивидуальном уровне, так и в «кукольных домах» — учреждениях, обеспечивавших «развлечения» офицеров. Единственным способом избежать этого ада была смерть: от пули, от голода и болезней или удушения в газовых камерах, за которой следовали печи крематориев. Книги Ка-Цетника 135633 «Кукольный дом» и «Восход над адом» (Ка-Tzetnik, 1955 and 1977) описывают жизнь в концентрационных лагерях с поразительными подробностями. Согласно этим описаниям, особой мишенью для изуверств эсэсовцев были беременные женщины. Скато-логическое измерение изуверств в концентрационных лагерях обнажало их иррациональную природу и воздействие глубинных бессознательных влечений. Заключенных заставляли бросать миски для еды в отхожие места, а затем доставать их обратно, принуждали узников мочиться в рот друг другу — занятия, которые, помимо скотства, несли в себе большую опасность эпидемий. В одном только Бухен-вальде в течение одного месяца в фекалиях утонуло двадцать семь узников.

Где берут начало подобные действия? Я полагаю, что сила, глубина, притягательность и убедительная естественность чувств и ощущений, задействованных в подобных переживаниях, указывают на их происхождение из коллективного бессознательного. И когда наше внутреннее освоение приводит нас к памяти о травме рождения, то врата коллективного бессознательного оказываются распахнутыми, открывая доступ к переживаниям других людей, которые когда-то уже были в подобных тяжких обстоятельствах. И теперь нетрудно представить себе, что околородовой уровень нашего бессознательного, который столь близко «знает» историю человеческого насилия, частично ответствен за войны, революции и подобные им катаклизмы.

Свидетельства родовых корней насилия Роль травмы рождения как источника насилия и склонностей к саморазрушению была подтверждена клиническими исследованиями. Собранные данные говорят о том, что травмирующее детство само по себе не является достаточной причиной, чтобы привести к преступному поведению в последующие годы. Чтобы явиться значимой причиной для этого, послеродовой травматизации, такой,

как отделение от матери, должно предшествовать осложненное рождение. Как ранее описывалось в главе второй, исследования показывают взаимосвязь между самоубийством и травмой рождения. Подобные свидетельства подкрепляют и связи рождения с насилием, направленным вовне. Например, французский акушер Мишель Оден (1995) показал, каким образом гормоны, задействованные в ходе рождения и вскармливания (окситоцин, эндорфины, адреналин, норадреналин и пролактин) влияли на раннее запечатление насильственного или любящего поведения. Окситоцин известен как вещество, вызывающее материнское поведение у животных, эндорфины благоприятствуют привязанности и влечению, а адреналиновые механизмы играли решающую роль в эволюции как медиаторы инстинкта нападения и защиты матери в то время, когда рождение происходило в незащищенном естественном окружении. И такие химические воздействия служат еще одним свидетельством связанности между переживанием рождения и образцами последующего поведения.

Таким образом, мы убедились, что обстоятельства рождения играют важную роль в создании предрасположенности к насилию и склонности к саморазрушительному поведению, или наоборот, к поведению, исполненному любви и здоровым межчеловеческим отношениям. И если это правда, то становится возможным умерить пагубную агрессивность и саморазрушительные наклонности посредством перемен в обстоятельствах рождения. И было бы совсем несложно, при тех средствах, которые имеются в нашем распоряжении, обеспечить тихое, безопасное домашнее окружение при родах, приводящее к благоприятному запечатлению межчеловеческих отношений. Но атмосфера занятости работой, шума и хаоса во многих родильных домах мешает подобному протеканию событий, вызывая тревогу, и запечатлевает картину мира, который потенциально опасен и требует агрессивных ответных действий.

Надличностные источники насилия

Как мы убедились, мировоззренческие схемы, ограниченные послеродовой биографией и фрейдовским бессознательным, не дают настоящего объяснения крайних проявлений человеческого насилия ни на индивидуальном, ни на коллективном уровнях. Тем не менее, оказывается, что корни человеческого насилия проникают намного глубже, чем околородовой уровень психики. Исследования сознания открыли значимые дополнительные источники агрессии в надличностной области, где мы, например, находим архетипические прообразы демонов и свирепых божеств, сложные, разрушительные мифологические сюжеты, образцы агрессивного поведения животных и воспоминания из прошлых жизней, включающие в себя насилие.

К.Г. Юнг полагал, что архетипы коллективного бессознательного, помимо того что оказывают мощное воздействие на поведение индивидов, также правят большей частью событий человеческой истории. С его точки зрения, целые нации или культурные группы могут разыгрывать в своем поведении важнейшие мифологические темы. И в десятилетие, предшествовавшее началу второй мировой войны, в снах своих пациентов из Германии Юнг находил многие составляющие нордического мифа о Рагнарёке, или сумерках богов, из чего он сделал вывод, что этот архетип возникает в коллективной психике немецкого народа и это приведет к катастрофе, которая в конечном счете обернется самоуничтожением.

Мы видели, что нередко лидеры государств для достижения своих политических целей намеренно использовали околородовые образы. Однако, помимо этого, они часто заимствуют архетипическую и духовную символику. Например, от крестоносцев средневековья требовалось принести свои жизни за Иисуса в войне, истинной целью которой было вырвать Святую землю из под владычества магометан и передать ее под власть европейского дворянства. Гитлер использовал в своих интересах мифологические мотивы о превосходстве нордической расы и тысячелетнем рейхе, также как и древние ведийские символы — свастику и солнечного орла. Аятолла Хомейни и Саддам Хуссейн возбуждали воображение своих мусульманских приверженцев ссылками на *джихад* — священную войну против неверных.

Снова вспомним в этой связи, что Кэрол Кон рассказывает о том, как ученые-мужчины пытались присвоить себе высшую способность творения — в данном случае посредством духовной символики и религиозной образности, вкрапленной в язык ядерной культуры. Ибо творцы стратегической доктрины обращаются к членам своего сообщества как к «ядерному священству». Первое ядерное испытание было названо «Тринити» — Троицей, символизирующей едино-сущность Отца, Сына и Святого Духа, мужских сил творения. Ученые, работавшие над созданием атомной бомбы, очевидцы ее испытания, описывают это следующим образом: «Это было так, как будто мы присутствовали при первом дне творения». А Роберт Оппенгеймер зашел настолько далеко, что заимствовал слова из Бхагавадгиты, сказанные Кришной Арджуне: «Я стал смертью, разрушителем вселенных».

Новые догадки относительно природы ненасытной алчности

Психоаналитики приписывают ненасытную потребность людей чего-то достигать, чем-то обладать или становиться чем-то большим, чем они есть в данный момент сублимации более низких влечений. Согласно Фрейду, «то, что выглядит, как ... неустанное побуждение к дальнейшему совершенствованию, может легко быть понято как результат подавления влечений, на котором основывается все самое драгоценное в человеческой цивилизации. Подавленное влечение никогда не перестает стремиться к полному удовлетворению, каковое состояло бы в повторении первоначального переживания удовлетворения. Никаких замещающих или реактивных образований и никакой сублимации не хватит для того, чтобы удалить сохраняющееся вытесненное напряжение влечений» (Freud, 1955).

В более конкретной плоскости Фрейд рассматривал алчность как явление, связанное с нарушениями, возникающими в период кормления грудью. Согласно его представлениям, постоянная неудовлетворенность или перекармливание во время оральной фазы развития полового влечения могут усиливать первоначальную детскую потребность хватать предметы до такой степени, что во взрослом состоянии это в сублимированном виде переносится на самые разные объекты и ситуации. Когда же влечение к приобретению сосредоточено на деньгах, психоаналитики приписывают его задержке на анальной стадии развития либидо. А ненасытная половая потребность считается результатом фиксации на фаллической стадии, да и многие другие неослабные человеческие стремления истолковываются в переводе на язык сублимации подобными фаллическими инстинктивными побуждениями.

Но современные исследования сознания обнаруживают, что подобные толкования чрезвычайно поверхностны и неудовлетворительны. Мы обнаружили, что важные дополнительные источники неодолимого стремления к приобретательству, алчности возникают на околородовом и надличностном уровнях бессознательного.

Околородовые источники ненасытной алчности

В ходе биографически направленной психотерапии многие люди открывают, что некоторые стороны их межличностных взаимоотношений были недостоверными. Например, тревожения, связанные с властью родителей, приводили к конкретным затруднениям в отношениях с представителями власти. А повторяющиеся образцы нарушений в сексуальных взаимоотношениях могут быть возведены к родителям как модели для подражания в половом поведении, трудности в отношениях с братьями и сестрами — окрашивать и нарушать будущие отношения со сверстниками и т. д.

Когда же ход самоосвоения в переживании достигает околородового уровня, то люди, как правило, обнаруживают, что вся их жизнь, вплоть до этого момента, в сущности, была неподлинна во всей своей полноте, а не только в некоторых отдельных частях. К своему удивлению и изумлению, они выясняют, что вся их жизненная стратегия целиком была направлена в ложную сторону, а потому и не могла принести подлинного удовлетворения. Причиной этого служило то обстоятельство, что она побуждалась главным образом страхом смерти и бессознательными силами, связанными с биологическим рождением, которые не были соответствующим образом переработаны, поскольку мы рождаемся анатомически, а отнюдь не чувственно.

Когда же поле нашего сознания подвергается сильному воздействию со стороны заложенной в его глубине памяти о борьбе в родовых путях, это приводит к чувству стеснения, недомогания и неудовлетворенности. Это недовольство может касаться широкого спектра проблем: неудовлетворенность своей внешностью, недостаточные возможности и материальные средства, низкое общественное положение, недостаточное количество власти, влияния и славы и др. Подобно ребенку, зажатому в родовых путях, индивид вынужден искать лучшее состояние, которое, как кажется, лежит где-то в будущем.

Какими бы ни были в действительности наши нынешние обстоятельства, мы не ощущаем их как удовлетворительные. В нашем воображении решение будет обеспечено только в некоем будущем состоянии, и до тех пор, пока мы не достигли его, жизнь еще не является «настоящим делом». Из этого стиля жизни возникает образец существования, который описывается как «бегущая дорожка» или «крысиные бега». А экзистенциалисты говорят о «самоотбрасывании» в будущее.

Если цель не достигается, то вина за продолжающуюся неудовлетворенность возлагается на то, что нам не удалось применить воображаемые исправляющие меры. Когда же цель достигнута, то, как правило, неудовлетворенность рационально переосмысливается в уверенность, что неправильным был выбор самой цели, или что она была все-таки недостаточно честолюбивой. И потому ее необходимо, либо

повысить, либо заменить новой. В любом случае неудача поиска не диагностируется правильно, ибо была следствием изначально неверной стратегии, в принципе не способной приносить удовлетворения. И этот ложный образец, применяемый в самом широком масштабе, ответствен за безрассудное иррациональное преследование грандиозных целей, которые в нашем мире ведут к гораздо большему страданию и еще большим невзгодам. И поскольку удовлетворение ускользает всегда, то подобный образец на многих самых разных уровнях разыгрывается многократно.

Надличностные корни ненасытной алчности

Современные исследования сознания и психотерапия переживания обнаружили, что самый глубокий источник нашей неудовлетворенности и стремления к совершенству лежит далеко за пределами околородовой области. Та ненасытная жажда, которая сопровождает человека всю его жизнь, в своей последней сути надличностна. По словам Данте Алигьери, «желание совершенства — это такое желание, которое делает любое удовольствие всегда неполным, ибо нет в этой жизни радости или удовольствия столь великого, чтобы оно могло утолить жажду нашей души». В самом общем смысле глубочайшие надличностные корни ненасытной алчности лучше всего могли бы быть поняты в переложении на язык понятий «Проекта Атман» Кена Уилбера (Wilber, 1980). Уилбер доказывает, что наше истинное естество божественно: Бог, Будда, Брахман, Дао — и что хотя ход творения отделяет и отчуждает нас от нашего истока, осознание нашей изначальной божественности никогда не утрачивается полностью. Глубочайшая побуждающая сила психики на всех уровнях эволюции сознания заключена в возврате к этому переживанию. Однако сдерживающие условия развития человека мешают нам всецело пережить полное освобождение в Боге и в качестве бога.

Действительное превосходство требует смерти отделенного Я — умирания в качестве исключительного субъекта. Из-за страха уничтожения и цепляния за Я индивиду приходится довольствоваться заменителями или суррогатами Атмана, которые для каждой стадии развития оказываются особыми. Для младенца суррогатом было бы удовлетворение физиологических потребностей, свойственных его возрасту. Для взрослого, помимо пищи и пола, это также деньги, слава, власть, внешность, знания и многое другое. И все же все это время у нас существует глубокое чувство, что нашей настоящей самобытностью является вся полнота космического творения и само творящее начало. И потому заменители любой степени и масштаба (воплощения-проекты Атмана) всегда останутся неудовлетворяющими. Лишь переживание своей божественности в холотропном состоянии сознания может когда-либо исполнить наши глубочайшие потребности. Стало быть, последнее разрешение нашей ненасытной алчности — во внутреннем мире, а не в мирских стремлениях и замыслах любого вида и размаха.

Подходы к эволюции сознания, основывающиеся на переживании

Мы увидели теперь, что корни человеческого насилия и ненасытной алчности проникают много глубже, чем могла представить себе академическая психиатрия, и что их запасы поистине чудовищны. Это открытие само по себе могло бы оказаться обескураживающим. Однако, к

счастьем, оно уравнивается новыми терапевтическими механизмами и преобразующими возможностями, появляющимися в результате изучения околородовых и надличностных уровней действительности.

На протяжении многих лет я был свидетелем глубокого эмоционального и психосоматического исцеления, а также коренного преобразования многих людей, вовлеченных в серьезные и целенаправленные внутренние поиски. Некоторые из них занимались медитацией и регулярной духовной практикой, у иных были психоделические переживания или непровольные духовно-психические обострения, многие же участвовали в переживательном самоосвоении разных видов. И поскольку они сознательно сталкивались с околородовыми и надличностными переживаниями и усваивали их, то, как правило, их личности претерпевали коренное изменение.

Ведь когда содержание околородового уровня бессознательного появляется в сознании, уровень агрессивности, как правило, значительно уменьшается. Люди становятся более спокойными, уютными для самих себя и терпимыми к другим. Духовно-психическое возрождение и связь с благоприятными послеродовыми или дородовыми воспоминаниями уменьшает иррациональные влечения и устремления и увеличивает способность наслаждаться повседневными делами, любовью, природой и музыкой и т.п. А переживания космического единения и нашей собственной божественности еще более уменьшают иррациональные побуждения, пробуждая чувство удивления и способность любить, открывают глубокие источники творчества. И что закономерно, глубокое самоосвоение зарождает мистическую вселенскую духовность, основанную на личном переживании.

Некоторые переживания в холотропных состояниях сознания коренным образом меняют ощущение личного тождества индивида с чем-то или с кем-то и его отношение к миру. В этой связи мы переживаем наше тождество с другими людьми, целыми человеческими сообществами, с животными, растениями и даже с неорганическими веществами и процессами в природе. У кого-то могут быть переживания доступа к событиям, происходящим в других странах, культурах и исторических периодах, и даже к мифологическим царствам и архетипическим существам юнговского коллективного бессознательного. И, как ранее уже говорилось, мы осознаем, что переживания эти подлинны, потому что зачастую они содержат достоверные сведения о сферах сущего, лежащих вне опыта данного субъекта.

Эти открытия наводят на мысль, что на каком-то более глубоком уровне индивидуальная психика каждого человека, в конечном счете связана со всем космосом и в некотором смысле соизмерима с ним. Таким образом, современные исследования сознания подтвердили основное положение древнеиндийских Упанишад, что каждый из нас, в конечном счете, тождествен всей полноте сущего и самому творящему началу. Индивид не только тело или Я, но еще и высшее космическое начало (Атман-Брахман).

Эти наблюдения трансперсональной психологии имеют далеко идущие практические последствия. То, что начиналось как психологическое зондирование бессознательной психики, с необходимостью стало философским поиском смысла жизни и странствием, полным духовных открытий. Люди, установившие связь с трансперсональной психологией, склонны развивать в себе новую оценку сущего и благоговение перед

жизнью. Одним из самых поразительных последствий различных видов надличностных переживаний является непроизвольное появление и развитие глубокой человеческой и экологической обеспокоенности. И основано это на почти клеточном осознании того, что все границы во Вселенной случайны и что каждый из нас тождествен всей ткани сущего. Становится ясно, что мы не можем влиять на природу, одновременно не влияя на самих себя. А различия между людьми кажутся скорее вызывающими интерес и обогащающими, нежели несущими угрозу, связаны ли они с полом, расой, цветом кожи, языком, политическими убеждениями или религиозными верованиями. И если бы преобразование такого рода происходило с достаточно широким размахом, то возможности выживания человечества значительно возросли.

Понимание глобального кризиса и возможность его избежать

У некоторых людей, переживающих холотропные состояния сознания, озарения напрямую связаны с нынешним глобальным кризисом и его взаимосвязанностью с эволюцией сознания. По их рассказам мы можем понять, что в современной культуре воплотились многие из существенно важных родовых тем, с которыми внутренне объединяется человек, вовлеченный в глубокое личное преобразование. Те же самые составляющие, которые мы могли бы встретить в ходе духовно-психической смерти и возрождения в наших духовидческих переживаниях, сегодня приходят к нам в виде вечерних новостей. И это особенно верно в отношении явлений, являющихся характерными чертами БПМ-3, борьбы жизни со смертью до появления из родовых путей.

Разумеется, мы видим чудовищное высвобождение агрессивного начала в войнах и революционных переворотах, в росте преступности, терроризма и расовых бунтах. Высвобождение полового влечения, имеющее и здоровые, желательные, и дурные последствия в разных видах проявляется в нашей культуре. Современное западное общество переживает ослабление ханжеских и нежизненных моральных образцов в отношении полового поведения: половая свобода подростков, признание добрачных половых отношений, открытый разговор о половых запретах, легализация гомосексуальных отношений и свободное отображение полного спектра половой тематики в искусстве. В то же самое время открытые браки, неразборчивость в связях, групповые оргии, процветающий рынок подростковой и детской порнографии, садомазохистские салоны, рынок сексуальных рабов и другие крайние виды подобного рода экспериментов становятся все более привычными.

Одновременно все большие основания обретает также и демоническая составляющая. Ее удостоверяют и возрождение сатанинских культов, и ведьмовство, и популярность книг и фильмов ужасов на оккультные темы, и рост числа преступлений с сатанинскими побуждениями. Скатологическое измерение проявляется в возрастающем промышленном загрязнении, в накоплении отходов в глобальном масштабе и в катастрофическом ухудшении экологии в больших городах.

Многие из тех, с кем мы работали, видели человечество стоящим на перепутье перед выбором: либо самоуничтожение, либо беспримерный по своему масштабу эволюционный скачок в сознании. Теренс Маккенна сказал об этом кратко: «История глупой обезьяны так или иначе

закончена». Кажется, что мы все вовлечены в движение, которое по своей направленности соответствует той психологической смерти и возрождению, которую в холотропных состояниях сознания индивидуально пережило множество людей. И если мы будем продолжать осуществлять вонне разрушительные и саморазрушительные стремления, берущие начало в глубине бессознательного, то, несомненно, истребим себя и жизнь на нашей планете. Однако если мы в достаточно большом масштабе преуспеем в деле обращения этого движения во внутрь нас самих, то могут произойти эволюционные изменения, которые уведут нас гораздо дальше от нашего теперешнего состояния, чем мы, теперешние, отстоим от приматов. Какой бы утопичной не представлялась возможность такого развития, оно может оказаться нашим единственным настоящим выбором.

Будущее надличностной эволюции

Как же мы можем привести в действие представления, которые появились из поля трансперсональной психологии и из новой парадигмы в науке? Хотя прошлые достижения и впечатляют, однако новые идеи составляют скорее разрозненную мозаику, нежели завершенное и всеохватное видение мира. Предстоит еще много поработать, и в отношении накопления данных, и создания новых теорий, и достижения творческих обобщений. Да и имеющиеся сведения должны стать известны гораздо более широкой аудитории, прежде чем можно будет ожидать значительного воздействия на положение в мире.

Но даже коренного интеллектуального сдвига к новой парадигме в широком масштабе будет недостаточно, чтобы смягчить глобальный кризис и повернуть вспять то разрушительное движение, в котором мы участвуем. Необходимо глубокое чувственное и духовное преображение человечества. Используя существующие доказательства, можно предложить некоторые стратегии, которые могли бы способствовать этим изменениям и подкрепить их.

Попытки изменить человечество должны начинаться с предохранительных психологических мер, предпринимаемых в раннем возрасте. Многого можно было бы достичь путем изменения условий беременности, родов и послеродового ухода — улучшения эмоциональной подготовки матери во время беременности, осуществления естественного деторождения и поощрения чувственно обогащающего соприкосновения матери и ребенка в послеродовой период.

Многое было написано о важности вскармливания ребенка, как и о разрушительных эмоциональных последствиях травмирующих условий в младенчестве и детстве. Конечно же, это область, где непрерывное образование и руководство необходимо. Тем не менее, для того чтобы быть способными применять на практике теоретически известные правила, родителям нужно самим достичь достаточной эмоциональной устойчивости и зрелости. Ведь известно, что эмоциональные недуги передаются от поколения к поколению подобно проклятию. И здесь мы сталкиваемся с очень сложной задачей.

Начинать следует, по-видимому, с распространения сведений о возможностях самоосвоения и накопления критической массы людей, лично заинтересованных в его проведении. Действенные переживательные методы самоосвоения, исцеления и преображения человека доступны как врачебной традиции, так и современным трактовкам древних духовных

занятий. Некоторые из этих подходов удобны там, где есть достаточное количество профессиональных помощников, тогда как другие могут применяться в группах самопомощи. Но чем больше людей будет вовлечено в целенаправленную деятельность такого рода, тем больше надежда, что у нас окажется достаточно духовной открытости, необходимой для выживания нашего вида.

Человечество вовлечено в захватывающую гонку на время, равных которой не найти в его истории. И ставка в ней — будущее жизни на нашей планете. Но если мы будем продолжать осуществлять наши старые стратегии, разрушительные и саморазрушительные, то человеческий вид вряд ли сохранится. Однако если достаточно большое число людей переживет события глубокого внутреннего преобразования, то мы сможем достичь такого уровня эволюции сознания, что станем достойными славного имени, которое дали своему виду: *homo sapiens* — «человек разумный».

ЛИТЕРАТУРА

1. Необычные **состояния сознания**

Eliade, M. *Shamanism: The Archaic Techniques of Ecstasy*. New York: Pantheon Books, 1964.

Green, E. E., and A. M. Green. *Beyond Biofeedback*. New York: Delacorte Press, 1978.

Grof, C., and S. Grof. *The Stormy Search for the Self A Guide to Personal Growth through Transformational Crisis*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1990.

Grof, S., and C. Grof. *Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1989.

Harner, M. *The Way of the Shaman: A Guide to Power and Healing*. New York: Harper & Row, 1980.

Jung, C. G. «The Archetypes and the Collective Unconscious», in *Collected Works*, vol. 9, no. 1, Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959.

LaBerge, S. *Lucid Dreaming: The Power of Being Awake and Aware in Your Dreams*. New York: Ballantine, 1985.

Lilly, J. C. *Deep Self: Profound Relaxation and the Tank Isolation Technique*. New York: Simon and Schuster, 1977.

Rank, O. *The Trauma of Birth*. New York: Harcourt Brace, 1929.

Schultes, R.E., and A. Hofmann. *Plants of the Gods: Origin of Hallucinogenic Use*. New York: McGraw Hill, 1979.

Stafford, P. *Psychedelic Encyclopedia*. Berkeley, CA: And/Or Press, 1977.

Wasson, R.G., A. Hofmann, and C.A.P. Ruck. *The Road to Eleusis: Unveiling the Secret of the Mysteries*. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1978.

2. Архитектоника эмоциональных и психосоматических нарушений

Adler, A. *The Practice and Theory of Individual Psychology*. New York: Harcourt, Grace & Co., 1932.

Blanck, G., and R. Blanck. *Ego Psychology: Theory and Practice*. New York: Columbia University Press, 1965.

Fenichel, O. *The Psychoanalytic Theory of Neurosis*. New York: W. W. Norton, 1945.

Freud, S. *Three Essays on the Theory of Sexuality*. Standard edition, vol. 7.

London: The Hogarth Press, 1953.

Freud, S. 1953. *An Outline of Psychoanalysis*. Standard edition, vol. 23. London: The Hogarth Press, 1953.

Grof, S. *Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy*. Albany, N.Y: State University of New York Press, 1985.

Janus, S., B. Bess, and C. Saltus. *A Sexual Profile of Men in Power*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977.

Jung, C. G. «Symbols of Transformation» in *Collected Works*, vol. 5, Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1956.

Jung, C. G. «The Archetypes and the Collective Unconscious» in *Collected Works*, vol. 9, no. 1. Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959.

Jung, C. G. «Synchronicity: An Acausal Connecting Principle», in *Collected Works*, vol. 8. Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.

Rank, O. *The Trauma of Birth*. New York: Harcourt Brace, 1929.

Reich, W. *The Function of the Orgasm: Sex-Economic Problems of Biological Energy*. New York: Farrar, Strauss & Giroux, 1961 .

Tarnas, R. *The Passion of the Western Mind*. New York: Harmony Books, 1991.

Tarnas, R. *Psyche and Cosmos: Intimations of a New World View*. New York: Random House, in press.

3. Теория и практика холотропной терапии

Campbell, J. *The Way of the Animal Powers*. New York: Harper and Row, 1984.

Freud, S., and J. Breuer. *Studies in Hysteria*. New York: Nervous and Mental Diseases Publication Company, 1936.

Fried, R. *The Hyperventilation Syndrome: Research and Clinical Treatment*. Johns Hopkins Series in Contemporary Medicine and Mental Health. Baltimore, MD: Johns Hopkins, 1987.

Grof, C., and S. Grof. *The Stormy Search for the Self: A Guide to Personal Growth through Transformational Crisis*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1990.

Grof, C. *The Thirst for Wholeness*. San Francisco: Harper, 1993.

Grof, S., and C. Grof. *Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1989.

Grof, S. *LSD Psychotherapy*. Pomona, CA: Hunter House, 1980. Grof, S. *The Adventure of Self-Discovery*. Albany, NY: State University of New York Press, 1988.

Hastings, A. «A Counseling Approach to Parapsychological Experience». *Journal of Transpersonal Psychology* 15 (1983): 143.

Hastings, A. *Tongues of Men and Angels*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1990.

Jung, C. G. «Synchronicity: An Acausal Connecting Principle» in *Collected Works*, vol. 8. Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.

Jung, C. G. «A Review of the Complex Theory», in *Collected Works*, vol. 8. Bollingen Series XX. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960.

Klimo, J. *Channeling: Investigations on Receiving Information from Paranormal Sources*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1987.

Leuner, H. *Experimentelle Psychose*. Springer Series, no. 95. Berlin: n.p.,

1962.

Mack, J. *Abductions: Human Encounters with Aliens*. New York: Charles Scribner's Sons, 1994.

Maslow, A. *Religions, Values, and Peak Experiences*. Cleveland: Ohio State University, 1964.

Perry, J. W. *Lord of the Four Quarters*. New York: Braziller, 1966. Perry, J. W. *The Far Side of Madness*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1974.

Perry, J. W. *Roots of Renewal in Myth and Madness*. San Francisco: Jossey-Bass Publications, 1976.

Rappaport, M. et al. «Are There Schizophrenics for Whom Drugs Might Be Unnecessary or Contraindicated?» *International Pharmacopsychiatry* 13 (1978): 100.

Ring, K. *Life at Death. A Scientific Investigation of the Near-Death Experience*. New York: Quill, 1982.

Ring, K. *Heading toward Omega In Search of the Meaning of the Near-Death Experience*. New York: Quill, 1985.

Ring, K., and M. Lawrence. «Further Evidence for Veridical Perception during Near-Death Experiences» *Journal of Near-Death Studies* 11 (1993): 223-229.

Ring, K., and S. Cooper. «Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind: A Study of Apparent Eyeless Vision.» *Journal of Near-Death Studies* 16(1997) 101 -147.

Sannella, L. *The Kundalini Experience Psychosis or Transcendence?*. Lower Lake, CA: Integral Publishing, 1987.

Silverman, J. «Shamans and Acute Schizophrenia». *American Anthropologist* 69 (1967): 21.

Stafford, P. *Psychedelics Encyclopedia*. Berkeley, CA: And/Or Press, 1977.

Stevenson, I. *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1966.

Stevenson, I. *Unlearned Languages*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1984.

Stevenson, I. *Children Who Remember Previous Lives*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1987.

Stevenson, I. *Reincarnation and Biology A Contribution to the Etiology of Birthmarks and Birth Defects*. Westport, CT: Praeger, 1997.

Vithoulkas, G. *The Science of Homeopathy*. New York: Grove Press, 1980.

4. Переживание смерти и умирания

Bache, C. *Lifecycles: Reincarnation and the Web of Life*. New York: Paragon Press, 1988.

Becker, E. *The Denial of Death*. New York: The Free Press, 1973.

Butterworth, G.T., trans. *Origenes Adamantius (Father Origen)*. Gloucester, MA: Peter Smith, 1973.

Butterworth, G.T., trans. *De Principiis (On First Principles)*. Gloucester, MA: Peter Smith, n.d..

Delacour, J. B. *Glimpses of the Beyond*. New York: Delacorte Press, 1974.

Flynn, C. P. *After the Beyond: Human Transformation and the Near-Death Experience*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.

Greyson, B., and C.P. Flynn, eds. *The Near-Death Experience: Problems, Prospects, Perspectives*. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1984.

Grof, S., and J. Halifax. *The Human Encounter with Death*. New York: E.P. Button, 1977.

Grof, S., and C. Grof. *Beyond Death*. London: Thames & Hudson, 1982.

Grof, S. *Books of the Dead*. London: Thames and Hudson, 1994.
Harrington, A. *The Immortalist*. Milbrae, CA: Celestial Arts, 1969. Laszlo, E. *The Creative Cosmos*. Edinburgh: Floris Books, 1994. Moody, R. A. *Life after Life*. New York: Bantam, 1975. Moody, R. A. *Reunions: Visionary Encounters with Departed Loved Ones*. New York: Villard Books, 1993.

Osis, K. et al. *Deathbed Observations of Physicians and Nurses*. New York: Parapsychology Foundation, 1961.

Mead, G.R.S., trans. *Pistis Sophia*. London: John M. Watkins, 1921.

Plato. «Republic», in *The Collected Dialogues of Plato*. Bollingen Series LXXI. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961.

Raudive, K. *Breakthrough*. New York: Lancer Books, 1971.

Ring, K. *Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-Death Experience*. New York: Quill, 1982.

Ring, K. *Heading toward Omega: In Search of the Meaning of the Near-Death Experience*. New York: Quill, 1985.

Roberts, J. *The Education of Oversoul Seven*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.

Rogo, G. S. *The Return from Silence: A Study of Near-Death Experiences*. New York: Harper and Row, 1990.

Sabom, Michael. *Recollections of Death: A Medical Investigation*. New York: Harper & Row, 1982.

Senkowski, E. «Instrumental Transcommunication (ITC)». Paper presented at the Institute for Noetic Sciences, Corte Madera, CA, July, 1994.

Sheldrake, R. *A New Science of Life*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1981.

Stevenson, I. *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1966.

Stevenson, I. *Unlearned Language*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1984.

Stevenson, I. *Children Who Remember Previous Lives*. Charlottesville: University of Virginia Press, 1987.

von Foerster, H. «Memory without a Record», in *The Anatomy of Memory*. Edited by D. P. Kimble. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books, 1965.

Weisse, J. E. *The Vestibule*. Port Washington, NY: Ashley Books, 1972.

5. Космическая игра

Aurobindo, Sri. *The Life Divine*. New York: India Library Society, 1965.

Bache, C. M. *Lifecycles: Reincarnation and the Web of Life*. New York: Paragon House, 1980.

Bolen, J. S. *Goddesses in Every woman: A New Psychology of Women*. San Francisco: Harper and Row, 1984.

Bolen, J. S. *Gods in Everyman: A New Psychology of Men's Lives and Loves*. San Francisco: Harper and Row, 1989.

Campbell, J. *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968.

Campbell, J. *Myths to Live By*. New York: Bantam, 1972.

Fromm, E. *Anatomy of Human Destructiveness*. New York: Holt, Rinehart & Winson, 1973.

- Harman, W. *Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insights*. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1984.
- Hines, B. *God's Whisper, Creation's Thunder: Echoes of Ultimate Reality in the New Physics*. Brattleboro, VT: Threshold Books, 1996.
- Huxley, A. *Perennial Philosophy*. New York and London: Harper and Brothers, 1945.
- Jeans, J. *The Mysterious Universe*. New ork: Macmillan, 1930. Koestler, A. *Janus*. New York: Random House, 1978.
- Lao-tzu. *Tao Te Ching*. Translated by Stephen Mitchell. New York: Harper and Row, 1988.
- Laszlo, E. *The Creative Cosmos*. Edinburgh: Floris Books, 1993.
- Mookerjee, A., and M. Khanna. *The Tantric Way*. London: Thames and Hudson, 1997.
- Plotinus. 1991. *The Enneads*. London: Penguin Books, 1977.
- Sharma, L. N. *Kashmir Shaivism*. Varanasi, India: Bharatiya Vidya Prakashan, 1972.
- Smith, H. *The Forgotten Truth: The Common Vision of the World's Religions*. San Francisco: Harper, 1976.
- von Leibniz, C. W. «Monadology», in *Leibniz Selection*. Edited by P. P. Wiener. New York: Charles Scribner's Sons, 1951.
- Watts, A. *The Book about the Taboo against Knowing Who You Are*. New York: Vintage Books, 1966.
- Whitehead, A.N. *Process and Reality*. New York: Macmillan, 1929.
- Wilber, K. *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*. Wheaton, IL: The Theosophical Publishing House, 1980.
- Wilber, K. *A Brief History of Everything*. Boston: Shambhala Publications, 1996.

6. Эволюция сознания и выживание человека

- Ardrey, R. *African Genesis*. New York: Atheneum, 1961.
- Bastians, A. *Man in the Concentration Camp and the Concentration Camp in Man*. Unpublished manuscript, Leyden, Holland, 1955.
- Cohn, C. «Sex and Death in the Rational World of the Defense Intellectuals». *Journal of Women in Culture and Society* 12(1987): 687-718.
- Darwin, C. *The Origin of Species and the Descent of Man*. Great Books of the Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1952.
- Dawkins, R. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press, 1976.
- de Mause, L. «The Independence of Psychohistory», in *The New Psychohistory*. New York: The Psychohistory Press, 1975.
- Fromm, E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York: Holt, Rinehart and Winson, 1973.
- Grof, S. *Realms of the Human Unconscious*. New York: Viking Press, 1975.
- Keen, S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper, 1988.
- Lorenz, K. *On Aggression*. New York: Harcourt, Brace and World, 1963.
- MacLean, P. *A Triune Concept of the Brain and Behavior*. Lecture I: «Man's Reptilian and Limbic Inheritance»; Lecture II: «Man's Limbic System and the Psychoses»; Lecture III: «New Trends in Man's Evolution», The Hincks Memorial Lectures, ed. T Boag and D. Campbell. Toronto: University of Toronto Press, 1973.
- Morris, D. *The Naked Ape*. New York: McGraw-Hill, 1967.

Odent, M. «Prevention of Violence or Genesis of Love? Which Perspective?» Paper presented at the Fourteenth International Transpersonal Conference in Santa Clara, C A, June, 1995.

Rank, Otto. *The Trauma of Birth*. New York: Harcourt Brace, 1928.
Tinbergen, N. *Animal Behavior*. New York: Time-Life, 1965. Wilber, K. *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*. Wheaton, IL.: The Theosophical Publishing House, 1980.